

НАУЧНО-БОГОСЛОВСКИЙ ВЕСТНИК

**ПЕРМСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ
(2018 – 2019 гг.)**

Пермь, 2019

По благословению
Главы Пермской митрополии
Высокопреосвященнейшего Мефодия,
митрополита Пермского и Кунгурского,
ректора Пермской Духовной семинарии

«Научно-богословский вестник Пермской Духовной семинарии» является ее основным периодическим изданием и формируется на основе междисциплинарного подхода.

В сборнике публикуются научные и просветительские статьи преподавателей и гостей Пермской Духовной семинарии – участников научных конференций и семинаров, организованных на базе пермской духовной школы, а также – наиболее удачные результаты исследовательской работы учащихся семинарии. Издание охватывает широкий спектр вопросов по богословию и патрологии, церковной истории и краеведению, духовному образованию и христианской миссии, церковному искусству и регентскому делу.

Журнал адресован преподавателям и студентам духовных учебных заведений Русской Православной Церкви, специалистам в области духовных и гуманитарных дисциплин: богословия, религиоведения, философии, истории, социологии, литературы, педагогики, культурологи и искусствоведения.

**ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО
ГЛАВЫ ПЕРМСКОЙ МИТРОПОЛИИ
ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЕЙШЕГО МЕФОДИЯ,
МИТРОПОЛИТА ПЕРМСКОГО И КУНГУРСКОГО**

Дорогие о Господе братья и сестры!

Минувшие два года были связаны с воспоминанием о свидетельстве Церкви Христовой перед лицом мира в годы революции и Гражданской войны. 100-летняя дистанция отделяет нас от тех знаменательных и трагических событий. Именно тогда, когда Россия оказалась на пороге великих испытаний, Поместный собор Православной Российской Церкви 1917 – 1918 гг. восстановил Ее каноническое управление и дал направление назревшему реформированию всех сторон церковной жизни, сплотил Церковь вокруг Патриарха и помог выдержать обращенный против Нее удар.

Если окинуть мысленным взором историю Русской Православной Церкви в Пермском крае, то станет очевидно, что все ее события представляют собой непрестанное действие Всеблагого Промысла Божия.

26 декабря 2014 г. резолюцией Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла установлено празднование Собора Пермских святых. Совершать торжественно их чествование определено в первое воскресенье после 11 февраля – дня памяти святителей Герасима, Питирима и Ионы, епископов Великопермских, Устьвымских.

Чтобы просветить Пермскую землю светом Божественной истины, в далеком XVI в. Господь возжег в сердце юного монаха Стефана, будущего апостола Перми, огонь ревности к обращению идолопоклонников – коми-пермяцких племен. В суровом климате, невзирая на опасности путешествий, нес он народам, пребывавшим в плену языческих верований, Евангельскую проповедь. Его преемники – святители Герасим и Питирим не только словом истины, но своею мученической кровью утверждали Православие в Перми Малой. Равноапостольные труды первых Пермских епископов послужили духовным основанием для крещения епископом Ионой населения Перми Великой и Чердыни в пределах нынешней Пермской митрополии. Главный пример, который оставили последующим поколениям Пермские святители – это деятельный подвиг веры, пламенное горение души любовью к Богу и ближним.

Прошли столетия, и в XX в. Церковь Русская подверглась неслыханным гонениям, явив миру такой сонм Новомучеников и Исповедников, который можно сравнить с подвигом мучеников первых веков христианства. Масштабные репрессии, направленные против духовенства в Пермской епархии, были, пожалуй, самыми кровавыми в России, но Промыслом Божиим в тот период Пермская земля дала Церкви людей великой духовной силы, жертвенной любви и благочестия.

Мужественно противостояли безбожной «буре» Пермские будущие священномученики – архиепископ Андроник (Никольский) и епископ Феофан (Ильменский). Следуя исповедническому примеру своего архипастыря – священномученика Андроника, спустя два месяца после его кончины, не побоя-

лись испить чашу страданий за Христа насельники Белогорского монастыря, прославленные ныне Церковью как преподобномученики.

В 2017 г. Пермская митрополия отмечала знаменательную дату – 100-летие со дня освящения Крестовоздвиженского собора Белогорской обители. Известно, что сооружение этого грандиозного храма было начато по благословению святого праведного протоиерея Иоанна Кронштадтского, данного им в 1898 г. наместнику обители игумену Варлааму (Коноплеву). Заложенный в 1902 г. Крестовоздвиженский собор сооружался великим усердием белогорской братии на пожертвования боголюбивых русских людей, в числе которых был Государь – мученик Николай II.

Возведение храма велось на рубеже эпох. Вдали от зарождающейся политической смуты, в пермской глубинке, созидался миссионерский монастырь, полным ходом шло строительство величественного собора. Храмоздателей не смущали ни упаднические настроения, связанные с поражением России в русско-японской войне, ни экономический спад, вызванный началом Первой Мировой войны.

В феврале 1917 г. в России был свергнут Царь, упразднена монархия. На этом фоне можно было бы поколебаться, опустить руки, а Белогорский монастырь обретал в народе славу «Уральского Афона». Близкий к завершению строительства Крестовоздвиженский собор поражал своим величием стекающихся на Белую Гору многочисленных паломников. Торжественное освящение соборного храма совершилось 7 июня 1917 г., в тревожное время – между двумя революциями.

Осенью с приходом к власти леворадикальных партий начиналось открытое гонение на Православную Церковь. В Петрограде пролилась кровь священника Иоанна Кочурова, убитого во время служения молебна о прекращении в России братоубийственной розни. Первые акты насилия в отношении мирного населения – чад Православной Церкви – в отдельных районах нашей страны начались зимой 1918 г., после подписания большевистского декрета о создании ЧК и задолго до официального объявления властями о начале «красного террора». Представители духовенства, дворянства, интеллигенции, военные, приносившие присягу прежнему правительству, горожане и

крестьяне – люди заметные и самые обыкновенные – попадали в списки «заложников», подвергались истязаниям и убийству в порядке «революционной законности». И, наверное, белогорские подвижники понимали, что пройдет немного времени, и кровь страдальцев обagrит и Пермскую землю.

Когда же летом 1918 г. волна «красного террора» докатилась до Белой Горы, ее насельники – истинные «воины Христовы» не оставили обители. Первым принял мученический венец архимандрит Варлаам, а вслед за ним – многие из белогорской братии.

В том же роковом году без колебаний взошли на свою Голгофу масти-тые протоиереи и целый сонм простых сельских пастырей Пермской епархии.

Ныне с духовной радостью мы совершаем поклонение обретенным святым мощам Пермских священномучеников – иерея Павла (Аношкина) и диакона Григория (Смирнова). Оба они претерпели лютую кончину от безбожников 29 декабря 1918 г., всего через несколько дней после жестокой расправы большевиков над викарным епископом Феофаном (Ильменским), пострадавшим как архипастырь за свидетельство об истине Евангелия Христова и за спасение людей от преследования ЧК. До момента испытания иерей Павел и диакон Григорий вместе несли служение в Никольской церкви села Мокино Оханского уезда Пермской губернии. Это были молодые люди, ровесники, в 1918 г. каждому из них исполнилось 27 лет. Но самое главное, что их объединило – это верность Христу «даже до крови».

Из дошедших до нас свидетельств очевидцев известно, что красноармейцы схватили иерея Павла и диакона Григория во время богослужения. В лютый мороз их водили босиком по селу, избивали, затем зарубили саблями и бросили умирать на снегу. Но они мужественно претерпели все истязания и остались верны Богу до смерти, за что получили венец жизни, сделались особенно близкими ко Христу и отмечены Им особенной благодатью и милостью. Их честные останки Господь дал нам обрести спустя почти сто лет после их мученической кончины. Он явил нам мощи святых, чтобы оживить нашу веру и даровать источник благодатной помощи, превышающей всякие законы и чин естества.

Тогда, в годы братоубийственной войны, мучители считали христиан побежденными, но сегодня мы прославляем Пермских Новомучеников как победителей духа над плотью и тлением. Свою веру и любовь к Богу они засвидетельствовали даже до смерти, исполнив слова апостола Павла: *«Живем ли – для Господа живем, умираем ли – для Господа умираем»* (Рим. 14, 8). Своим подвигом Пермские Новомученики явили славу Божию, носителями которой были древние святые Пермской земли. Отдавая жизнь за Христа, они верили, что капли мученической крови, как доброе семя, брошенное в богатую почву, принесут обильный плод.

Незадолго до своей мученической кончины архиепископ Пермский и Кунгурский Андроник сказал такие слова: «Может быть меня и на свете не будет, но не покидает меня надежда и уверенность, что Россия воскреснет с своим возвращением к Богу. Ободряйте всех, и примиряйте озлобленных с жизнью, вливайте в них начала светлой жизни по Евангелию Христа... Воскреснет душа народная, – воскреснет и тело ее – наша здоровая государственность».

Минувшие десятилетия мрачного безбожия, казалось бы, навсегда нарушили преемственную связь с духовными традициями христианского прошлого и их живыми носителями. В годы атеистической идеологии совершился по человеческим меркам необратимый процесс дехристианизации русского народа. Но Господь Своим промыслом вновь направляет течение XXI в. к духовным истокам и, раскрывая историю кровавых гонений, преподает нам великий урок подлинной веры и христианского подвижничества, задает планку нравственной высоты, достижимой и в наше время.

Прославление Собора Пермских святых и обретение мощей мучеников за Христа нового времени – самые значительные события в жизни Пермской митрополии, свидетельствующие о непрекращающемся действии Духа Святого в Церкви Божией, о единстве во Христе ныне живущих православных христиан со своими святыми предшественниками. Для того чтобы память о них укреплялась в нашем крае, Пермская митрополия продолжает работу по изучению периода гонений на Русскую Православную Церковь. Этому посвящены изыскания Отдела истории и канонизации; просветительская и исследовательская работа ведется и в Пермской Духовной семинарии.

С любовью и благоговением обращаемся мы сегодня к жертвенному подвигу, как древних, так и новых святых, наших соотечественников, осознавая, что не они нуждаются в нашей молитве, но мы нуждаемся в их повседневной помощи и поддержке. Ныне они молитвенно предстательствуют за нашу землю и молят о нас Бога. Пусть же благодарная память о великом христианском мужестве пермских святых послужит для наших земляков спасительным уроком, поможет вновь обрести верные жизненные ориентиры и возвратиться к истинным духовным ценностям.

МИТРОПОЛИТ ПЕРМСКИЙ И КУНГУРСКИЙ,
ГЛАВА ПЕРМСКОЙ МИТРОПОЛИИ

Священник Валентин Волков

*клирик Свято-Троицкого
кафедрального собора г. Перми,
преподаватель
Пермской Духовной семинарии*

**УЧЕНИЕ СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ О ПРИРОДЕ ВРАЖДЫ
И О СОСТОЯНИИ ВОЙНЫ В МИРЕ.
ОТНОШЕНИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
К ПРОБЛЕМЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ**

Аннотация: В статье рассматривается проблема происхождения вражды и состояния войны в человеческом обществе согласно учению Священного Писания. Автор показывает, что понятие нравственной правды в оценке войны с точки зрения христиан основывается на евангельских принципах: любви к своим ближним, к своему народу и Отечеству. Этим определяется и взгляд Православной Церкви на проблему гражданской войны.

Ключевые слова: Священное Писание, происхождение зла, состояние вражды и ненависти, война и нравственная правда, взгляд Церкви на проблему гражданской войны.

Церковь знает, что до конца в мире будет царствовать грех и зло, а с ним и война, как неизбежное следствие. Само Евангелие предсказывает об ужасных войнах, которые будут в последнее время (Мф. 24: 6) [1. С. 1044], а вечный мир должен осуществиться не на этой, а на новой земле, на которой будет царствовать одна правда (2 Петра, 3: 13) [1. С. 1217]. Пока же существуют войны между народами, св. Церковь благословляет оружие правого, приносит мо-

литву об успехе этого оружия против неправды и насилия, позволяет правому призывать Бога на помощь и дарует ему надежду на эту помощь.

Часто враждующие народы не расположены и слышать о путях Промысла Божьего; а тем более – подчиниться им; каждый руководится собственными выгодами и действует по своим страстям; все, подобно строителям столпа вавилонского, говорят громко: «сотворим себе имя» (Быт.11: 4) [1. С. 13].

Осуждая войну, начатую из-за самолюбия и гордости, из-за мирских выгод и приобретений, земных целей и корыстолюбия, Церковь молится за воюющих, когда они вступают в брань, повинаясь необходимости, защищая или целость и святость Христовой веры, т.е. собственное духовное бытие свое, или свободу человечества от угнетения грубым насилием. Только правота побуждений, чистота намерений и прямота действий с точки зрения христианства могут вынуждать защиту мечом своих или чуждых прав против грубого и бесчеловечного попрания их.

Церковь всегда признавала, что война есть зло. Она «является физическим проявлением скрытого духовного недуга человечества – братоубийственной ненависти» (Быт. 4: 3 – 12) [1. С. 8]. Причина ее, как и зла в человеке вообще, – греховное злоупотребление богоданной свободой. Эта тема находит отражение в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви»: «Признавая войну злом, Церковь все же не воспрещает своим чадам участвовать в боевых действиях, если речь идет о защите ближних и восстановлении поправленной справедливости. Тогда война считается хотя и нежелательным, но вынужденным средством» [2. С. 87].

Православная Церковь всегда с почтением относилась к воинам, которые ценой собственной жизни сохраняли жизнь и безопасность ближних. С точки зрения христианства понятие нравственной правды в международных отношениях должно опираться на следующие основные принципы: любовь к своим ближним, к своему народу и Отечеству.

В нынешней системе международных отношений подчас бывает сложно отличить агрессивную войну от оборонительной. В связи с этим вопрос о поддержке или осуждении Церковью военных действий нуждается в отдельном рассмотрении всякий раз, когда таковые начинаются или появляется опас-

ность их начала. И, тем не менее, Церковь оставляет за собой право духовного окормления своих чад, вынужденных участвовать в этих конфликтах. Так же Церковь имеет особое попечение о воинстве, воспитывая его в духе верности высоким нравственным идеалам, для возвращения воинства к веками утвержденным православным традициям служения Отечеству. Лишь победа над злом в своей душе открывает человеку возможность справедливого применения силы. Такой взгляд, утверждая в отношениях между людьми главенство любви, решительно отвергает идею непротивления злу силою. «Нравственный христианский закон осуждает не борьбу со злом, не применение силы по отношению к его носителю и даже не лишение жизни в качестве последней меры, но злобу сердца человеческого, желание унижения и гибели кому бы то ни было» [2. С. 91].

«Русская Православная Церковь стремится осуществлять миротворческое служение, как в национальном, так и в международном масштабе, стараясь разрешить различные противоречия и привести к согласию народы, этнические группы, правительства, политические силы... Церковь также противостоит пропаганде войны и насилия, равно как и различным проявлениям ненависти, способной спровоцировать братоубийственные столкновения» [2. С. 93].

Согласно церковному учению, война не может быть желанным, но может стать вынужденным средством разрешения конфликтов. Осуждая войну, порождаемую ненавистью и враждой, Церковь «не воспрещает своим чадам участвовать в боевых действиях, если речь идет о защите ближних и восстановлении попранной справедливости» [2. С. 87 – 88]. Идея справедливой войны находит обоснование в словах Спасителя: «...взявшие меч мечом погибнут» (Мф. 26. 52) [1. С. 1049]. Христиане «воюют, – отмечал святой. Феофан Затворник, – по любви к своим, чтоб они не подверглись плену и насилиям вражеским» [3. С. 208].

В христианском мире существовала убежденность, что война должна вестись по определенным правилам, что и сражающийся человек не должен терять своего нравственного облика.

С грехопадением Адама в обществе стали неизбежными грехи и пороки, связанные с ненавистью к человеку, враждебным отношением к нему. Факт

убиения Каином Авеля (Быт.4: 1 – 16) [1. С. 8] показал необходимость установления законов, для ограничения зла и содействия добру [2. С. 48]. Совесть или внутренний нравственный закон по причине греховной жизни помрачается и искажается в сознании человека. За смерть самого Каина Господь обещает воздать всемеро, показывая этим всю преступность убийства и тяжесть ответственности за него¹.

По словам святителя Филарета (Дроздова), безопасность Каина от насильственной смерти утверждается законом, исполнение которого касается всех людей. Это было необходимо для того, чтобы строгим, но предварительным осуждением, сколько можно, заградить путь Каина от последователей [4. С. 139]. Это предупреждение тем самым должно было ограничивать злую волю человека и показать невозможность вообще какого-либо расположения к военным действиям или вражде человечества.

Другим ярким примером, показывающим необходимость ограничения зла, произвола и агрессии в обществе, являются слова потомка Каина Ламеха: «я убил мужа в язву мне и отрока в рану мне» (Быт.4,23) [1. С. 8]. Следует заметить, что Ламех готов убить только за одну причиненную язву или рану. Далее он еще злобнее провозглашает: «если за Каина отмстится всемеро, то за Ламеха в семьдесят раз всемеро» (Быт.4,24) [1. С. 8].

Святитель Филарет Дроздов так комментирует слова Ламеха: «Сильный ли человек в гневе даст мне рану; слабый ли отрок по легкомыслию нанесет удар: за то и за другое я отомщу смертью. Ибо тот, кто убьет Каина, виновного и осужденного подвергается тяжкому отмщению, то жесточайшим образом отмстить должно тому, кто хотя только ранит или ударит Ламеха». Таким образом, продолжает святитель, «Ламех кощунствует над определением Божиим об отмщении за Каина, выводя для себя из этого право личного мщения» [4. С. 147 – 148]. Конец повествования Моисея о Каине и его потомках представляет поразительное соответствие с началом. Родоначальник нечестивого племени совершил убийство, а его потомки воспевают, и прославляют в стихах убийство. Каин, по

¹См.: Лопухин А.П. Толковая Библия, или комментарий на все книги Ветхого и Нового Завета. Т. 1. Второе издание. Институт перевода Библии. Стокгольм. 1997. Книга Бытие. С. 34.

крайней мере, испытывал угрызения совести, Ламех заглушил в себе совесть, и не только хвалится убийством, но еще глумится над Богом [5. С. 103].

Все это показывает, до какой большой степени может дойти зло в обществе, если его не сдерживать. Необузданная агрессия и несоразмерность мщения непременно требовали ограничения.

Выдающийся религиозный мыслитель Ильин так говорит о необходимости ограничения и сдерживания зла: «Вся история человечества состоит в том, что в разные эпохи и в разных общинах лучшие люди гибли, насилуемые худшими, причем это продолжалось до тех пор, пока лучшие не решались дать худшим планомерный и организованный отпор. Так всегда было и так всегда будет: радикальное зло, живущее в человеке, торжествует до тех пор, поскольку не обуздывается и поскольку не сдерживается» [6. С. 272 – 273].

Далее, продолжает Ильин: «понуждение и пресечение необходимы для того, чтобы пробудить и укрепить в дефективной душе правосознание и моральное чувство, из коих каждое по-своему ведет к истинной нравственности или по-своему ее приближает» [6. С. 272 – 273].

Постепенно возрастающее нечестие, моральное разложение, беззаконие и насилие первой цивилизации человечества достигли высшей критической степени. Так что все планы и замыслы человека «были зло во всякое время» (Быт.6: 5) [1. С. 9], что привело к всемирному потопу, в водах которого погибла эта первая цивилизация, кроме верного Богу праведного Ноя со своим семейством, представлявших первое общество верующих. Следует заметить, что это общество спаслось благодаря вере слову Господа, Его руководству (Быт.6;7;8) [1. С. 9 – 11]. Это является ярким примером того, чем должно руководствоваться общество, а именно словом Божиим. Недоверие и пренебрежение к нему со стороны общества приводят к гибели. Это очень поучительный пример для всего будущего человечества. Когда заканчивается диалог человечества с Богом, когда оно отвергает Его руководство, следование Его заповедям, помышляя только о зле, то исчезает самая главная цель бытия человечества, становится бессмысленным его существование и может закончиться история, что и является ярким подтверждением невозможности проявления гнева, ненависти, вражды, гражданских войн.

После выхода из ковчега Ной как глава семейства совершает жертвоприношение, которое являлось, изъяснением благодарности Богу за спасение и выражением послушания Его воле².

Здесь же Богом дается закон против убийства, на том основании, что все люди братья, и человек создан по Его Образу. Этот закон с одной стороны был направлен на защиту жизни, с другой устанавливал право наказания и меру ответственности: «Кто прольет кровь человеческую, того кровь прольется рукою человека» (Быт.9: 6) [1. С. 11].

Святитель Виссарион Нечаев говорит, что: «цель запрещения заключается в том, чтобы человек не привык к зверской кровожадности и жестокости, в особенности в отношении к подобным себе, и научился уважать жизнь, в ком бы то ни было, и кротко обращаться со всеми, – без чего невозможно правильное общежитие» [5. С. 152].

Воздержание от употребления крови, запрещение убийства, и право гражданской власти наказывать убийц смертью, может быть нами определено как понимание опять же о запрете ведения гражданских войн.

После данных постановлений Бог заключает с Ноем и его потомством торжественный завет. Бог обещает «не истреблять всякую плоть», а Ною многочисленное потомство. Со своей стороны Ной был обязан не употреблять в пищу кровь животных и не посягать на жизнь человека (Быт.9: 1 – 12) [1. С. 11 –12]. В силу заключенного с Ноем завета, Сам Бог вносит в жизнь человечества право и законность, содействуя его нормальной жизнедеятельности. Таким образом, здесь мы впервые встречаем свод нравственных правил направленных на содействие добру, порядку в обществе и ограничению зла, определяющих отношение между людьми и Богом. А ведение гражданской войны – это и есть нарушение заповеди Господней.

В истории Ветхого Завета мы читаем о войнах, ведомых нередко без всякой пощады, с поголовным истреблением побежденного врага, от человека до скота. Все человечество занималось взаимным истреблением, причем сам

² Лопухин А.П. Толковая Библия, или комментарий на все книги Ветхого и Нового Завета. Т. 1. Второе издание. Институт перевода Библии. Стокгольм. 1997. Книга Бытие. С. 58.

избранный народ, евреи принимали в войнах самое деятельное участие. Тому, кто соблазняется этим обстоятельством в жизни древних евреев, которые получали на это помощь свыше, надо бы поглубже вникнуть в настоящие причины священных войн.

Мирное сожительство с хананейскими племенами, безбожными и развращенными, было бы нравственной гибелью для всех иудеев. Поэтому война с таким народом, согласно некоторым истолкованиям Священного Писания Ветхого Завета, несомненно, была меньшим злом, чем мирное с ним сожительство: она предотвращала иудеев от окончательного забвения истинного Бога и нравственной распущенности. В этом смысле война получила характер священной [7. С. 167 – 176].

То есть, если обратиться к Священным книгам Ветхого Завета, то можно увидеть то, что они изобилует примерами Божьей помощи в военных делах избранному народу. Каждый пророк, полководец, судья, царь, ведя свой народ на брань, искал поддержки у Бога.

Глас Божий к иудейскому народу – пророки – предсказывали своим единоплеменникам будущее царство Мессии, Спасителя мира. В сем царстве должно господствовать всякого рода благоденствие, не будет никакой вражды между людьми: последователи Его превзойдут все прочие народы своим благоустройством и будут так не браннолюбивы, что «перекуют мечи свои на орала, и копыя свои – на серпы: не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться воевать» (Исаии. 2: 4) [1. С. 682]. Таковы идеалы, которыми жили евреи в ожидании будущего: они чаяли мира, а не войны.

Однако времена ветхозаветной жестокости, обусловленной необходимостью сохранения избранного народа, проходят. В мир является Спаситель, который вместе со своим Божественным учением приносит новый взгляд на войны.

В Новом Завете нет определенных суждений об отношении к войне в значении сражения, битвы. В этом значении понятие войны относится преимущественно к эсхатологической перспективе – к последней битве и окончательной победе Христа над диаволом, – представленной в книге Откровение Иоанна Богослова. Христос говорит о войне как об одном из признаков наступления последних времен: «Когда же услышите о войнах и о военных слухах,

не ужасайтесь: ибо надлежит сему быть, – но это еще не конец. Ибо восстанет народ на народ и царство на царство...» (Мк. 13: 7 – 8; ср.: Мф. 24: 6 – 7; Лк. 21: 9 – 10) [1. С. 1073; 1044; 1118].

В контексте борьбы с грехом, как со злом Новый Завет полагает наиболее важные заповеди «возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Гал. 5: 14) [1. С. 1277] и «любите врагов ваших, благотворите ненавидящим вас, благословляйте проклинающих вас и молитесь за обижающих вас» (Лк. 6: 27 – 28; ср.: Мф. 5: 43 – 44) [1. С. 1091; 1016]. «Если любите любящих вас, какая вам за то благодарность? ибо и грешники любящих их любят... Но вы любите врагов ваших...» (Лк. 6: 32, 35) [1. С. 1091].

Высшей степенью любви к человеку, по словам Христа, является жертва собой, отдавание своей души за друзей (Ин. 15: 13) [1. С. 1151]. К такому жертвенному подвигу любви относится гибель на поле сражения, смерть от ран и перенесенных лишений во время войны в защиту Отечества.

По словам апостола любви Иоанна Богослова, «всякий, ненавидящий брата своего, есть человекоубийца; а вы знаете, что никакой человекоубийца не имеет жизни вечной, в нем пребывающей». (Ин. 3: 15) [1. С. 1130]. Вследствие этого всякая война (неважно какая: гражданская, «холодная», политическая, экономическая, культурная и т. д.), внутренним источником и движущей силой которой всегда являются ненависть, алчность, гордыня, и есть проявление не любви, а ненависти.

Священное Писание приписывает, чтобы верующий во Христа проводил жизнь в молитве, «дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную во всяком благочестии и чистоте» (1 Тим. 2: 2) [1. С. 1300]. Эти слова очень ярко показывают нам, что в мире не должно быть войн, агрессии, ненависти и вражды, что война – несомненное зло, последствие грехопадения.

Список источников и литературы

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. В русском переводе с параллельными местами и приложе-

- ниями. Перепечатано с издания Московской Патриархии. М.: Российское Библейское общество, 2010.
2. «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви» / Раздел 8. Война и мир. М., 2000.
 3. Феофан Затворник, святитель. Собрание писем. М, 2000. Т. 2. Выпуск. 5.
 4. Филарет (Дроздов), святитель. Толкование на книгу Бытия. М.: «Русский хронограф», 2003.
 5. Виссарион (Нечаев), святитель. Паремия, положенная на вечерне в среду второй седмицы Великого поста / Толкование на паремии из книги Бытия/ СПб.: Издательство «Сатисъ», 1998.
 6. Ильин И.А. Обоснование сопротивляющейся силы / О сопротивлении злу силой. М.: Издательство «Дар», 2006.
 7. Иаков Галахов, протоиерей. Христианские недоумения по поводу войны. // Вера и разум. 1914. № 20.

Priest Valentin Volkov

A clerk of Holy Trinity Cathedral, lecturer of Perm Religious Seminary

**HOLY BIBLE ON HATRED ORIGIN
AND BELLIGERENCY IN THE WORLD.
APPROACH OF ORTHODOX CHURCH TO A CIVIL WAR**

Abstract. The paper describes the origin of hatred and belligerency in the human society according to Holy Bible. The author shows that the Christians observe evangelic principles in their understanding of the ethical truth in war evaluation: love for the neighbors, for the people, and the Motherland. This also determines the approach of the Orthodox Church to the civil war.

Key words: Holy Bible, origin of evil, hatred and hostility, war and ethical truth, Church's approach to the civil war.

Николай Александрович Гоголин

*Заведующий кафедрой гуманитарных
и естественнонаучных дисциплин
Пермской Духовной семинарии,
кандидат социологических наук,
доцент*

**ПОМЕСТНЫЙ СОБОР ПРАВОСЛАВНОЙ
РОССИЙСКОЙ ЦЕРКВИ 1917 – 18 ГГ.
О ПЕРСПЕКТИВАХ ДУХОВНОГО
(СЕМИНАРСКОГО) ОБРАЗОВАНИЯ**

Аннотация: Предметом исследования данной статьи является полемика по вопросу о развитии духовного образования в России на Соборе Православной Российской Церкви 1917 – 1918 гг. Апеллируя к его стенограммам, автор доказывает, что позиции представителей Отдела по реформированию семинарского образования существенно отличались в оценке задач духовных образовательных учреждений. В статье рассматриваются две противоположные позиции по этому вопросу, представленные протоиереем К.М. Аггеевым и архиепископом Пермским и Кунгурским Андроником (Никольским).

Ключевые слова: семинарское образование, дискуссия о путях развития духовной школы, Поместный Собор Православной Российской Церкви, архиепископ Пермский и Кунгурский Андроник (Никольский).

Вопросы духовного образования на Поместном Соборе Православной Российской Церкви в той или иной степени рассматривались на протяжении всей его работы. Была создана специальная комиссия по реформированию духовно-учебных заведений, которую возглавлял митрополит Антоний (Храпо-

вицкий); в ее работе принимали участие архиепископ Пермский и Кунгурский Андроник (Никольский) и ректор Пермской духовной семинарии архимандрит Матфей (Померанцев) [1. С. 154].

Кульминацией обсуждения перспектив духовного (семинарского) образования стали апрельские заседания (15 – 16 апреля) 1918 г. На пленарном заседании по вопросу «О типе и управлении духовно-учебных заведений» произошло столкновение двух позиций. С одной стороны, выразил мнение большинства членов Отдела духовно-учебных заведений протоиерей К.М. Аггеев. С другой стороны, особое мнение меньшинства членов этого же Отдела особенно ярко выразил в своем докладе и выступлениях епископ Пермский Андроник (Никольский).

Особенности проходившего дискурса по словам протоиерея К.М. Аггеева были предопределены важнейшими общественно-политическими событиями в стране, обусловившими «небывало тяжелый момент церковной жизни:

- лица, именующие себя властью, лишили Православную Церковь государственного бытия;
- издан декрет, при точном понимании смысла которого невозможно в школе изучение веры;
- издан декрет¹, которым конфискованы капиталы (на духовно-учебные заведения (Н.Г.)), которые, казалось бы, не подлежат конфискации по самой их природе (пожертвования (Н.Г.)), с точки зрения самих авторов декрета» [3. С. 68].

Казалось бы, в условиях, когда Церковь фактически была поставлена вне закона, а Россия вступила в полосу Гражданской войны и «красного террора», когда происходили расправы над священнослужителями и верующими людьми, духовные семинарии и училища подвергались закрытию², какие могли быть рассуждения о будущей судьбе Духовной школы? Однако, вот, что говорил по этому поводу протоиерей К.М. Аггеев: «Иначе на дело смотрит

¹ Декрет СНК РСФСР от 23.01.1918 г. «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви» от 20 января 1918 г. [2].

² Пермская духовная семинария была упразднена, согласно постановления Народного комиссариата по просвещению от 11 декабря 1917 г. «О передаче дела воспитания и образования из духовного ведомства в ведение Народного комиссариата по просвещению».

Священный Собор. Декрет Собором не принимается в серьезный учет: он продолжает свою работу, которая в противном случае должна была прекратиться. Иначе на дело смотрит и сконструированное Собором Высшее Церковное Управление. Священный Синод и Высший Церковный Совет в соединенном заседании 7 (20) февраля постановили: принять все меры к сохранению духовно-учебных заведений в ведении Церкви» [3. С. 68].

Мы вправе задаться вопросом: «Что это? Непонимание трагичности переживаемого момента? Незнание обстановки в стране? Необъективная оценка своих сил и возможностей»? Однако из материалов Поместного Собора 1917 – 1918 гг. явствует, что это не так. Поместный Собор живо реагировал на события в стране, в том числе по предотвращению сепаратистских устремлений, проводил расследование жестоких расправ над священнослужителями, предпринимал меры по предотвращению братоубийственных столкновений как в Москве и в Санкт-Петербурге, так и в других городах, обращался к власти с требованием навести порядок и действовать в правовом поле.

Даже соборный разум не мог вместить масштабов надвигавшейся трагедии, равной которой еще не знала история человечества, но чувство близкой опасности, безусловно, определило тональность речи протоиерея К.М. Аггеева. «Мы не переоцениваем положения в лучшую сторону, – говорил он в своем докладе, – но убеждены: если и суждено осуществиться в жизни декрету об отделении Церкви и государства, то это осуществление совершится в рамках элементарного права. Такое предположение необходимо иметь в виду при оценке представленного проекта со стороны его фактической осуществимости» [3. С. 68]. То есть, обсуждаемый на Поместном Соборе проект Духовного образования в стране был устремлен в будущее, *когда созреют необходимые социально-политические и правовые условия для его воплощения.*

Именно это обстоятельство в наши дни определяет актуальность анализа заявленных на Соборе позиций; уроки прошлого должны быть востребованы при разработке единой концепции духовного образования в настоящем.

Для начала следует выделить те исходные положения, которыми руководствовался Отдел по реформированию семинарского образования и которые не составляли предмета спора между большинством и меньшинством.

Первое. Духовно-учебные заведения, состоящие в ведении Церкви, имеют своим назначением служение Церкви, приготовление Ее служителей и прежде всего пастырей Церкви [3. С. 69 – 70].

Второе. Необходимость для Церкви образованного пастыря. Высшим желанием Отдела духовно-учебных заведений служит такое положение дела в Церкви, при котором бы все кандидаты священства имели высшее богословское образование [3. С. 68].

Третье. Необходимость в качестве фундамента пастырского образования известную степень общего образования [3. С. 68 – 69].

Что же касается практических задач и средств достижения главной цели, то это-то и было предметом полемики между большинством, чьи взгляды представлял протоиерей К.М. Аггеев, и меньшинством, чье мнение последовательно отстаивал архиепископ Пермский Андроник (Никольский).

Для того, чтобы понять существо противоречий во взглядах делегатов Поместного Собора 1918 г. на перспективы духовного образования в России, следует прояснить обстановку, сложившуюся в образовательном пространстве страны в предреволюционный период.

Коренные перемены в духовном образовании произошли вслед за отменой в 1861 г. крепостного права. По университетскому уставу 1863 г. право на поступление в Университет сохранили только выпускники классических гимназий, тогда как остальным необходимо было получить экстерном гимназический аттестат зрелости. Однако в качестве исключения циркуляром Министерства народного просвещения от 22 августа того же 1863 г. семинаристам было разрешено поступать в Университеты без конкурсных экзаменов. Таким образом, семинарский аттестат фактически был приравнен к гимназическому, а семинаристы получили равные права с выпускниками классических гимназий [4. С. 66].

В 1875 г. семинаристы составили 46%, поступающих в Университеты. Среди них были как окончившие полный (шестилетний) курс с двумя богословскими классами, так и ограничившие свое образование четырьмя (общеобразовательными) классами, что признавалось достаточным для поступления на любой факультет Университета [5. С. 34].

Если мы обратимся к данным «Справочной книги всех окончивших курс Пермской духовной семинарии» за период с 1874 по 1879 гг., то обнаружим, что число покинувших ее учащихся после четвертого класса составило более половины обучавшихся в семинарии (53 %, т.е. 121 чел. из 227). Только 46% выпускников, обучавшихся в Пермской духовной семинарии в эти годы, связали свою дальнейшую жизнь со служением Церкви [6. С. 69 – 77].

Безусловно, Православная Церковь пыталась оказать давление на Министерство народного просвещения, требуя введения ограничительных мер для сокращения оттока молодых людей из семинарий.

Однако уже в 1904 г. священноначалие изменило свою точку зрения в отношении ухода семинаристов в светские высшие учебные заведения, что нашло отражение в письме обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева министру народного просвещения генералу В.Г. Глазову. По утверждению первого, церковное руководство более не собиралось удерживать учащихся не желающих принимать священный сан. Таким образом, поступление таких семинаристов в Университеты становилось естественным способом избавления церковных учебных заведений от дорогостоящего «балласта», который в будущем не принесет Церкви никакой пользы [7. С. 51].

Победоносцев честно признавал, что многие из детей духовенства, особенно сельского, поступают в бесплатные духовные училища и семинарии «только потому, что их родители не имеют способов содержать и воспитывать их в других учебных заведениях» [8. С. 51].

После того, как с 1906 г. Министерство народного просвещения позволило студентам, окончившим полный курс духовных семинарий (6 классов), поступать в Университеты без проверочных испытаний, количество желающих поступить в поступить именно таким образом заметно увеличилось. Если в 1904/1905 учебном году в Университеты поступили 467 выпускников семинарий, то в 1905/1906 – 674, в 1906/1907 – 667 [9. С. 52].

30 июня 1906 г. новый министр народного просвещения П.М. Кауфман еще более способствовал укоренению новой практики. Своим циркуляром он разрешил поступление в высшие учебные заведения лицам, окончившим 4 класса (общеобразовательных) духовных семинарий, правда после сдачи

проверочных экзаменов по трем дисциплинам – математике, физике и одному из «новых языков» [4. С. 52].

Окончательно открыл «шлюзы» для поступления юношей из «духовных» в Университеты Министр народного просвещения граф П.Н. Игнатьев, когда 8 июля 1915 г. «высочайшим повелением» Императора с согласия Святейшего Синода был издан циркуляр о приеме семинаристов в Университеты и одноклассные высшие школы наравне с гимназистами без каких-либо поверочных испытаний [7. С. 53].

Уже в сентябре 1915 г. число выпускников семинарий, не связывавших свое будущее со служением в Церкви и поступивших в Университеты, возросло более чем на треть и составило 841 человек [10. С. 66].

Выходцы из духовного сословия были самой многочисленной социальной группой учащихся открытого в 1916 г. Пермского Университета (33% – 341 чел. из 1032). Для сравнения дети мещан составляли 20,8% (215 студентов) от общей численности студентов Университета, дети чиновников – 17,3% (179 студентов), дети крестьян – 11,8% (122 студента), дети дворянского происхождения – 7,6% (78 студентов), дети из купеческой среды – 3,5% (36 студентов), из рабочих и мастеровых – 0,9% (9 студентов).

Рис. 1. Распределение студентов Пермского Университета по сословному признаку

Исходя из сложившейся к началу Поместного Собора Православной Российской Церкви ситуации становится понятной позиция большинства Отдела духовно-учебных заведений. Большинство поддерживало «конвертацию» духовной школы в систему высшего образования. Обосновывая ее в своем докладе, протоиерей А.К. Аггеев ссылался на необходимость общего образования как фундамента специального, в том числе и богословского образования, причем в объеме необходимом для дальнейшего обучения в высших учебных заведениях. По его мнению, духовное учебное заведение, призванное готовить пастырей Церкви, не должно исключать и тех, кто устремлен к светскому служению на различных поприщах. Отличие общеобразовательных классов семинарии от светских общеобразовательных школ состояло в том, что в расписание уроков было включено дополнительно изучение веры (при 22 уроках в неделю), изучение философии (при 9 уроках) и изучение древних языков [3. С. 69].

Таким образом, в докладе большинства Отдела духовно-учебных заведений цель духовных образовательных учреждений – подготовки выпускников к принятию священства – обозначалась довольно формально, так как и

Священномученик Андроник,
архиепископ
Пермский и Кунгурский

речи не было о духовном воспитании студентов; акцент делался на совершенствовании системы обучения. Большинство понимало, что основная часть учащихся при таком подходе продолжит образование в Университетах и для того, что бы, хоть как-то удовлетворить потребности в священнослужителях, было предложено сохранить пастырские училища с неполным богословским образованием, не требующие основательного общего образования. Примечательно, что сам же протоиерей Аггеев называл такой подход к подготовке священнослужителей «фельдшеризмом».

Против такого отношения к будущему семинарий как духовных школ выступил епископ

Пермский Андроник (Никольский). Главная мысль Владыки Андроника состояла в том, что семинарии – это *духовные образовательные школы*, предназначенные *исключительно для подготовки будущих священников*, и потому самое пристальное внимание в них должно уделяться *воспитанию*. Он говорил: «Для пастырства же, как церковного служения по преемству от Апостолов, необходимо не только образование умственное в смысле богословского обучения, но главное того – необходимо пастырское воспитание души кандидата во священство» [3. С. 70].

Во время обсуждения этих вопросов на Поместном Соборе прозвучала ясная оценка существующего положения дел в сфере семинарского образования: высшая цель подготовки пастырей Церкви в условиях господства материалистического духа для немалой части обучающихся *была подменена устремлением к получению дипломов и соединенных с ними прав на устройство жизни* [3. С. 70]. Говорилось о том, что под «одной кровлей учились и готовящиеся к пастырству, и по меньшей мере не думающие о нем, как о цели своего образования <...>. У тех, кто не готовился к пастырству, как богословское преподавание, так и соответственное Духовной школе воспитание вызывали естественно отрицательное к ним отношение, как дело ненужное для них, уже совсем холодным к тому, в надежде на что все это предлагалось <...>. Требование же строгого отношения ко всему этому по необходимости создавало озлобленность в настроении, когда навязывалось то, к чему душа учащихся совсем не лежит. Озлобление это обращалось и на все духовное направление школы, и на лиц воспитательного состава ее. Вот причина всех неустройств, непорядков и даже отвратительных бунтов, обошедших, вероятно все семинарии за немногими исключениями. Прибавить надо к этому, что конечно таким порядком не могло создаваться доброго христианского, а тем более пастырского высокого настроя и в добрых юношах, впоследствии принимавших священство. От враждебно настроенных не только к священству, но и к христианству юношей постепенно развращались духовно и прочие юноши» [3. С. 71].

Владыка Андроник считал, что церковные средства нельзя употреблять на цели не только не церковные, но даже враждебные Церкви, ибо при ука-

занном порядке через Духовную школу на церковные средства проходили и будущие враги Церкви. Он открыто выражал свои опасения за будущность духовного образования: «Духовная школа только между прочим готовит юношей для прямого служения православной Церкви. <...> И видим, что если шестая-седьмая лишь часть прошедших нашу духовную школу отдает себя на пастырское служение в Церкви, то это уже большое дело. <...> В верхах же давно-давно все спорят пока только о том направлении, в котором должна быть преобразована вся духовная школа, чтобы наилучше отвечать ей своему церковному назначению» [11. С. 493].

Итак, позиция архиепископа Андроника определялась заботой о *практической стороне* жизни Церкви. Он предложил свою концепцию духовного образования: *«Пастырская школа должна быть исключительно пастырской по своей цели. Очевидно, она должна быть доступною для лиц всех сословий без различия. Очевидно, она должна с детства воспитывать и обучать детей так, чтобы душа их располагалась к принятию священства, чтобы кончившие Пастырскую школу сознательно и определяли себя на пастырство при всех его трудностях. Следовательно, и поступать в эту школу должны дети и юноши не потому лишь, что они происходят от духовных родителей, но потому, что их родители желают с детства воспитывать их для служения Церкви, или они сами к тому влекутся душевным своим расположением, определяя себя и на соответствующую нелегкую подготовку. Вот таких-то учеников при соответствующем общем и духовном образовании и следует так воспитывать в Пастырской школе, чтобы создавать в них должное для принятия пастырства настроение. <....> Для этого «В шестиклассном (духовном, авт.) училище дается общее образование в размере шести классов существующей светской средней школы и соответствующее духовное образование при церковном воспитании. Цель же такого училища – образованием и воспитанием с детства подготовить учащихся к переходу в четырёхклассную Пастырскую семинарию. Училище должно создать у юношей соответствующее для того настроение за весь курс свой. Но чтобы всем не подходящим для Пастырской семинарии дать возможно своевременный выход в светскую среднюю школу, учебный план училища за четыре его класса вполне приравнен к четырем*

классам светской средней школы, из которой с такою же свободою могут переходить юноши, влекомые душою своею в Пастырскую школу. Особенно же сюда несомненно будут переходить крестьянские добрые юноши из Высшего начального училища. После того пятый и шестой классы уже ближайшим порядком приуготовляют учащихся к прямому переходу в четырехклассную Пастырскую семинарию. По окончании училища они будут уже шестнадцатилетними юношами. Это возраст переходный, в котором происходит перелом в душевном устроении юноши. Если в переходном возрасте он, однако, не уйдет в светскую школу, но перейдет в Пастырскую семинарию, то очень важно, что дальнейшим образованием и воспитанием в Пастырской семинарии душа его закрепится в поступательном своем развитии на избранном добром пути. Таким порядком распределения образовательных учебных планов будет создан не сборный, а однородный с детства и достаточный состав учащихся, планомерно воспитываемых для высокой цели. При свободном избрании такой школы никакого насилия над душою учащихся не будет от строго-церковного строя школы. Стесняемые им могут свободно уйти из Пастырской школы в другую своевременно. Но так и рядовые юноши останутся в школе и воспитаются для служения Церкви. Школа и должна иметь в виду таких рядовых юношей. *Герои же духа и без таких перегородок и при всяких перегородках придут в Церковь и отдадут себя ей на самоотверженное служение.* Но таких ведь везде бывает меньшинство. Таким порядком духовно воспитанные юноши, сознательно поступившие в четырехлетнюю Пастырскую семинарию, и пройдут все необходимые пастырю богословские, философские и прикладные науки, при строго-церковном воспитании подготавливаясь к пастырству. После вполне достаточного шестилетнего общего курса четырехлетняя Пастырская семинария даст юношам высокое образовательное развитие, требуемое для кандидата священства» [3. С. 72 – 73].

В стройной образовательной системе, соединяющей свободу выбора юношей, призванных к священнослужению с требованием *целевой* подготовки будущих пастырей, архиепископ Андроник (Никольский) видел будущее духовного образования. Позиция пермского архипастыря сохраняет актуальность и в наши дни.

Список источников и литературы

1. Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917-1918 гг. Т. 1. Документы. Материалы. Деяния I – XVI. М., 1994.
2. URL https://ru.wikisource.org/wiki/Декрет_СНК_РСФСР_от_23.01.1918_Об_отделении_церкви_от_государства_и_школы_от_церкви.
3. Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917-1918 гг. Т. 9. Документы. Материалы. Деяния 118 – 136. М., 2000.
4. Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX – начала XX века. Социально-историческая судьба. М., 1999. С. 66 // Марченко А., прот., Софьин Д.М. Сто лет под покровом Пресвятой Богородицы. Православная Церковь и Пермский университет в прошлом и настоящем. К 100-летию со дня основания Пермского университета. Пермь: ГОУ ВПО «Пермский государственный исследовательский университет», 2016.
5. Щетинина Г.И. Студенчество и революционное движение в России. Последняя четверть XX века. М., 1987. С. 34 // Марченко А., прот., Софьин Д.М. Сто лет под покровом Пресвятой Богородицы. Православная Церковь и Пермский университет в прошлом и настоящем. К 100-летию со дня основания Пермского университета. Пермь: ГОУ ВПО «Пермский государственный исследовательский университет», 2016.
6. Справочная книга всех окончивших курс Пермской духовной семинарии. В память исполнившегося в 1900 году 100-летия Пермской духовной семинарии. Издание Священника Иакова Шестакова, Пермь. Типография Каменского. 1900.
7. Марченко А., прот., Софьин Д.М. Сто лет под покровом Пресвятой Богородицы. Православная Церковь и Пермский университет в прошлом и настоящем. К 100-летию со дня основания Пермского университета. Пермь: ГОУ ВПО «Пермский государственный исследовательский университет», 2016.
8. РГИА. Ф.797. ОП.71. Д.47. Л.6 об. // Марченко А., прот., Софьин Д.М. Сто лет под покровом Пресвятой Богородицы. Православная Церковь

и Пермский университет в прошлом и настоящем. К 100-летию со дня основания Пермского университета. Пермь: ГОУ ВПО «Пермский государственный исследовательский университет», 2016.

9. Всеподданический отчёт обер-прокурора Св. Синода по ведомству православного исповедания за 1905-1907 гг. СПб., 1910. С. 155, 159, 163 // Марченко А., прот., Софьин Д.М. Сто лет под покровом Пресвятой Богородицы. Православная Церковь и Пермский университет в прошлом и настоящем. К 100-летию со дня основания Пермского университета. Пермь: ГОУ ВПО «Пермский государственный исследовательский университет», 2016.
10. Обзор деятельности Ведомства православного исповедания за 1915 г. Прага, 1917. С. 66 // Марченко А., прот., Софьин Д.М. Сто лет под покровом Пресвятой Богородицы. Православная Церковь и Пермский университет в прошлом и настоящем. К 100-летию со дня основания Пермского университета. Пермь: ГОУ ВПО «Пермский государственный исследовательский университет», 2016.
11. Священномученик Андроник (Никольский), архиепископ Пермский. «Творения». Книга 1: Статьи и заметки. Тверь: «Булат», 2004.

Nikolai Aleksandrovich Gogolin

Head of the Department of Humanities and Sciences,

Perm Religious Seminary, PhD (Sociology), associate professor

LOCAL COUNCIL OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN 1917 – 1918

ABOUT THE FUTURE OF RELIGIOUS (SEMINARY) EDUCATION

Abstract. The subject of the paper is a debate over the development of the religious education in Russia at the Council of the Russian Orthodox Church in 1917 – 1918. The author refers to its records and proves that the representatives of the Department for reforming the seminary education held different approaches to

the tasks of the religious educational institutions. The paper looks at two opposing opinions represented by an archpriest K.M. Ageev and Perm and Kungur archbishop Andronik (Nikolskii).

Key words: seminary education, discussion over the development paths for the religious school, Local Council of the Russian Orthodox Church, Perm and Kungur archbishop Andronik (Nikolskii).

Николай Александрович Гоголин

*Заведующий кафедрой гуманитарных
и естественнонаучных дисциплин
Пермской Духовной семинарии,
кандидат социологических наук,
доцент*

**ИСПОВЕДНИЧЕСКИЙ ПОДВИГ
ВОСПИТАННИКОВ ПЕРМСКОЙ ДУХОВНОЙ
СЕМИНАРИИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ:
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

Аннотация: В исследовании представлены результаты социологического анализа сведений о священниках Пермской епархии, пострадавших в годы Гражданской войны. Автор исследует причины и поводы для расправы над духовенством со стороны большевиков и делает концептуальные обобщения, касающиеся не только действительного отношения самой радикальной политической партии к Православной Церкви и Ее служителям, но и характера духовного просвещения в России на исходе синодального периода, а также – проявлений истинного пастырского свидетельства.

Ключевые слова: Гражданская война, Православная Церковь, духовенство Пермской епархии, воспитанники Пермской Духовной семинарии.

В качестве преамбулы хотелось бы отметить, что соединение *агиологии* (исследования богословских и историко-церковных аспектов святости) и *социологического научного метода* имеет объективные ограничения и требует от исследователя деликатности, особенно, если речь идет об исповедническом подвиге в условиях гонений на Церковь. Каждый пример христианского

свидетельства и мученичества ценен, а, следовательно, не может быть «нивелирован» применением лишь социологического инструментария; каждый — достоин самого обстоятельного сбора сведений об исповеднике и представления его истории в жанре житийной литературы.

Вместе с тем применение в церковно-исторической дисциплине научного социологического подхода в случае, если достаточно сведений для анализа, выделения конкретных характеристик, их сравнения, позволяет сделать беспристрастные обобщения и выводы, а, следовательно, извлечь необходимые уроки из истории.

В качестве информационного контента для проведения небольшого исследования нами были взяты житийные описания священнослужителей — выпускников Пермской Духовной семинарии, канонизированных Русской Православной Церковью за исповеднический подвиг и мученичество в годы Гражданской войны. Среди воспитанников Пермской Духовной семинарии на сегодняшний день известны 34 священнослужителя. Большая часть из них — 28 человек пострадала за веру Христову в 1918 г., что составляет 82%. Еще один священник — протоиерей Михаил Петрович Киселёв принял мученическую смерть в 1919 г. (см. рис. 1).

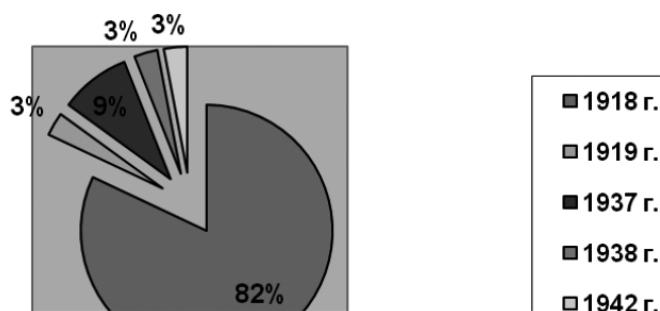

Рис. 1. Распределение воспитанников Пермской духовной семинарии, принявших мученический венец, по годам репрессивных действий со стороны власти

Пятеро выпускников Пермской Духовной семинарии погибли в последующие периоды гонений на Церковь. В 1937 г. — священник Константин Васильевич Черепанов, епископ Лев (Черепанов), архиепископ Екатеринбургский

Аркадий (Ершов); в 1938 г. – архимандрит Ардалион (Пономарёв); в 1942 г. – архиепископ Стефан (Знамировский).

Таким образом, большая часть исповедников пострадала в то время, когда на Урале проходили ожесточенные бои между войсками адмирала Колчака, восставшим Чехословацким корпусом и Красной армией. Значительное число человеческих жертв на востоке России было следствием «подвижной» линии фронта между двумя непримиримыми в политическом отношении лагерями.

Детальный анализ данных об исповедниках позволяет убедиться в том, что репрессиям подверглись священнослужители всех возрастов (см. рис. 2).

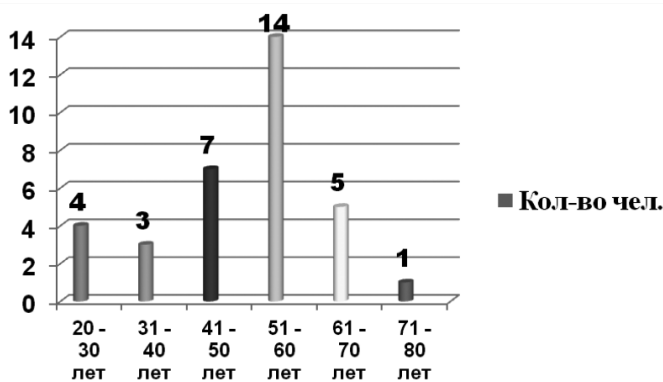

Рис. 2. Распределение по возрасту воспитанников Пермской духовной семинарии, принявших мученический венец в годы гражданской войны и репрессий

Младшему из числа новомучеников – воспитанников Пермской Духовной семинарии – священнику Константину Богоявленскому, которого большевики заставили вырыть себе могилу за сельским кладбищем и на виду у односельчан расстреляли, было всего 22 года [3].

Представленную столбиковую гистограмму можно прокомментировать следующим образом: абсолютное большинство священнослужителей, убитых представителями новой власти, являлись настоятелями храмов (см. рис. 3).

Следует заметить, что классовая ярость прошла мимо старообрядческого духовенства, во всяком случае, в период непосредственных боевых столкновений колчаковцев и красноармейцев. Главным объектом преследований и расправы стали священнослужители канонической Русской Православной

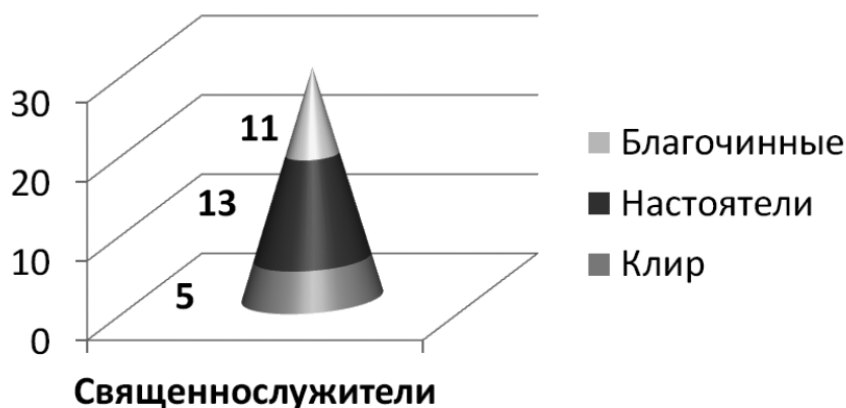

Рис. 3. Удельный вес благочинных, настоятелей приходов среди священномучеников - воспитанников Пермской духовной семинарии, убитых в 1918-1919 гг.

Церкви. Это подтверждает и телеграмма командующего фронтом Р.И. Берзина: «Шлите отряды, и мы дела здесь скоро закончим. Повесим несколько попов и золотопогонников, так [как] среди крестьян усиленно работают кулаки и придется за них приняться...» [4].

Итак, из 29 священнослужителей – воспитанников Пермской Духовной семинарии, принявших в 1918 г. мученические страдания и смерть и в последующем канонизированных Церковью, только 5 были вторыми священниками и дьяконами (17%), большинство же – 24 (83%) служили настоятелями; при этом – 11 (38%) были благочинными. Это говорит о том, что, во-первых, эти священнослужители до конца выполнили свой пастырский долг перед своей паствой и перед Богом, продолжая нести вверенное им служение, несмотря на изменившиеся политические условия; а, во-вторых, о том, что программные установки большевиков предписывали участникам боевых частей формирующейся Красной армии отношение к Церкви как к «неотъемлемой части прежней государственной системы» и к священникам как ее «надежной опоре», способной оказать действенное влияние на сограждан. Идеологам большевистской партии, действительно, было чего опасаться. Изучая жития этих святых, мы убеждаемся в том, что они пользовались высоким доверием, авторитетом и любовью у прихожан, а их пастырские труды были в свое время оценены церковной и государственной властью.

Все эти священнослужители были удостоены церковных наград (8 священнослужителей имели сан протоиерея), кроме того, 5 были награждены государственными наградами: священник Платон Горгониевич Горных, протоиерей Василий Владимирович Победоносцев, протоиерей Иван Петрович Пьянков, протоиерей Александр Никанорович Савёлов – награждены орденом святой Анны 3-ей степени, а протоиерей Алексей Иванович Будрин, кроме ордена святой Анны 3-ей степени, был награжден орденом святого князя Владимира 4-ой степени; диакон Вячеслав Георгиевич Луканин награжден Юбилейным крестом на Владимирской ленте и Юбилейной медалью «В Память 300-летия Дома Романовых». Протоиерей Алексей Бурдин был депутатом Государственной Думы IV созыва от Пермской губернии.

Все пострадавшие священники занимались просветительской деятельностью среди населения, то есть, совмещали обязанности церковной службы и труд законоучителей и преподавателей в различных образовательных учреждениях.

Социологический анализ опровергает распространенное мнение о том, что только реформы К.П. Победоносцева в духовном образовании «посеяли семена», которые в годину революционных потрясений «проросли» многотысячными примерами исповедничества. Воспитанники Пермской Духовной семинарии, канонизированные как новомученики, судя по возрастному при-

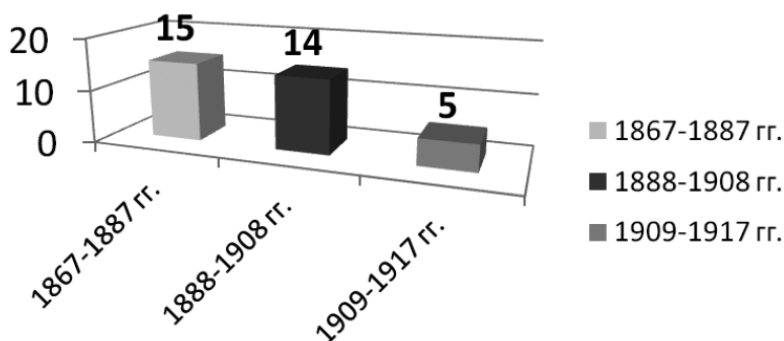

Рис. 4. Распределение воспитанников Пермской духовной семинарии – новомучеников по годам выпуска из духовного учебного заведения

знаку, получали образование на разных этапах реформирования системы духовной школы (см. рис. 4.).

Мы видим, что обучение и формирование 15 священномучеников из числа воспитанников Пермской духовной семинарии относится к периоду Великой Реформы (Александра II) и «контрреформ» (Александра III), что составляет 44%; современниками же реформ К.П. Победоносцева (1888-1908 гг.) были 14 священнослужителей – новомучеников (41%); последнее поколение воспитанников Семинарии (1909-1917 гг.) представили 5 молодых священнослужителей (15%).

Нам удалось проследить и различные успехи будущих священников в годы их обучения в Пермской духовной семинарии (см. рис. 5).

Распределение воспитанников Пермской духовной семинарии по уровню подготовки

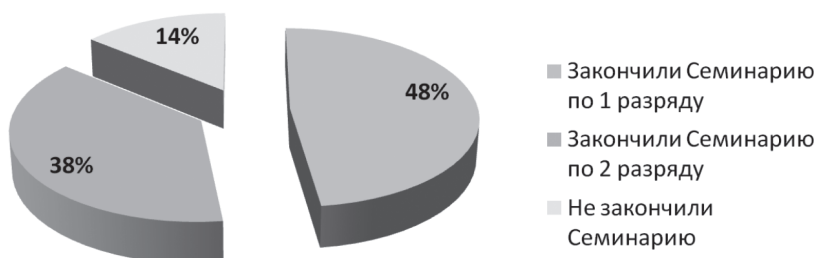

Рис. 5. Распределение воспитанников Пермской духовной семинарии по уровню подготовки

Главной причиной преследования священнослужителей Русской Православной Церкви была *классовая ненависть* со стороны большевистской власти. Поводы же для актов насилия и бесчинств были разнообразными. Тем не менее, среди них можно выделить пять основных групп (см. рис. 5).

Фактором, нестерпимым для новых властей, оказалось сопротивление гражданского населения большевикам, выразившееся в крестьянских восстаниях в ряде уездов Пермской губернии.

Духовенство же в большинстве своем, следуя благословию архиепископа Андроника (Никольского) подчиняться *действующей власти*¹, т.е. *Временному правительству* (по условиям «Манифеста» Великого князя Михаила Александровича до созыва Учредительного собрания, чьим назначением было определение будущей формы государственного правления *на принципах народного согласия*), воспринимало большевиков как «узурпаторов властного мандата», ответственных за первые акты насилия в отношении не только политических противников, но и мирного населения.

Первые антицерковные декреты большевистской партии («Об отделении Церкви от государства и школы – от Церкви», о государственной регистрации актов гражданского состояния), попытки «экспроприации» церковной собственности (например, захвата Александро-Невской Лавры) и убийства священников² не способствовали признанию фактически *однопартийной политической диктатуры* (РСДРП (б)) со стороны духовенства. Оно не поддерживало большевистских «нововведений» ни в отношении Церкви, ни в социальной сфере, поскольку они были связаны с широкой «экспроприацией» (принудительным изъятием) собственности, ни в методах политического утверждения, основанных на нетерпимости.

Неодобрение священниками творимых беззаконий и *нравственная оценка происходящего* приравнивались сторонниками большевиков к «*агитации против советской власти и контрреволюционной деятельности*». Это и послужило основанием для расправы над большинством священнослужителей (41%). Жертвами этих обвинений стали протоиерей Евграф Плетнёв, протоиерей Александр Преображенский, священник Платон Горных, священник Александр Адриянов, священник Иван Бурдин, священник Михаил Денисов, священник Владимир Белозёров, священник Николай Бельтюков, священник Иван Шишов, священник Александр Малиновский, священник Константин Юрганов, священник Владимир Алексеев, священник Александр Федосеев.

При этом священнослужители подвергались самым изощренным издевательствам. Так, по свидетельствам очевидцев ареста протоиерея Евграфа Пле-

¹ и по заповеди молиться за действующую власть.

² Петроградских священников – Иоанна Кочурова и Петра Скипетрова.

Рис. 6. Поводы для расправ над священнослужителями

тнёва, военный руководитель Чердынского уезда Фриц Аппога в декабрьскую стужу окунал его в прорубь на реке Колве [5].

35% священнослужителей были замучены в период наступления армии адмирала Колчака и восстания чехословацкого корпуса, когда «красные» в спешке творили зверские расправы в порядке мести. В этот период приняли мученические страдания и смерть протоиерей Иван Пьянков, протоиерей Михаил Киселёв, протоиерей Николай Конюхов, протоиерей Александр Савёлов, священник Антоний Попов, священник Яков Шестаков, священник Пётр Корелин, священник Владимир Сергеев, священник Павел Аношкин, священник Пётр Дьяконов.

При этом *лишь один* из перечисленных священнослужителей был убит за *непосредственное содействие войскам Колчака*. Это священник Владимир Сергеев, который колокольным звоном предупредили передовые колчаковские отряды о засаде красноармейцев [6]. К этому следует добавить священнослужителей, пострадавших от рук ЧК за *поощрение крестьян к сопротивлению беззакониям большевиков* (7%): протоиерей Алексей Будрин, священник Константин Богоявленский.

Летом 1918 г. по всему Красноуфимскому уезду прокатилась волна крестьянских восстаний. Первое восстание произошло в июне среди жителей села Поташки. В газете «Горный край» позже мотивы участников описывали

так: «Комиссары встревожились. “Татарская орда идет, – говорили они. – Режут всех без разбора, выкалывают глаза, закапывают живыми”. Обыватели верили, боялись “татарской орды”... В действительности это было восстание крестьян села Поташки, к которому присоединялись и другие, в том числе башкирские, волости» [7]. Из-за отсутствия у восставших достаточного вооружения волнение было быстро подавлено, с непокорным селом большевики жестоко расправились: было расстреляно много местных жителей, разорены хозяйства.

Вслед за этим в первой половине июля 1918 г. большевиками была объявлена мобилизация в ряды Красной армии, однако крестьяне отказались давать солдат; было набрано только чуть более 60 человек. Эта неудача побудила большевиков направить повсюду своих агитаторов в сопровождении отрядов красноармейцев для проведения принудительной мобилизации. В ответ на это в селах Ачит, Большие Ключи и других было поднято восстание, охватившее за два дня весь уезд. Народная армия, созданная крестьянами уезда для борьбы с большевиками, подошла почти к самому Красноуфимску и остановилась лишь в шести верстах от него, однако горожане не сумели поддержать восставших. Красноармейцы получили подкрепление и стали одерживать победы; в скором времени восстание было подавлено. Затем начались расправы, в том числе над духовенством, в котором большевики видели своего врага. 10 сентября 1918 г. был расстрелян протоиерей Алексей Будрин [7].

В это же время в июле 1918 г. вспыхнуло «народное восстание против советской власти, охватившее семь волостей, в том числе Меркушенскую, Красногорскую, Дерябинскую, Отрадную, Махневскую с организованным 3 июля походом на Верхотурье, в котором участвовало все население, кто с топором, кто просто безо всего». Примечательно, что в воспоминаниях участников Гражданской войны иногда упоминается о том, что участники крестьянских выступлений, действительно, находили поддержку у духовенства [8].

После подавления крестьянского «бунта» большевиками по всему Верхотурскому уезду прошла волна расправ. Так, в селе Меркушино 14 июля 1918 г. был совершен «показательный» расстрел священника Константина Богоявленского и старосты храма. Когда их вели из церкви к месту «казни»,

за сельское кладбище, отец Константин шел и всю дорогу сам себя отпевал. Священнослужителей заставили рыть себе могилу, а затем на виду у насильно собранных сельчан расстреляли.

Но далеко не всегда поводом к расправе над представителями духовенства служило высказанное ими более или менее открыто неприятие, или неодобрение большевистской власти, а также – сочувствие к восставшим крестьянам. Нередко достаточно было *одной принадлежности к духовному званию*, чтобы убийство получило своеобразное оправдание в глазах новой власти (необходимостью «уничтожения классового врага»). Среди тех, кто были убиты *именно как священники, за исполнение обязанностей службы* (что составляет 10%), были протоиерей Василий Победоносцев, священник Аркадий Гаряев, диакон Вячеслав Луканин. Так, например причиной ареста протоиерея Василия Победоносцева послужило то, что он благословил *оповестить жителей колокольным звоном о начале богослужения*, несмотря на то, что местным органом Советской власти это было запрещено. 23 июня 1918 г., отца Василия зверски убили: 70-летнему священнику отрубили голову [9].

Каковы уроки следует извлечь из трагических событий времен Гражданской войны?

Во-первых, определение Гражданской войны идеологами ленинской партии как формы «классовой борьбы» (т.е. «справедливой» борьбы «эксплуатируемых» классов против «эксплуататоров») является спекулятивным. Это была жесточайшая братоубийственная бойня, в которой «граница разделения» проходила *не столько по социальному, сколько по мировоззренческому признаку*³. Идеологический фактор оказался определяющим. Поводом для расправы

³ В качестве примера можно привести и судьбу участника расправы над настоятелем Введенской церкви священником Александром Поповым и старостой Яковом Зуевым – жителя села Травянское Лёньки Зуева. Рассказывали, будто Лёнька, озверев, поднял отца Александра на штык, набрал в стакан его крови и выпил. В осеннюю страду 1918 г. он, как и все поселяне, безвыездно жил с женой в поле в балагане, сделанном из жердей и обложенном дерном. Один раз глухой ночью к ним постучали. Лёнька не открыл, и тогда некий поселянин по прозвищу Картыжат и два брата Мальцевых по прозвищу Макарята залезли на крышу и стали прокалывать дерн штыками. Лёнька велел жене бежать в село. Она побежала по полю, но ее настигли и убили. Был убит и он сам. Место его смерти до сих пор называют в народе Лёньков балаган. Эти трагические сюжеты показывают весь ужас братоубийственной войны.

над искренними служителями Церкви со стороны большевиков нередко было *духовное звание и верность Христу*, поскольку заповеди Нагорной Проповеди исключают саму возможность *насилия*, усвоенного представителями этой партии и возведенного в ранг проводимой ими *политики*.

Во-вторых, обращение к истории Гражданской войны – это напоминание о том, что в деле христианского просвещения особенно важны *свобода и свидетельство Церкви об истине делами веры*. (Не случайно в своем втором послании к коринфянам об этом напоминает и апостол Павел: «Где дух Господень там свобода» (2 Кор. 3.17)). В предреволюционной России *не было человека, не охваченного вероучительными предметами*. Тем не менее, преподавание Закона Божия в школах и гимназиях в условиях синодальной системы нередко было формальным, а усвоение неглубоким. Множество людей не смогло удержаться от увлечения идеологией, чуждой христианству, подняло руку на разрушение храмов и святынь, преступило главную из евангельских заповедей – заповедь любви.

В-третьих, исповедничество является следствием *убежденности в истине*, что *невозможно без достаточного знания Священного Писания и истории Церкви*. Мы видим, что все священнослужители, принявшие в условиях Гражданской войны мученическую смерть за исповедание веры, были законоучителями в тех или иных школах и образовательных учреждениях.

В-четвертых, обязанностью пастыря Церкви Христовой является напоминание пастве о *заповеди послушания власти, установленным нормам и порядку ради мира – высочайшей ценности христианства*; в то же время для служителя Церкви важно стремиться к *удалению от борьбы за власть* и отдавать предпочтение духовной и милосердной помощи ближним.

Исполнение пастырских обязанностей священниками Пермской епархии – воспитанниками Пермской Духовной семинарии *в условиях крайней опасности* явилось высочайшим примером выражения любви к Богу и к пастве. Обличение беззаконий и неправды, свидетельство о *непреложности Евангелия* – это особое призвание, которое может понести безукоризненно и в полной мере только любящий.

Список источников и литературы

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Издательство «Клуб семейного досуга». Харьков, Белгород, 2012.
2. Священномученик Антоний Попов. Православный Церковный календарь. Азбука веры // URL <https://azbyka.ru/days/sv-antonij-porov> (дата обращения: 02.10.2018).
3. Священномученик Константин Стефанович Богоявленский // URL http://ekaterinburg-eparhia.ru/saints/sshmch_Konstantin_Bogoyavlenskij/ (дата обращения: 12.10.2018).
4. 23 июня – память священномученика Василия Победоносцева // URL <http://www.ekaterinburg-eparhia.ru/news/2014/06/11/9792/> (дата обращения: 10.09.2018).
5. Священномученик Евграф Плетнёв, пресвитер. Православный Церковный календарь. Азбука веры // URL <https://azbyka.ru/days/sv-antonij-porov> (дата обращения: 24.10.2018).
6. Житие священномученика Владимира Сергеева. / Храм Новомучеников и исповедников Российских в Строгино // URL <http://www.newmartyros.ru/life/zhitie-svshchmch-vladimira-sergeeva.html/> (дата обращения: 21.09.2018).
7. Горный край. 1918. 15 (2) дек. (№ 15) / «Лицом был светел...»: 10 сентября память священномученика Алексия Будрина / Екатеринбургская епархия // URL <http://www.ekaterinburg-eparhia.ru/news/2014/09/01/9131/> (дата обращения: 28.08.2018).
8. Жизнеописание священномученика Константина Меркушинского // URL <http://xn--ctbjaqa2bpbmhfz3i.xn--p1ai/publ/8-1-0-18> / (дата обращения: 24.09.2018).
9. Кручинин А.М. Изменчивое счастье войны.. – Екатеринбург, 2012. – С. 67. / Д.М. Анчугов. Василий Победоносцев. Некоторые факты биографии. // URL http://history-kamensk.ru/history/69-vasilii-pobedonoscev-nekotorye-fakty-biografii.html#_edn30/ (дата обращения: 02.11.2018).

10. Справочная книга всех окончивших курс Пермской духовной семинарии. Издание Священника Иакова Шестакова. Пермь. Типография Псковь Каменского, 1900.

Nikolai Aleksandrovich Gogolin

Head of the Department of Humanities and Sciences,

Perm Religious Seminary, PhD (Sociology), associate professor

**ACT OF BRAVERY IN FAITH BY EDUCATEES OF PERM RELIGIOUS
SEMINARY DURING THE CIVIL WAR:
SOCIOLOGICAL ANALYSIS**

Abstract. The study gives the results of the sociological analysis of the information about the priests of Perm eparchy suffered during the Civil war. The author considers the reasons and motives for the priesthood execution by the Bolsheviks and arrives at conceptual conclusions both over the actual attitude of the most radical political party to the Orthodox Church and its churchmen and the nature of the religious education in Russia at the end of the Synodical period and the manifestations of the true pastoral evidences.

Key words: Civil war, Orthodox Church, priesthood of Perm eparchy, educatees of Perm religious seminary.

Мария Игоревна Дегтярева

*проректор Пермской Духовной семинарии
по научной работе,
доктор философских наук,
кандидат исторических наук*

**«ЦЕРКОВНАЯ РЕВОЛЮЦИОННОСТЬ» В РОССИИ:
«ЛЕВЫЙ» И «ПРАВЫЙ» ФЛАНГИ ДВИЖЕНИЯ
ЗА ОБНОВЛЕНИЕ ЦЕРКВИ¹**

Аннотация: В статье рассматривается зарождение и история «левого» и «правого» флангов движения за «обновление Церкви» как проявления феномена «церковной революционности». Автор выдвигает предположение, что интеллектуальный авангард и популярная вульгаризированная версия «обновленчества» – с одной стороны, и «правая оппозиция» – с другой дают основание для типизации явлений, вызвавших раскол в Русской Православной Церкви в XX в., с наиболее значительными течениями европейской Реформации. В конечном итоге «левое крыло» попало под влияние государственной идеологии в ущерб вероучению и каноническим правилам Православной Церкви, а «правое», действуя более тонко, использовало канонические правила Церкви для выражения довольно непримиримой политической позиции в ущерб принципу «симфонии властей». В этих условиях «срединному» церковному направлению пришлось искать внеполитическое разрешение запутанных «узлов» церковно-государственных отношений.

¹ Впервые статья была опубликована в издании, зарегистрированном в системе РИНЦ. Ее выходные данные: Дегтярева М.И. «Церковная революционность» в России: «левый» и «правый» фланги движения за обновление Церкви. // Ноябрьские историко-архивные чтения в Пермском партархиве. 2017. – Пермь, 2018. С. 17 – 29. (В настоящем издании текст приводится в авторской редакции с использованием иллюстраций).

Ключевые слова: Церковь, революция, движение за «обновление Церкви», «интеллектуальный авангард обновленчества», Церковный Собор 1917-18 гг., выборы Патриарха, «обновленческий раскол», «правая церковная оппозиция», «карловацкий раскол».

Корифей французского консерватизма Жозеф де Местр, подводя итог пережитому в эпоху Французской революции и обращаясь к читателям со страниц своих произведений, говорил о двух сторонах «проповеди» Провидения, адресованной народам и королям: не бывает революций без злоупотреблений, но злоупотребления все-таки лучше революций.

Феномен *«церковной революционности»* считается явлением «западным» и ассоциируется, прежде всего, с эпохой Реформации. Небольшой экскурс в историю политической философии позволяет установить происхождение если не самого понятия, то идеи – о том, что зарождение революции связано с состоянием духовной сферы. Именно де Местр одним из первых интеллектуалов увидел «истоки» революции *политической в европейском протестантизме*. Реформация заменила принцип «безоговорочного послушания Риму» свободным обсуждением. Поставив под сомнение непреложность *авторитета духовного, монархического* по своей природе и сродного *суверенной власти*, она «подписала приговор» и *авторитету светскому – королевскому* [1], поскольку церковные установления являлись основанием традиционного политического порядка. В одном из частных писем Ж. де Местра эта мысль будет выражена с точностью математической формулы: «В семнадцатом веке государи утвердили протестантизм для того, чтобы подорвать Церковь; в восемнадцатом веке они будут восстанавливать Церковь для того, чтобы укрепить свои троны, поднятые на воздух протестантскими принципами» [2. Р. 294].

В движении за реформу Католической церкви выделяют три основных течения: *интеллектуальное – идеологическое* (Мартин Лютер, Жан Кальвин и их предшественники – Джон Уиклиф, Ян Гус, Джироламо Савонарола²),

² Иногда этот список дополняют имена европейских писателей гуманистов – С. Брандта, Г. Бебеля, У. фон Гуттена, чьи новеллы и сатиры были полны обличениями в адрес папства и практики индульгенций.

народное – движение «низов» (Томас Мюнцер), соединившее пуританский «очистительный» импульс с требованиями социальной справедливости, и *«аристократическое»* (Гец фон Берлихинген), чьим призванием было облечь сословные притязания наследственной знати в критику злоупотреблений условиями исключительного положения со стороны традиционной католической иерархии.

В истории Русской Православной Церкви в XX в. удастся проследить некую аналогию тому, что происходило в Западной Европе. Аналогию неполную, но все-таки отражающую разделение в среде наиболее радикально-настроенных сторонников реформирования церковной жизни по нескольким руслам: *интеллектуального «авангарда»* и *«прэт-а-портэ»* (популярной и даже вульгаризированной версии); *обладателей «высокого социального статуса»* и их последователей с *особой политической «пропиской»*.

Говорить о полной тождественности процессов у нас и на Западе не приходится по нескольким причинам. Во-первых, западная Реформация значительно опередила революцию политическую, но именно она создала новый «духовный климат» в Европе, в котором вызревали идеи политического скептицизма и протеста. У нас же движение за реформу в Церкви и начало политической революции практически совпали. Более того, русская революция 1905 – 1907 гг., а потом и – 1917 г. стимулировала процесс «эмансипации» Церкви из-под контроля со стороны государства и обер-прокурорского правления.

Во-вторых, первый удар Реформации был направлен в «сердцевину» концепции папы Григория VII (Гильдебрандта) – доктрину *папской супрематии*³, утвердившуюся в качестве официальной в XI в. А в России объектом критики стал, в первую очередь, монархизм *политический* и притязания государства на контроль над сферой духовной, в чем сторонники реформы видели угрозу *каноническому строю Церкви и принципу соборности*. Различия очевидны, но, все-таки, основания для сравнения есть. Питательной средой для «церковной революционности» в России и на Западе послужи-

³ Т.е. главенства власти римского понтифика как имеющей высшее – Божественное происхождение по отношению к власти светской.

ли болезненные явления в сфере церковно-государственных отношений и во внутренней жизни Церкви.

Охватившее Церковь в 1917 г. движение за проведение Поместного Собора было следствием накопившихся за время синодального правления⁴ неразрешенных проблем, связанных с общим и епархиальным управлением, жизнью приходов, различными видами служения; а главное – *формализации духовной жизни* вплоть до стремления превратить важнейшие для христиан таинства в «гражданскую обязанность». Причиной этих явлений было длительное отсутствие свободы церковного самоуправления после знаменитой реформы Феофана Прокоповича, подчиненной замыслу Петра I о «регулярном государстве» и имевшей целью превратить Церковь в «ведомство православного исповедания».

Митрополит Вениамин
(Федченков)

Все это не лучшим образом сказывалось и на состоянии духовного состояния. По воспоминаниям одного из самых авторитетных иерархов Русской Православной Церкви XX в. митрополита Вениамина (Федченкова), «хотя и бывали поразительные примеры святых людей» и «почти в каждой губернии бывали свои маленькие “кронштадтские”», священники большей частью «становились “требоисполнителями”, а не “горящими светильниками”»; «жизнь духовенства морально становилось все труднее <...> дети духовенства почти сплошь отказывались идти по дороге отцов» [3. С.112]. В другом месте митрополит Вениамин с грустью резюмирует: «Как-то все у нас “опреснилось”. <...> Было общее охлаждение в нас. <...> А *интеллигентных людей и высшие круги* мы уже не могли не только увлечь, но и удержать в храмах, в вере, в духовном интересе» [3. С. 135]. Тем не менее, из этой «обыденности» вырос впоследствии целый сонм Исповедников и Новомучеников Российских.

⁴ Начиная с петровской церковной реформы 1721 г.

В начале XX века необходимость изменить положение Церкви по отношению к государству и провести внутренние преобразования в *каноническом русле* ощущали многие. Тем не менее, по воспоминаниям митрополита Вениамина, позиция Церкви в целом была достаточно сдержанной. Следуя заповеди послушания власти и опасаясь «разжечь недобрые инстинкты в человеке», «Церковь вместе с народом больше молчала» [3. С. 122].

«Церковная революционность» была явлением *иного порядка*; она активизировала диссидентские «фланги», состоявшие на первых порах преимущественно... из представителей «*интеллигентных людей*» и «*высших кругов*». В ряду «редких исключений» на фоне общей сдержанности, т.е. тех, кто хотели «вовлечь Церковь в *политическую борьбу*», Владыка Вениамин упоминает священника Григория Гапона и целое направление среди петербургского духовенства – *группу «пятидесяти трех»* [3. С. 122], связывая ее активность с более широким и синкретическим по составу движением «*обновленчества*»: «Потом у них выродилась так называемая “живая церковь” и “обновленцы” (“синодальная церковь”))» [3. С. 122].

В качестве существенного признака «*интеллектуального авангарда*» нового течения (лидерами его были священник Александр Введенский и профессор Петербургской Духовной академии Борис Титлинов) и более поздней – *популярной версии* «обновленчества» митрополит Вениамин указывает *политизацию*, противопоставляя ей спасительную для Церкви позицию «бытия не от мира»: «Но в массе духовенство оставалось как бы “вне политики”, это была “лучшая политика их”» [3.С. 122]. Действительно, обращение к стенограммам Собора Православной Российской Церкви 1917 г. позволяет убедиться в том, что профессор Б. Титлинов с первых выступлений попытался задать соборянам настрой на обсуждение политических вопросов: «Надо выработать программу христианской политики <...>. Эта программа требует того, чтобы ее обдумать. Мы <...> должны обдумать все политические лозунги» [4. С. 78].

По существу «церковная революционность» была самой острой формой реакции на «консервацию» высшей государственной властью озвученного Церковью *запроса на реформу*. Последний русский Государь – Николай

Александрович в 1905 г., дав принципиальное согласие на подготовку Церковного Собора по представлению докладной записки председателя Комитета министров С.Ю. Витте и ходатайству Синода⁵, в 1907 г. наложил на решения первого предсоборного органа⁶ резолюцию о «неблаговременности» его проведения. Ситуация повторилась и в 1913 г.⁷ Царь находился тогда под влиянием общей установки премьер-министра П.А. Столыпина: «Сначала успокоение, потом – реформы»; сказалось и влияние крайне консервативной позиции обер-прокурора Святейшего Синода К.А. Победоносцева. Так или иначе, до революции *стабилизирующие возможности реформы для предотвращения кризиса в области церковно-государственных отношений использованы не были*. Это послужило причиной того, что архиереи – члены Синода на последнем его заседании при «старом режиме» 26 февраля (2 марта) 1917 г. отказались обратиться с воззванием к народу о поддержке монархии [5. С. 69].

С самого начала революции оба «крыла» радикального церковного «реформизма», состоявшие из представителей «*высших сфер*» и из «*интеллигентных людей*», проявили себя довольно активно. Уже 9 марта Святейший Синод обратился к всероссийской пастве с посланием, где говорилось: «Совершилась воля Божия. Россия вступила на путь новой государственной жизни. Да благословит Господь нашу великую Родину счастьем и славой на ее новом пути» [6. С. 329].

Одновременно возобновила свою деятельность в расширенном составе т.н. «группа 32-х священников» столицы, которая сформировалась еще в 1905 г.

⁵ Документ появился в условиях начавшейся революции 1905 - 1907 гг., когда на особом Совещании при кабинете министров митрополит Антоний (Вадковский) просил хотя бы несколько ослабить бдительный контроль светской власти над Церковью. Тогда Витте выступил с критикой обер-прокурорского правления и поставил вопрос о предоставлении Церкви возможности созыва Собора. По предложению К.П. Победоносцева вопрос был передан в Синод, и определяющей в решении вопроса о созыве Собора оказалась позиция членов Синода, куда более последовательная и решительная, чем позиция обер-прокурора.

⁶ Предсоборного Присутствия в составе десяти иерархов, а также священников, профессоров и мирян, работавшего под руководством митрополита Антония (Вадковского).

⁷ В условиях работы Предсоборного Совещания, состоявшего из семи человек, в том числе – троих архиереев.

вокруг викарного епископа Нарвского Антонина (Грановского)⁸ и обратилась к Николаю II с критикой недостатков синодального правления и выражением мечты о возвращении к раннехристианскому идеалу. Письмо «тридцати двух» принято считать первым «манифестом» *интеллектуального* течения за радикальную реформу в Православной Церкви. 7 марта 1917 г. по инициативе священников Иоанна Егорова, Александра Введенского и Дмитрия Попова под председательством последнего в Петрограде была создана новая группа, выступившая под названием «Всероссийский союз демократического духовенства и мирян». Главным идеологом союза был священник Александр Введенский; заметной фигурой – его сподвижник – священник Александр Боярский. Благоклонное по отношению к новой организации Временное правительство, провозгласив ряд демократических свобод, дало разрешение на проведение Поместного Собора Русской Церкви.

Обстановка, в которой происходили выборы кандидатов на Собор, по напряженности соответствовала духу начавшейся в стране революции. В марте Святейший Синод под председательством назначенного новым правительством кн. В. Львова уволил на покой Петроградского митрополита Питирима (Окнова), Московского – Макария (Невского) и Tobольского архиепископа Варнаву (Накропина). «Основанием» для архиерейских «отставок» в этих случаях служило обвинение в «связях с Распутиным». Это обвинение, не всегда подкрепленное, тем не менее, стало удобным предлогом для продолжения «ротации» епископата в сочетании с *неосновательным* с точки зрения церковных канонов обвинением архиереев в «приверженности старому порядку».

«Авангардная» *политизированная* струя в Церкви дала знать о себе и на местах: в разных городах по решению епархиальных съездов «царские», т.е. старого поставления, архипастыри сводились с кафедр и на их место избирались новые. Так, митрополит Вениамин (Федченков), в то время – ректор Тверской семинарии, стал свидетелем бессмысленного убийства толпой губернатора [З. С. 146 – 148] и неканонического (т.е. самочинного) избрания на место действующего епископа Серафима – викарного епископа Арсения [З. С. 150].

⁸ Группа действовала до 1908 г., когда епископ Антонин был отправлен на покой.

В этих условиях задачей Поместного собора было – *направить стихийные требования и «брожения» в церковной среде в русло открытой дискуссии, отвечающей каноническим правилам Церкви.*

Что касается отношения участников Поместного Собора к политическому фону, по свидетельству митрополита Вениамина, для большинства – оно, все же, определялось установкой на принципиальную *аполитичность*: «Насколько тревожно была принята нами вторая, февральская, революция, настолько, наоборот, почти равнодушно отнеслись мы к третьей – большевистской. <...> Большинство членов Собора были благоразумны, осторожны и даже пассивно-лояльны к тому, что делалось вокруг нас: государство имеет свои задачи, а Церковь – свои. <...> И мы спокойно, совершенно спокойно продолжали свои занятия на Соборе. <...> На чьей стороне был я и вообще мы, члены Собора? Разумеется, юнкера⁹ были нам более своими по духу. Не были мы и против народа <...>, и мы заняли позицию посередине, и, пожалуй, это было верно исторически: Церковь тогда стала на линию нейтральности...» [3. С. 160 – 161].

Церковное большинство («тут слышался отзвук всей верующей Руси, в ее не худших, а, пожалуй, лучших представителях» [3. С. 160]) интуитивно избрало «срединный» путь – *над политической схваткой.*

Однако уже на соборе 1917 года проявились диссидентские «токи», ставшие предзнаменованием будущего церковного раскола.

Докладчиком по вопросу о форме управления в Церкви выступил на Соборе епископ Митрофан Астраханский [7. С. 225 – 231]. Однако часть делегатов – профессоров и преподавателей духовной школы во главе с профессорами Б.В. Титлиновым и Н.Г. Поповым заняла непримиримую позицию в вопросе о восстановлении важного для Церкви исторического института – Патриаршества. Группа противников Патриаршества усматривала в этом институте проявление *«церковного монархизма»*. Так, В.Г. Рубцов говорил в своем выступлении об отсутствии богословских оснований «главенства» в Церкви и об «архаизме» этой формы управления: «Восстановление патриаршества означает перевод нас из XX в XVII век» [8. С. 268]. К этой группе при-

⁹ Защитники Кремля.

соединился один из немногих священников – протоиерей Н.П. Добронравов, напоминая о недостатках и ошибках периода патриаршего правления и об их преодолении в синодальный период (речь шла о церковном Расколе времен никоновской реформы и о единоверии) [9. С. 346 – 353].

Между тем, Патриаршество, как отмечал Владыка Митрофан и его сторонники: епископ Иларион (Троицкий), митрополит Антоний (Храповицкий), архиепископ Андроник (Никольский), И.Н. Сперанский, граф П.М. Граббе, князь Е.Н. Трубецкой, проф. Н.Н. Фиолетов, А.И. Юдин и др., – является вполне канонической формой церковного управления. Оно появилось в Древней Христианской Церкви в V веке, и большая часть Поместных Церквей Православного Востока имеет своих Предстоятелей – Патриархов. Им предлежит «первенство чести» и Церковь относится к ним как к «первым среди равных – епископов» (согласно 34 правилу Апостольскому).

Необоснованным был и аргумент о том, что в случае восстановления Патриаршества Церковь «утратит соборный дух». В первый патриарший период (до 1700 г. – до смерти Патриарха Адриана) в Русской Православной Церкви Соборы проводились регулярно, и это определяло весь строй церковной жизни. Сторонники Патриаршества апеллировали к традиции и подчеркивали призвание и способность Патриарха объединять народ, поднимать голос против злоупотреблений со стороны власти, «печаловать» перед Государями за своих чад, напоминая о заповеди милосердия [7. С. 225 – 231; 10. С. 282 – 287].

В защиту этого института митрополит Антоний приводил еще один исторический аргумент: «Уже со времени свят. Князя Владимира на Руси был патриарх – Константинопольский. Приблизительно лишь за 100 лет до учреждения патриаршества на Руси, русские митрополиты получили самостоятельность и управляли Церковью с правами патриаршими. Значит, патриарх был у нас всегда» [10. С. 289].

Князь Е.Н. Трубецкой, предвидя, что Россия вступает «в полосу не только борьбы, но, может быть, и гонений» [11. С. 307], выразил надежду на то, что правительство все-таки будет «считаться с патриархом, за которым стоит народ» [11. С. 308].

Товарищ Министра Исповеданий С.А. Котляревский высказал недоумение по поводу того, что в Патриаршестве его противники могли усмотреть «символ политический», «государственную реакцию» [10. С. 299].

В конце концов, группа противников восстановления Патриаршества, оставшаяся в меньшинстве, демонстративно покинула собор. Впоследствии публицистическая деятельность «апологетов» этого «демократического» направления вращалась вокруг привлекательного требования «возвращения к идеалам древнехристианского братства» (т.е. до V в.) и обеспечила на первых порах «обновленческому» движению поддержку среди образованной части клира и мирян.

В *популяризированном варианте* лозунг за «возвращение к идеалам христианского братства первых веков» в 1922 г. вызвал «народническую» – низовую «волну» движения за радикальные изменения в Церкви, которая и оформилась как «обновленческое движение» (или «Живая Церковь»). Оно сразу же было поддержано властями¹⁰, поставлено под контроль руководителей 6-го отделения секретного отдела ГПУ А.Ф. Рутковского (до мая 1922 г.) и Е.А. Тучкова и спровоцировало церковный раскол.

Подготовка – фактически «вербовка» «живоцерковников» проводилась весной 1922 г. Для ослабления канонической части Церкви власти арестовали близких к Патриарху Тихону людей¹¹. А 9 мая Предстоятелю Церкви

Обновленческий «митрополит»
Александр Введенский

¹⁰ Первым идеологом борьбы с Церковью путем провокации внутренних расколов был Л.Д. Троцкий. См.: Петров С.Г. Документы делопроизводства Политбюро ЦК РКП(б) как источник по истории Русской Церкви (1921 – 1925 гг.). М., 2004.

¹¹ В ночь с 22 на 23 марта 1922 г. был арестован епископ Верецкий Иларион (Троицкий).

было объявлено о привлечении его к ответственности по решению Верховного трибунала в контексте инициированного ГПУ дела московских священников, о помиловании которых он пытался ходатайствовать перед ВЦИК¹².

Затем лидеры «обновленцев»¹³ во главе с протоиереем Александром Введенским (будущим обновленческим «митрополитом») принудили Патриарха Тихона отойти от управления церковными делами, выдав передачу им синодальной канцелярии до прибытия Ярославского митрополита Агафангела или митрополита Вениамина (уполномоченных Патриархом вести церковные дела *до созыва нового Поместного Собора*¹⁴) за акт отказа в их пользу от канонической церковной власти. Церковь же при отсутствии достоверной информации о том, что происходит на самом деле, должна была решать проблему канонического подчинения.

Следствием этого сознательного обмана стало то, что к июлю 1922 г. главный орган «обновленцев» – Высшее Церковное Управление (ВЦУ) признали 37 архиереев из 73. Оказавшееся пространством для воплощения амбиций в значительной мере маргинальных и нереализованных представителей церковной среды¹⁵, это движение воспринималось современниками, сохранившими верность Патриарху Тихону, как «поповская стачка». Да и сам Антонин (Грановский), привлеченный «обновленцами» на их сторону, оставил весьма нелицеприятную характеристику этого нового течения: «Ко времени собора 1923 года не осталось ни одного пьяницы, ни одного пошляка, кото-

¹² Письмо Патриарха Тихона не попало по назначению, а оказалось в ГПУ, и было приобщено к делу. А «ходатаями» за осужденных, согласно сценарию Е. Тучкова, выступили представители «прогрессивного духовенства» («обновленцы»). Таким образом, в свете информационной кампании, сопровождавшей церковный «переворот», готовность властей помиловать часть священников выглядела как «здравая открытость компромиссу» с теми, кто «готов иди в русло новой политики», а отнюдь не как удовлетворение просьбы Патриарха. Расстрельный приговор был оставлен в силе в отношении половины осужденных.

¹³ Протоиерей Александр Введенский, священник Евгений Белков, псаломщик Стефан Стадник и В.Д. Красницкий.

¹⁴ И это заявление Патриарха на имя М.И. Калинина не достигло адресата, а оказалось в распоряжении ГПУ и было приобщено к делу.

¹⁵ Убежденным сторонником этого течения из числа архиереев старого поставления стал, например, известный своими «чуждачествами» заштатный епископ Антонин (Грановский).

рый бы не пролез в церковное управление и не покрыл бы себя титулом или митрой. Вся Сибирь покрылась сетью архиепископов, наскочивших на архиепископские кафедры прямо из пьяных дьячков» [12. С. 37].

Основные требования лидеров этого направления были связаны с изменением церковных канонов в отношении правил поставления епископата и священства (допущения разводов и второбрачия для духовенства), а идеологическим «обрамлением» отложения от Патриарха, взятого властями под арест, – соединение «свободы канонического и литургического творчества» с идеалами *«социальной справедливости»*. Практическим выражением позиции оказалась подчеркнутая лояльность «обновленцев» по отношению к большевистской власти вплоть до использования ими марксистской лексики в программных документах¹⁶, а ее пределом – заявление о «низложении и лишении сана и монашества» Патриарха Тихона как «отступника и предателя» и о возвращении его «в первобытное мирское положение» (в мае 1923 г.)¹⁷

Противоречащие церковным канонам поставления священников и иерархов, создание «параллельной» по отношению к *канонической* – независимой церковной структуры, оказавшейся в «фаворе» у новой власти и претендовавшей на значение «единственно-законной», активное сотрудничество «обновленцев» с органами ВЧК-ОГПУ-НКВД в качестве «осведомителей» и провокаторов, дало повод будущему Патриарху – епископу Алексию (Симанскому) охарактеризовать обновленческое течение следующим образом: «Обновленчество, как таковое, по существу, не ересь и даже не раскол, как мы понимаем этот термин во всем его объеме. Оно не более как рабское следование путем ветхозаветного Хама и новозаветного Иуды» [13. С. 96].

¹⁶ Так, наиболее радикальная фракция «обновленцев» – «Союз Общин Древле-Апостольской Церкви» (СОДАЦ) под водительством А. Введенского провозглашала «капитализм – смертным грехом», что нашло отражение в решениях Первого обновленческого собора (1923 г.), а прот. Евгений Белков собирался объединить под своим кураторством в «союз монастырских религиозно-трудовых коммун» монастыри, пытавшиеся сохраниться под видом «трудовых артелей».

¹⁷ Делегация представителей обновленческого собора во главе с лжемитрополитом Петром Блиновым была допущена к Патриарху в Донской монастырь, куда его доставили накануне из тюрьмы. После того, как Патриарху были объявлены постановления лжесобора, он указал на неканоничность его решений, поскольку сам он не был приглашен на его заседания, и отказался снять с себя монашеское облачение.

Учредительное собрание «Живой церкви» (в мае 1922 г.), Всероссийский обновленческий «съезд» (в августе 1922 г.), «соборы» (в апреле-мае 1923 г. и в октябре 1925 г.) не спасли «обновленчество» от серьезных конфликтов и разделений. Дискретное по своим программным установкам¹⁸, терявшее авторитет из-за неподобающего образа жизни его представителей, обновленческое движение пошло на спад после оглашения знаменитой «Декларации» 1927 г. митрополита Сергия (Страгородского)¹⁹, в которой подчеркивалась свобода для верующих – жить и трудиться, не погрешая, в условиях изменившейся государственной формы.

Декларация митрополита Сергия, неоднозначно воспринятая современниками, и по сей день провоцирует споры. Одни видят в ней выражение «патриотического импульса» (прот. Владислав Цыпин), другие, напротив, критикуют документ за слова «благодарности» в адрес советского правительства, диссонировавшие с преступлениями большевиков периода «красного террора», первыми антицерковными декретами, кампаниями «по вскрытию мощей» (1919 г.) и «изъятию церковных ценностей» (1922 г.), судом над митрополитом Вениамином (Казанским) и группой мирян, приговоренных в июле 1922 г. к расстрелу.

Признание существующей власти авторами «Декларации» не означало солидарности с ней в отношении идеологии и политической практики – того, что не возможно было ни принять, ни разделить; это была лишь констатация необходимости подчинения *государственной форме*, спасающей страну от анархии и распада, с пониманием того, что характер правления является «попущением Божиим». Временный Синод отстаивал возможность дальнейшего

¹⁸ «Обновленчество» разделилось на несколько фракций, соперничавших и враждовавших между собой: «Союз Церковного Возрождения» (во главе с Антонином (Грановским)), «Союз Общин Древле-Апостольской Церкви» (во главе с А. Введенским), «Живая Церковь» (во главе с А. Красницким) и «Союз религиозно-трудовых коммун» (во главе с прот. Евгением Белковым).

¹⁹ Митрополит Сергей (Страгородский) стал преемником Патриарха Тихона и сначала исполнял обязанности заместителя местоблюстителя Патриаршего Престола – митрополита Крутицкого Петра (Полянского), арестованного ОГПУ в 1925 г. С 1936 г., когда власти объявили о смерти еще живого и страдавшего в заключении митрополита Петра, митрополит Сергей принял на себя обязанности местоблюстителя, а в 1943 г. был избран Патриархом Московским и Всея Руси.

существования Православной Церкви в стесненных условиях «социалистической законности».

Как бы то ни было, выход «Декларации» митрополита Сергия лишил «обновленчество» того «стержня», который и обеспечивал ему сторонников из числа тех, кто искали возможность, оставаясь христианами, жить в изменившихся социальных условиях.

В конце 20-х годов представители «обновленческих» течений, ощущавшие утрату позиций, начали искать «объединения» со «староцерковниками» («тихоновцами» и «сергианами»). Однако позиция Временного Патриаршего Синода выражалась в том, что объединение по принципу политических партий невозможно, возможно только присоединение через покаяние к Церкви канонической добровольно разорвавших с Ней связь раскольников. Для наиболее заметных представителей Церкви оно могло быть лишь публичным²⁰.

Митрополит Антоний
(Храповицкий).

Поиски путей восстановления общения со «староцерковниками» со стороны «обновленцев» не привели к ожидаемым результатам. Диссидентское течение, выполнившее в 20-е – 30-е гг. функцию своеобразного «тарана», обращенного властями против «правого» «старорежимного крыла» Церкви, ослабленное и дискредитировавшее себя, не избежало в период сталинского «большого террора» общей для верующих судьбы; его представители попали под «маховик» репрессий. После Великой Отечественной войны в период относительного «потепления» церковно-государственных отношений²¹ «обновленчество», лишенное поддержки государства и НКВД, фактически прекратило свое существование.

²⁰ Именно такое покаяние принес в свое время перед Патриархом Тихоном и сам Владыка Сергий (Страгородский) за уклонение в русло «обновленческого» течения.

²¹ Причинами тому были требования союзников СССР по антифашистскому блоку прекратить гонения на христиан и последовательная патриотическая позиция Церкви, выразившаяся в оказании помощи фронту.

Если «обновленчество» в России имеет собственную историографию и изучается историками Церкви на протяжении почти тридцати лет [6, 14, 15, 16, 17, 18, 20], то менее изученным и осмысленным проявлением «церковной революционности» остается *«аристократическое» течение*. Выразившееся в 1917 г. в сдержанной «оппозиции» синодалов пошатнувшейся монархии (что было реакцией на крайности обер-прокурорского контроля), позднее, в начале 20-х гг., оно напомнило о себе своеобразной установкой Карловской группы. Наиболее известным и авторитетным представителем этого направления был митрополит Антоний (Храповицкий). Дворянское происхождение Владыки Антония и его сторонников оказалось определяющим фактором.

Яркие воспоминания о преобладающем настроении представителей этого течения на соборе Высшего Русского Церковного Управления (ВРЦУ) за границей в 1921 г. оставил митрополит Вениамин (Федченков), который будучи духовником Белой армии, еще в ноябре 1920 г. был вынужден эвакуироваться из Крыма. За рубежом, в эмиграции, он имел возможность получить представление об этом из «первых уст».

Пара фрагментов, весьма показательных, обнаруживает, что это была *лишь с внешней стороны «промонархическая» группа*; по сути же она оспаривала *главное право будущего монарха – право суверенного (независимого) решения по основным вопросам государственного правления, т.е. это была «правая» церковная оппозиция*: «Видя во мне противника, вождь правых Марков-второй, Локоть и кто-то третий посетили меня специально, пытаясь привлечь на свою сторону. Разговор вели о монархии, я что-то возражал им спокойно, потом спросил их:

– Но ведь наследственный государь может оказаться и малоспособным?

– Да разве он будет править? Мы за ним будем стоять! Я удивился такой политической развязности, а лучше сказать – наглости.

– Как?! Монархисты, вы можете такие вещи говорить про монархов? Но им ничуть не было стыдно. И я еще больше оттолкнулся от них: какое лицемерие!» [3. С. 340 – 341].

Владыка Вениамин не оставил без внимания и личную позицию митрополита Антония (Храповицкого): «Мы, архиереи, сделали секретное поста-

новление: впредь не принимать приказов патриарха, если они нам покажутся несвободными. Вы согласны с этим? <...>

– Боже меня сохрани от этого! – ответил я ему. <...> Недаром я часто говорил и говорю; эти архиереи в сущности *революционеры*, только справа. Как монархисты заявили мне, что они будут править монархом, так тут же ужасную самочинность предлагает мне и митрополит Антоний. Не каноны, а своя воля правила ими. И от этого, как учит история, происходили все ереси и расколы в Церкви» [3. С. 345].

Все это повлияло на оценку митрополитом Вениамином решений, принятых в Сремских Карловцах: «Перед окончанием, по предложению члена Собора Н-ва, мне, как главному инициатору и организатору Собора, пропели многолетие... Но я глубоко раскаивался, что создавал его... Конечно, самая идея была совершенно правильна и необходима, но ее испортили политические страсти людей» [3. С. 342].

Подводя итоги небольшому исследованию, адресуем читателя к его началу: Не бывает революций без *злоупотреблений*, но злоупотребления, все-таки, лучше революций.

1. Очевидным следствием «церковной революционности» явился раскол – величайшая беда для Церкви. Вот почему достойно сожаления то, что в предреволюционный период не были использованы стабилизирующие возможности реформы как инструмента, отвечающего целям христианского государства, не было приведено в действие соборное начало. Это могло бы укрепить не только Церковь, но и государственность.

2. Что касается интеллектуального авангарда «обновленчества», в вопросе о необходимости реформы он был единодушен с канонической частью епископата. «Водоразделом» оказалась большая политизация этой группы в Церкви, что особенно проявилось на Соборе 1917 г. в решении вопроса о судьбе Патриаршества, неприемлемого для данного направления как «род церковного монархизма» и «символ реакционности». В более благоприятной политической обстановке интеллектуальное движение за церковное «обновление» могло быть адаптировано Церковью, а его крайности пережиты как «болезнь роста». Определяющими в его судьбе оказались новые политические условия,

при которых идеологи большевизма цинично направляли критицизм «обновленчества» против «старорежимной» части духовенства.

3. Обращение к последующей судьбе двух «флангов» «церковной революционности» помогает лучше уяснить диалектику формы и содержания. В целом установки «левых» дают основание для типизации этого «крыла» с мюнцеровским социально-ориентированным вариантом Реформации. При этом позаимствованные идеологами обновленческого раскола базовые элементы марксистской идеологии и вокабуляр произвели «гибрид», лишь отдаленно напоминающий о христианской основе этого течения. Что уж говорить о нравственном выборе и образе действия его лидеров? А установки «правых», по существу, были «революционным прорывом» в прошлое, к эпохе патриарха Никона, действовавшего в «состязании» с царем Алексеем Михайловичем за авторитет скорее в логике папы Григория VII (Гильдебранта). Последний, как известно, стремился к установлению примата церковной власти над светской в ущерб подлинному содержанию принципа «симфонии властей» (Юстиниана и Патриарха Фотия). Тот же «соблазн» возник и в отечественной церковной истории. Если вульгаризированное «живоцерковниками» «левое крыло» рассматривало принцип соборности и правила Церкви через призму навязанной властями идеологической платформы, произвольно и грубо меняя их по своему усмотрению, то «правые» действовали более осторожно, используя каноническое наследие и традиции Церкви как канал продвижения довольно категоричной позиции. С внешней стороны она выглядела «безукоризненно монархической»...

В этих условиях «срединному» церковному направлению пришлось отсекать политические наслоения и искать *внеполитическое разрешение* запутанных «узлов» церковно-государственных отношений. Во время голода 1920-х гг. и особенно – в период Великой Отечественной войны Православная Церковь будет действительно через благотворительность и миротворчество свидетельствовать о том, что основой евангельской любви является *жертва*. Практически это означает готовность смириться и уступить *во второстепенном* ради «приобретения» врага уже не как врага, но как друга.

Список источников и литературы

1. Местр Ж. де. Рассуждения о Франции. М., 1997.
2. Maistre J.de. Lettres et opuscules inedites du comte Joseph de Maistre, precedes d'une notice biographique par son fils le comte Rodolphe de Maistre. Paris. Vaton. 1851.
3. Митрополит Вениамин (Федченков). На рубеже двух эпох. М., 1994.
4. Деяния Поместного Собора Православной Российской Церкви 1917 – 1918 гг. Петроград, 1918. / Москва, 1994 (репринт). Том II. Деяния XVII – XXX. Деяние XIX.
5. Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 1999.
6. Владислав Цыпин, прот. История Русской Православной Церкви. Синопсальный и новейший периоды. 1700 – 2005. Издание Сретенского монастыря. М., 2007.
7. Деяния Поместного Собора Православной Российской Церкви 1917 – 1918 гг. Петроград, 1918. / Москва, 1994 (репринт). Том II. Деяние XXIV.
8. Деяния Поместного Собора Православной Российской Церкви 1917 – 1918 гг. Петроград, 1918. / Москва, 1994 (репринт). Том II. Деяния XVII – XXX. Деяние XXV.
9. Деяния Поместного Собора Православной Российской Церкви 1917 – 1918 гг. Петроград, 1918. / Москва, 1994 (репринт). Том II. Деяние XXVIII.
10. Деяния Поместного Собора Православной Российской Церкви 1917 – 1918 гг. Петроград, 1918. / Москва, 1994 (репринт). Том II. Деяние XXVI.
11. Деяния Поместного Собора Православной Российской Церкви 1917 – 1918 гг. Петроград, 1918. / Москва, 1994 (репринт). Том II. Деяние XXVII.
12. Труды первого Всероссийского съезда или Собора Союза Церковное Возрождение. М., 1925.

13. Казем-Бек А. Л. Жизнеописание Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия I // Богословские труды (БТ). Вып. 34. М. 1998.
14. Титлинов Б.В. Историческое обоснование обновленческого движения. Самара, 1926.
15. Титлинов Б.В. Смысл обновленческого движения в истории. Самара, 1926.
16. Титлинов Б.В. Церковное обновление и мир церкви. Пермь, 1926.
17. Левитин-Краснов А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты (Материалы по истории Церкви. Кн. 9.). М., 1996.
18. Обновленческий раскол (Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики) / Сост. И.В. Соловьев М., 2002.
19. Шкаровский М.В. Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX века. СПб., 1999.

Degtyareva Maria Igorevna

Doctor of philosophy, Candidat of history ,

Vice-rector of the Perm Theological Seminary for research

CHURCH REVOLUTIONISM IN RUSSIA: LEFT AND RIGHT WINGS OF CHURCH RENEWAL MOVEMENT

Abstract. The paper looks at the birth and the development of left and right sides of the Church renewal movement as a manifestation of clerical revolutionary nature. The author puts forward a hypothesis that progressive minds and a popular vulgar version of renewal process, on the one hand, and the right opposition, on the other hand, make the events resulted in the split in the Russian Orthodox Church in XX century similar to the most recognizable movements in the European Reformation. Subsequently, the left side experienced the impact from the state ideology at the expense of religious beliefs and canon rules of the Orthodox Church, while the right opposition was smart enough to apply the canon rules of the Church to express

particular and uncompromising monarch view, thus violating the symphonia principle. In that context, the middle part had to look for the non-political solutions for the intricate “nodes” of the church-state relationship.

Key words:

Church, revolution, Church renewal movement, Church Sobor (Synod) 1917-18, Patriarch elections, intellectual progressive minds of renewal process, renewal split, Karlovac schism.

Мария Игоревна Дегтярева

*проректор Пермской Духовной семинарии
по научной работе,
доктор философских наук,
кандидат исторических наук*

**«СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЕРНОСТИ»:
ГРАФИНЯ А.В. ГЕНДРИКОВА И Е.А. ШНЕЙДЕР**

Аннотация: Вниманию читателей статьи предлагается попытка историко-культурологической реконструкции мотивов, определивших личный выбор приближенными Семьи последнего русского Государя – Николая Александровича пути следования за своими Высочайшими покровителями. Автор прослеживает «преемство» нравственного идеала одной известной представительницы высшего общества в условиях французской революции 1789 г. и двух женщин, близких Царской Семье. В статье уделяется внимание и малоизвестным документам «белого» следствия, побуждающим относиться с осторожностью к свидетельствам генерала М. Дитерихса в случае организации поиска останков графини А.В. Гендриковой и Е.А. Шнейдер.

Ключевые слова: Верные спутники Царской Семьи, христианский выбор и свидетельство в условиях революции, расследование обстоятельств убийства графини А.В. Гендриковой и Е.А. Шнейдер, документы следственной комиссии 1918 г. из фондов ГАРФА.

Одним из обетований Евангелия является краткое и хорошо известное всем изречение Господа нашего Иисуса Христа: «*Верный в малом и во многом верен*» [Лк. 16: 10] [1. С. 1110]. Эти слова можно в полной мере отнести к

двум женщинам, чьи судьбы оказались связаны с историей Царской Семьи – графине А.В. Гендриковой и Е.А. Шнейдер. Обе они нашли последнее земное пристанище в Перми.

Чем знаменательна была их жизнь и почему до наших дней они побуждают помнить о себе? В период, связанный с революцией и Гражданской войной, в России пострадали миллионы людей. Можно с уверенностью сказать, что значительная часть тех, кто, вольно или невольно, оказались вовлеченными в политический конфликт, были подвержены действию страстей. Революции и раздирающие гражданские столкновения обычно заставляют страдать весь «корпус», все «тело» – общества, государства и Церкви. Принять такого рода испытания, сохраняя «дух мирен», не утратить в любых обстоятельствах человечность и достоинство христианина удастся не всем. Графиня Анастасия Васильевна Гендрикова и Гоф-Лектриса Екатерина Адольфовна Шнейдер прошли этот отрезок жизни с полным сознанием того, что это и есть предначертанный свыше «узкий» путь ко спасению.

В мировой истории случаются порой удивительные совпадения. Это касается не только законов социального порядка, связанных с состоянием духовной сферы общества, но и судеб отдельных людей. Русскую революцию 1917 г. не без оснований сравнивают с Французской революцией 1789 г. Так, известный французский публицист XVIII в., автор знаменитых афоризмов А. Ривароль, классики британского и французского консерватизма Э. Берк [2] и Ж. де Местр [3], а за ними и русские мыслители – Н.А. Бердяев [4], П.Б. Струве [5], историк Л.П. Карсавин [6] оценивали революционные события как «общенациональную болезнь» – следствие оскудения веры и увлечения современников идеологией просветительского рационализма и неумелым моделированием в политике. Несоответствие результатов человеческих усилий – замыслам революционеров, «колесо террора», гибель невинных людей и самих идеологов первого «поколения» революции от рук еще более жестоких «продолжателей» сближают события во Франции и в России.

В истории Французской революции можно найти и удивительный пример, который вполне мог послужить образцом *личного христианского свидетельства верности* для некоторых людей, разделивших участь Царской

Семьи. Это судьба французской аристократки – Марии Терезы Луизы де Ламбаль, описанная в «Истории Французской революции» Ж. Мишле [7] и известная в нескольких вариациях, отличающихся в деталях. Вдова члена Французского королевского дома – Луи Александра де Бурбона, принца де Ламбаля, и близкая подруга Императрицы Марии Антуанетты, она имела должность Обергофмейстрины Королевы. Когда в 1789 г. начались волнения в Париже, Мария Антуанетта отослала ее в Омаль, а потом – в Англию, где она находилась в полной безопасности. Однако, узнав о неудачном бегстве Королевской Семьи и ее заключении в тюрьму Тюильри, принцесса де Ламбаль вернулась во Францию, несмотря на увещания своих родственников, и попала в «жерло» сентябрьской резни 1792 г. Чрезвычайный трибунал борьбы с контрреволюцией на допросе, продолжавшемся несколько минут, потребовал от нее присягнуть идеям «свободы» и «равенства» и во всеуслышание заявить о ненависти к монархам. Принцесса Мария Тереза ответила, что никогда не признается в ненависти к Государям, потому, что это «не соответствует истине и противно ее совести». Слова судьи: «Освободить эту аристократку!» означали смертный приговор, и молодая женщина была убита с особой жестокостью на улицах Парижа. Страшными ударами ей разбили голову, и еще несколько часов ее тело было «трофеем» в руках обезумевшей разъяренной толпы.

Вероятно, эта история подлинно христианского братства «даже до смерти» была известна в Царской Семье, где хранился портрет казненной королевы Марии Антуанетты – подарок президента Франции Эмиля Лубе. Гобелен с изображением французской королевы в окружении детей – копия парадного портрета 1887 г. кисти художницы Э.-Л. Виче Лебрэн – был преподнесен Царской Семье в 1902 г. С тех пор он размещался на стене Угловой гостиной Александровского дворца, на половине Императрицы Александры Феодоровны. Наверняка Анастасия Васильевна Гендрикова и Екатерина Адольфовна Шнейдер об этом драматичном эпизоде французской истории знали.

Святость не осеняет человека вдруг, она не является вышеестественным даром, она «прорастает» незаметно среди повседневных забот и различных

обстоятельств жизни. Если проследить земной путь обеих женщин до момента, когда стали зримы плоды их внутренней духовной жизни, можно убедиться в том, что с внешней стороны в ней все складывалось довольно благополучно. Они не испытывали материальной нужды, принадлежали к привилегированному слою общества, пользовались милостью и покровительством Царской Семьи. Их жизни оказались соединены в Петербурге и в Царском Селе, и эта связь окрепла, приобрела силу подлинно христианского родства в событиях, потребовавших от них обеих нравственного выбора, определившего добровольное восхождение на Голгофу.

Графиня А.В. Гендрикова родилась 23 июня (6 июля) 1888 г. в городе Волочанске Харьковской губернии в семье графа Василия Александровича Гендрикова и княжны Софии Петровны Гагариной. Ее отцу по состоянию здоровья пришлось оставить военную службу в кавалерии, и в 1884 г. он вышел в отставку в чине Штаб-Ротмистра. В 1900 г. граф В.А. Гендриков был приглашен ко Двору Его Императорского Величества, где получил место Обер-Церемониймейстера. Анастасия Васильевна окончила Смольный Институт Благородных Дев и жила при Дворе вместе с родителями. В те годы ее мать – графиня Софья Петровна стала близкой подругой Императрицы Александры Федоровны. Эта дружба продолжалась до ее смерти в 1916 г. Анастасию Васильевну в Царской Семье знали с юных лет и обычно называли ласковым именем «Настенька». В 1910 г., в возрасте 22-х лет, она стала Свитной (т.е. личной) Фрейлиной Императрицы.

Екатерина Адольфовна¹ Шнейдер появилась на свет 20 января 1856 г. в Санкт-Петербурге. Она происходила из прибалтийской семьи, будучи дочерью надворного советника Адольфа Шнейдера и его супруги Марии Луизы (урожденной Сванберг). Она принадлежала к евангелическо-лютеранской церкви. После окончания в 1880 г. Педагогических Курсов Санкт-Петербургских женских гимназий, она практиковала частные уроки, а потом тринадцать лет (с 1881 по 1894 гг.) служила классной дамой в Московском Николаевском сиротском институте.

¹ Полное имя ее – Генриетта Екатерина Луиза.

В 1884 г. Екатерина Адольфовна была приглашена преподавателем русского языка к Великой княгине Елисавете Феодоровне, а через десять лет, по ее рекомендации была вызвана в Лондон и принята преподавателем русского языка к невесте Наследника Российского Престола – принцессе Алисе Гессенской. Между учительницей и Высочайшей ученицей сложились самые добрые отношения. В 1904 г. Екатерина Адольфовна была принята на должность придворной Гоф-Лектрисы. У нее не было своей семьи, и всю остальную жизнь (23 года) она прожила в Зимнем дворце и в Александровском дворце Царского Села. За эти годы она стала близким человеком для Царской Семьи, где ее звали домашним прозвищем «Трина» (сокращенное от Екатерина).

Итак, в жизни Екатерины Шнейдер до ее встречи с Царской семьей, был период не громкого, не афишированного милосердного служения в сиротском институте. Для члена протестантской церкви путь деятельного исполнения евангельских заповедей через оказание помощи нуждающимся был тогда вполне естественным.

В жизни Анастасии Васильевны Гендриковой подобного опыта не было, ее путь выстраивался несколько иначе, но и ей пришлось приобрести опыт христианского служения ближним. Первым испытанием для нее стала кончина отца в марте 1912 г., и затем она четыре года самоотверженно заботилась о больной матери, прикованной к постели.

Все это время Настенька пользовалась расположением и поддержкой со стороны членов Царской Семьи. В дневниках и письмах Александры Феодоровны и Великих княжон, вошедших в сборник «Августейшие сестры милосердия» [8], обе они – Трина и Настенька – упоминаются довольно часто. Попечение женской части Дома Романовых об Анастасии Васильевне становится особенно заметным в 1916 г., перед кончиной ее матери.

Александра Федоровна посетила умирающую, находившуюся без сознания мать Анастасии Васильевны, а уже через несколько дней с дочерьми, несмотря на неважное самочувствие, выехала из Царского Села в столицу, присутствовала на панихиде, молилась вместе с молодой графиней. Великая княжна Татьяна Николаевна, самая сдержанная и «не откровенная» из сестер

(по замечанию С. Гиббса²), тем не менее, отметила в дневнике: «Вчера вечером после обеда мы поехали с Мамой в Петроград на панихиду графини Гендриковой. Жалко ужасно Настеньку, бедная так плачет...» [8. С. 211].

Члены Царской Семьи не ограничились лишь сочувствием «на первое время». Теперь Анастасия Васильевна была в Царском Селе неотлучно. Женская половина Семьи уделяла ей чуть больше внимания, чем остальным приближенным. Ее брали с собой на прогулки, в город, приглашали к чаю. Старшая из княжон – Ольга Николаевна, с удовлетворением отмечала в своем дневнике когда, «кроме обыкновенных, с ними завтракала и Настенька» [8. С. 230]. Невольно выдавала общее предпочтение в письме отцу и Великая княжна Мария в письме от 10 ноября 1916 г.: «В этот раз едет с нами Настенька. Иза³, кажется, недовольна, но мне все равно, так как Настеньку я люблю больше, она все-таки проще, нежели Иза» [8. С. 226].

Александра Федоровна настоятельно советовала дочерям уделять больше внимания Анастасии Васильевне. В дневнике, обращаясь к своей матери как к живой, Анастасия Гендрикова писала о Государыне с особым чувством благодарности: «Во всем, Ангел мой, я чувствую действие твоих молитв обо мне. Я опять нашла свою прежнюю Царицу, <...> тем Ангелом-Утешителем, которым она была для тебя в первые годы после смерти папы. <...> Мне в душу запала мысль, которую она мне сегодня сказала: чтобы тот опыт страдания, который Господь мне послал в тебе и через тебя, я бы употребила на радость и утешение другим. Может быть, в этом должна быть цель, назначенная мне Богом» [9].

Случай графини Гендриковой не был исключением. Царская Семья обычно не оставляла тех, кто находились при ней и зависели от нее даже тогда, когда не было надежды на то, что попавший в беду человек сможет вернуться к своим обязанностям. Так было, когда в двадцать три года безнадежно заболела фрейлина София Ивановна Орбелиани, и Александра Федоровна поселила парализованную девушку, оставшуюся сиротой, рядом с комнатами царевен.

² Чарльз Сидней Гиббс – воспитатель и преподаватель английского языка у детей, прослуживший в семье Романовых около десяти лет.

³ Иза – домашнее прозвище фрейлины Софьи Карловны Буксгевден.

До самой ее смерти в 1915 г. она заботилась о ней, ежедневно проводила с ней время. Так было и в случае с Анной Вырубовой, пострадавшей во время крушения поезда. Анастасия Гендрикова в Царской Семье также встретила участливое к себе отношение, и не забыла об этом. Вся ее последующая жизнь была пронизанной заботой о дорогих для нее людях.

Когда в 1917 г. разразилась революция, Анастасия Васильевна могла бы устроить свою судьбу иначе. В марте она находилась в относительной безопасности, в Крыму, куда уезжала для того, чтобы навестить свою родную сестру Александру. Но, узнав от отречения Государя, она, так и не увидев сестру, поспешила из Севастополя в Петербург. 8(21) марта 1917 г., за два часа до того, как Александровский Дворец по приказу Генерал-Лейтенанта Л.Г. Корнилова стал местом заключения для всех, кто пожелал в нем остаться, графиня А.В. Гендрикова вновь приступила к своим обязанностям, отметив в своем дневнике: «Слава Богу, я успела приехать вовремя, чтобы быть с Ними».

Общение с царственными узниками было ограничено. Приставленные к ним как будто «ради их блага» солдаты и офицеры не затрудняли себя соблюдением даже самых простых норм вежливости. Вокруг сновали «глаза» и «уши». Воспитатели и гувернеры детей, придворные дамы, хотя и не подверглись аресту, проводили значительное время в своих комнатах. Государыня из-за невозможности личных встреч общалась с Настенькой и Триной с помощью записочек.

Когда по постановлению Временного Правительства Августейшая Семья должна была отправиться в Тобольск, Анастасия Васильевна Гендрикова и Екатерина Адольфовна Шнейдер без колебаний последовали за ней. Возможность выбора у них в тот момент была. Некоторые участники заключения были освобождены. Так, например, был отпущен к детям протоиерей Афанасий Беляев, оставивший ценнейшие воспоминания об условиях заточения [10. С. 349 – 376]. Добиваться освобождения, или разделить судьбу Семьи бывшего Императора Николая Александровича было делом личного выбора каждого.

Для того, чтобы быть ближе к своим Высочайшим покровителям, графиня Гендрикова с разрешения комиссара Временного Правительства В.С.Панкротова некоторое время исполняла обязанности учительницы, обучая Русской

истории младших Великих княжон. Все основные события, происходившие в Тобольске, Анастасия Васильевна заносила в свой личный дневник.

Начиная с 30 апреля 1918 г., когда присланный из Москвы в Тобольск комиссар В.В. Яковлев (настоящее имя его К.А. Мячин) под давлением Уральского областного совета передал членов Царской Семьи и прибывших с ними лиц представителям Президиума Исполкома Уральского Совдепа, А.В.Гендрикова и Е.А. Шнейдер оказались в числе «заложников».

10 (23) мая 1918 г. в Екатеринбург были доставлены из Тобольска Цесаревич Алексей, Великие княжны – Ольга, Татьяна и Анастасия и пожелавшие сопровождать их верные спутники⁴. Почти сразу же от группы прибывших были отделены граф И. Л. Татищев, графиня А. В. Гендрикова, Е.А. Шнейдер и А. А. Волков, которых также поместили в Тюрьму № 2.

В глазах властей они лично не представляли особого интереса. В Протоколе № 3 заседания Президиума ВЦИК от 1 апреля 1918 г. об усилении надзора над арестованными А.В. Гендрикова была указана как мужчина, а фамилия Е.А. Шнейдер при склонении в мужском роде будет вписана позднее в постановление Уральского областного совета об аресте. Вся их «вина» состояла в том, что они были «ненужными свидетелями».

Сведения о последних «вехах» земного пути двух замечательных женщин из окружения Царской Семьи содержатся в воспоминаниях камердинера Алексея Андреевича Волкова. 11 (24) июля 1918 г. перед отправкой из Екатеринбурга в западном направлении (в Пермь) в конторе, куда его привели,

Верные спутники Царской Семьи в Тобольске

⁴ Николай Александрович и Александра Феодоровна в сопровождении Великой княжны Марии проделали этот путь раньше.

ждать арестованных дам ему пришлось довольно долго, поскольку обе они были больны. На вопрос, куда их везут, последовал ответ: «Или к Семье, или в Москву». Царская Семья к тому времени была уже убита.

А.А. Волков упоминает и о том, что у них была возможность попытаться спасти себя во время пересылки в Пермь. Отправляли их вечером на двух извозчиках, когда начинало темнеть, и сопровождавший их невооруженный солдат дважды отходил искать арестантский вагон. Когда же Волков предложил своим спутницам сойти с другой пролетки и уйти, они ясно дали понять, что никуда не пойдут, вероятно, надеясь на соединение с Царской Семьей.

В арестантском вагоне, где вместе с ними оказались Княгиня Елена Петровна и члены сербской миссии, их доставили в Пермь и заключили под арест в бывшем тюремном замке 23 июля 1918 г. (по отношению Чрезвычайного Комитета № 2172) [11. Д. 19. Л. 48]. Елена Петровна, графиня А.В. Гендрикова и Е.А. Шнейдер были помещены в одну камеру, расположенную в его башне, в которой ранее содержались особо опасные политические преступники.

По сведениям Генерал-Лейтенанта М.К. Дитерихса [12], наибольшую бодрость в тяжелом тюремном заключении проявила графиня Гендрикова, которая иногда даже пела, дабы развлечь тоску грустившей по мужу Княгини Елены Петровны.

7 августа 1918 г. Чрезвычайный Комиссар Пермской Губ. ЧК Г.М. Воробцов направил в Совнарком РСФСР телеграмму, в которой испрашивал дальнейших действий в отношении содержащейся в тюрьме «прислуге Романовых», ходатайствующей об освобождении. В своей ответной депеше на этот запрос Председатель ВЦИК Я.М. Свердлов предлагал пермским чекистам действовать по своему усмотрению «согласно обстоятельствам».

Арестованных вызывали для допроса в ЧК. По воспоминаниям дочери Е.С.Боткина Татьяны, графиня А.В. Гендрикова на вопрос комиссаров, что бы она выбрала, если бы оказалась на свободе, отвечала, что хотела бы только «служить Их Величествам до конца дней своих» [9].

Далее Генерал-Лейтенант Дитерихс в своем труде «Убийство Царской Семьи и других Членов Дома Романовых на Урале» сообщает о том, что 4 сентября 1918 года отношением за № 2523 (в документе из фондов ГА РФ

же указана дата 3 сентября [11. Д. 19. Л. 48]). Губернская Чрезвычайная Комиссия потребовала присылки в арестный дом графини А.В. Гендриковой, Е.А. Шнейдер и камердинера Волкова. Всех их собрали в конторе тюрьмы и предложили им захватить с собой личные вещи.

В арестном доме, в комнате, в которую их ввели, было собрано еще восемь других арестованных (в том числе жена полковника Лебеткова и Егорова) и 32 вооруженных красноармейца, во главе с начальником одетым в матросскую форму. После этого след «заложников» затерялся.

Вопрос о судьбе всех арестованных пермскими чекистами был поднят после освобождения города 24-25 декабря 1918 г. Сибирской армией генерала Р. Гайды.

В материалах «Предварительного следствия Судебного Следователя Пермского Окружного Суда по важнейшим делам об убийстве ряда лиц по постановлениям б. Пермской Чрезвычайной Комиссии», начатого 11 января 1919 г. [13. Д. 19. Тит. Л.], содержится важный источник – «Выписка из газеты “ИЗВЕСТИЯ Пермского Губернского Исполнительного Комитета Советов Рабочих, Крестьянских и Армейских депутатов” № 175 от 11 сентября 1918 г. с дополнительным списком арестованных и расстрелянных по постановлению Губернской ЧК 42-х “заложников”». В нем указаны под № 26 – Волков Алексей Андреевич – «слуга Николая II», под № 27 – Шнейдер Екатерина Адольфовна и под № 28 – Гендрикова Анастасия Васильевна [14. Д. 19. Л. 6 – об.]. Их статус в документе не был отражен. Напротив имен женщин в списке, очевидно, следователем, были сделаны пометки от руки – «гофлектриса» и «графиня».

В донесении «Пермской Губернской тюремной инспекции от 29 марта 1919 г. № 236. Г. Судебному следователю Пермского Окружного Суда по важнейшим делам» сообщалось о том, что на этот момент времени известна только участь «заложника» Леонида Петровича Оландера, который был расстрелян по постановлению ГубЧК 12 сентября 1918 г. и указывалось: «Никаких других сведений о всех перечисленных выше лицах в делах Инспекции и мест заключения не имеется» [11. Д. 19. Л. 48].

Лишь к весне 1919 г. розыски следственной комиссии позволил установить следующее. В первых числах сентября 1918 г. всю партию заключен-

ных – 11 человек (6 женщин и 5 мужчин) забрал матрос с конвоем и повел куда-то, сначала по городу, а затем на шоссе Сибирского тракта. Волкову удалось бежать. Всех остальных привели к валу, разделявшему два обширных поля с нечистотами, поставили спиной к конвоирам и в упор сзади дали залп. Стреляли не все, берегли патроны; большая часть конвоиров била арестованных прикладами по головам. С убитых сняли верхнюю одежду и, разделив на две группы, сложили тут же в проточной канаве и присыпали тела немного землей, не более как на четверть аршина.

Только 1 мая 1919 г. [15. Д. 19. Л. 143 – 143 - об.], через семь месяцев после убийства, тела Анастасии Васильевны Гендриковой и Екатерины Адольфовны Шнейдер были разысканы в одном из трех захоронений⁵ на 4-ой версте от города по Сибирскому тракту на границе свалочного поля рядом с канавой. 3 мая тела были осмотрены в Пермском городском анатомическом покое, временно захоронены и лишь 16 мая были преданы земле по христианскому обряду. Их положили в общем деревянном склепе.

Что касается сведений о состоянии тел «заложников» Пермской ЧК и о месте их захоронения, они разнятся. М.К. Дитерихс указывает «Ново-Смоленское» (в другом месте – «Вознесенское») кладбище в Перми, но при этом упоминает, что могила их оказалась как раз напротив окна камеры Пермской губернской тюрьмы, в которой провели они последние дни своей земной жизни. Скорее всего, подразумевалось, все-таки, Ново-Егошихинское кладбище (где и установлен памятный крест).

Сведения М.К. Дитерихса⁶ о состоянии тел также не вполне точны: «Тело Е.А. Шнейдер находилось в стадии разложения, но еще достаточно сохранившимся для осмотра; черты лица оставались легко узнаваемыми, и длинные

⁵ В одном из них был труп молодого мужчины – пристава Безенковича, в другом – трупы трех мужчин и одной женщины без одежды, и в третьем – трупы четырех женщин, два из которых без одежды, на третьей только корсет и клетчатая кофточка, на четвертой одна кофточка.

⁶ М.К. Дитерихс указывает лиц, присутствовавших на осмотре тел: «При моем осмотре трупов Гр. Гендриковой и Е. Шнейдер я вполне согласился с первоначальным их опознанием тюремным врачом и фельдшером, которые их пользовали в тюрьме. Опознали их также при мне Помощник Пермского Губернского Тюремного Инспектора Н. Грацинский и Помощник Начальника Губернской тюрьмы Н. Бехтерев; подтвердил свое первоначальное показание и вызванный мной тюремный фельдшер Г. Мешковский».

ее волосы были целы. На теле обнаружена под левой лопаткой пулевая рана в области сердца; черепные кости треснули от удара прикладом, но голова в общем виде осталась ненарушенной. Тело графини А.В. Гендриковой *еще совершенно не подверглось разложению: оно было крепкое, белое, а ногти давали даже розоватый оттенок*. Следов пулевых ранений на теле не оказалось. Смерть последовала от страшного удара прикладом в левую часть головы сзади: часть лобовой, височная, половина теменной костей были совершенно снесены и весь мозг из головы выпал. Но вся правая сторона головы и все лицо остались целы и сохранили полную узнаваемость» [12].

Между тем, в материалах следственной комиссии, хранящихся в ГАРФЕ, зафиксированы следующие данные. В «Протоколе осмотра и вскрытия трупов» [16. Д. 19. Л. 145 – 145 – об.] о телах А.В. Гендриковой (№ 7) и Е.А. Шнейдер (№ 8) указано: «№ 7. Труп женщины высокого роста, правильного сложения, умеренного питания, по-видимому, средних лет. На трупе надеты мужская гимнастерка защитного цвета, летняя с пустыми карманами, белый лиф с кружевами и женская полотняная рубаха, отделанная кружевами <...>, все истлевшее, на синей муаровой ленте фарфоровая иконка в оправе, изображающая на одной стороне Богоматерь с Младенцем, и на другой стороне с надписью, которую прочесть нельзя. Оставшиеся на голове волосы длинные, темно-русые, зубы целы. Часть лобной кости и затылочная отсутствуют. Мозг в твердой мозговой оболочке, как в мешочке. *Труп сильно разложившийся*, иных следов повреждений не усматривается» [16. Д. 19. Л. 145 – об.].

«№ 8. Труп женщины высоко роста правильного сложения, умеренного питания, по-видимому, среднего возраста. На трупе надеты темно-синяя кофта английского фасона со стоячим воротником и толстая мантилья (?), ночная батистовая кофточка, светлый длинный корсет и белая полотняная рубаха, отделанная кружевами. Оставшиеся на голове волосы темно-русого цвета, заплетены в косу. На шее, на белой узкой ленточке, висит серебряный крестик с надписью «Спаси и сохрани». Правая теменная кость и височная раздроблены, также раздроблена правая зона от челюсти. Труп сильно разложившийся, иных повреждений на нем не видно. (Пермский городской врач Шнирова)» [16. Д. 19. Л. 146].

Поэтому свидетельство Генерал-Лейтенанта М.К. Дитерихса *о нетленном состоянии* тела Анастасии Васильевны Гендриковой *едва ли может быть принято во внимание в качестве «неоспоримого» для идентификации останков спутниц Царской Семьи в Перми в случае поисков точного места их захоронения.*

В протоколе допроса свидетеля Павла Ивановича Уткина, исполнявшего летом 1918 г. в Перми должность тюремного врача, отражены дополнительные детали этой истории. Он показал о том, что три женщины – А.В. Гендрикова, Е.А. Шнейдер и Королева Елена Петровна содержались в одной палате тюремной больницы и всем им он «оказывал медицинскую помощь и старался доставать продукты», «хотя они и не были собственно больными» [17. Д. 19. Л. 156]. Подтвердил он и то, что в конце августа – начале сентября он не застал их и не стал наводить справки, опасаясь повредить им, если они еще живы. Уткин был участником раскопок по распоряжению Военного контроля по Сибирскому тракту и помог опознать тела А.В. Гендриковой, Е.А. Шнейдер и баронессы Менгден [17. Д. 19. Л. 156 – 156 – об.].

После окончательного установления в крае власти большевиков могилы убитых заложников были скрыты, *их место расположения может быть указано лишь приблизительно.*

По прошествии 53-х лет, решением Священного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви Заграницей графиня Анастасия Васильевна Гендрикова и Екатерина Адольфовна Шнейдер были причислены к лику Святых Новомучеников Российских от власти безбожной пострадавших. Чин прославления был совершен в Синодальном Соборе Знамения Божьей Матери в Нью-Йорке 19 октября (1 ноября) 1981 года. (В качестве основания для канонизации Е.А. Шнейдер и католика А. Труппа архиепископ Лос-Анджелесский Антоний (Синкевич) приводил довод, «что эти люди, будучи преданными Царю, своей мученической кровью крестились» и достойны быть канонизированными вместе с Царской Семьей.)

16 октября 2009 г. Генеральная прокуратура Российской Федерации приняла решение о «реабилитации» 52-х приближенных Царской Семьи, подвергшихся репрессиям, в том числе А.В. Гендриковой и Е.А. Шнейдер.

А.В. Гендрикова и Е.А. Шнейдер не прославлены на Родине, их имен пока нет в Соборе Новомучеников и Исповедников Российских, обе они покоятся на кладбище в Перми, где их положили среди союзников, принявших жестокую насильственную смерть без суда и без оглашения вины. Никого не предавшие, не подверженные малодушию, в беде они открыли для ближних источник внутреннего духовного богатства.

Список источников и литературы

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. В русском переводе с параллельными местами и приложениями. Перепечатано с издания Московской Патриархии. М.: Российское Библейское общество, 2010.
2. Burke E. Reflections on the Revolution in France and on the proceedings in certain societies in London relative to that event in a letter intended to have been sent to a gentleman in Paris. 1790. // The works of the right honourable Edmund Burke. London, 1872. Vol. II.
3. Местр Ж. де. Рассуждения о Франции. М.: РОССПЭН, 1997.
4. Бердяев Н.А. Жозеф де Местр и масонство. // Путь. Париж, 1926. № 4. // Путь, орган русской религиозной мысли под ред. Н.А. Бердяева. Издание Религиозно-философской академии (репринт). Книга I (1 – 4). М.: Информ-Прогресс, 1992.
5. Струве П.Б. Пророчества о русской революции // Дух и слово. Статьи о русской и западно-европейской литературе П.Б. Струве. Paris: YMCA-press Corp., 1981.
6. Хоружий С.С. Карсавин и де Местр. // Вопросы философии. 1989. № 3.
7. Michlet J. Histoire de la revolution francaise en 7 tomes complet, par Michlet Jules. Paris: Jean de Bonnot, 1989.
8. Дневниковые записи Великих княжон Ольги, Татьяны, Марии, Анастасии и их письма к отцу Императору Николаю II 1914 – 1916 года. // Августейшие сестры милосердия. Сост. Н.К. Зверева. М.: «Вече», 2008.

9. Дневник Графини А. В. Гендриковой, посвященный ее покойной матери. Запись от 22 сентября января 1916 года. Цит. по: Жук Ю.А. Претерпевшие до конца. Судьбы царских слуг, оставшихся верными присяге. // URL <https://profilib.net/chtenie/111486/yuriy-zhuk-preterpevshie-dokontsa-sudby-tsarskikh-slug-ostavshikh-sya-vernymi-dolgu-i-50.php> (Дата обращения 16.05.2018).
10. Дневник прот. А.И. Беляева, настоятеля Феодоровского собора в Царском Селе. // Августейшие сестры милосердия. // Августейшие сестры милосердия. Сост. Н.К. Зверева. М.: «Вече», 2008.
11. Пермская губернская тюремная инспекция. 29 марта 1919 г. № 236. Г. Судебному следователю Пермского Окружного Суда по важнейшим делам. Материалы «Предварительного следствия Судебного Следователя Пермского Окружного Суда по важнейшим делам об убийстве ряда лиц по постановлениям б. Пермской Чрезвычайной Комиссии». ГА РФ Ф. 9440. Оп. 1.
12. Дитерихс М.К. Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале. Владивосток, 1922. Часть I. Глава 2. Верные долгу и вере. // URL <https://history.wikireading.ru/213196> (Дата обращения: 16. 05.2018).
13. Материалы «Предварительного следствия Судебного Следователя Пермского Окружного Суда по важнейшим делам об убийстве ряда лиц по постановлениям б. Пермской Чрезвычайной Комиссии». ГА РФ Ф. 9440. Оп. 1.
14. Выписка из газеты “ИЗВЕСТИЯ Пермского Губернского Исполнительного Комитета Советов Рабочих, Крестьянских и Армейских депутатов” № 175 от 11 сентября 1918 г. с дополнительным списком арестованных и расстрелянных по постановлению Губернской ЧК 42-х “заложников”. Материалы «Предварительного следствия Судебного Следователя Пермского Окружного Суда по важнейшим делам об убийстве ряда лиц по постановлениям б. Пермской Чрезвычайной Комиссии». ГА РФ Ф. 9440. Оп. 1.
15. Срочное донесение Г. Судебному Следователю Пермского Окружного Суда по важнейшим делам товарищ прокурор Пермского Окружного Суда по городскому участку. 1 мая 1919 г. № 169. Материалы «Предва-

рительного следствия Судебного Следователя Пермского Окружного Суда по важнейшим делам об убийстве ряда лиц по постановлениям б. Пермской Чрезвычайной Комиссии». ГА РФ Ф. 9440. Оп. 1.

16. Протокол осмотра и вскрытия трупов. Материалы «Предварительного следствия Судебного Следователя Пермского Окружного Суда по важнейшим делам об убийстве ряда лиц по постановлениям б. Пермской Чрезвычайной Комиссии». ГА РФ Ф. 9440. Оп. 1.
17. Протокол допроса свидетеля Павла Ивановича Уткина. Материалы «Предварительного следствия Судебного Следователя Пермского Окружного Суда по важнейшим делам об убийстве ряда лиц по постановлениям б. Пермской Чрезвычайной Комиссии». ГА РФ Ф. 9440. Оп. 1.

Degtyareva Maria Igorevna

Doctor of philosophy, Candidat of history ,

Vice-rector of the Perm Theological Seminary for research

**FAITH EVIDENCE: COUNTESS A.V. GENDRIKOVA
AND E.A. SHNEIDER**

Abstract. The paper tries to restore the motives determining the personal choice of the attendants of the last Russian Tsar Family – Nikolai Aleksandrovich to follow their Imperial patrons. The author shows the ethical ideal succession of one famous female representative of high society during the French Revolution in 1789 and two women close to the Tsar family. The paper also describes under-reported documents of “white” investigation which doubt the evidences given by a General M. Diterikh's if the remains of a countess A.V. Gendrikova and E.A. Shneider are searched for.

Key words: faithful companions of the Tsar family, Christian choice and evidence during revolution, circumstances investigation of countess A.V. Gendrikova and E.A. Shneider murder, documents of investigating committee in 1918 from the State Archive of the Russian Federation.

Черепанов Илья Сергеевич
*студент 1-го курса
пастырского отделения
очной формы обучения
Пермской Духовной семинарии*

*Научные консультанты –
проректор Пермской Духовной семинарии
по научной работе –
д.ф.н., к.и.н. Мария Игоревна Дегтярева,*

*заведующий кафедрой гуманитарных
естественнонаучных дисциплин
Пермской Духовной семинарии –
к. с. н., доцент Николай Александрович Гоголин*

**«ХРИСТИАНСТВО КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ:
НА ПРИМЕРЕ БИОГРАФИИ
ПИТИРИМА АЛЕКСАНДРОВИЧА СОРОКИНА»**

Аннотация: В статье поднимается проблема нравственного и жизненного выбора в условиях революции и Гражданской войны, вставшего с особой остротой для одного из лидеров эсеровской партии – Питирима Александровича Сорокина. Автор статьи анализирует «истоки» этого выбора и приходит к выводу о том, что определяющим фактором в биографии Сорокина оказалось то, что «фундамент» его мировоззрения был заложен в православной семье, а формирование в детстве и юношестве происходило в лоне православной культуры.

Ключевые слова: Питирим Сорокин, нравственный и мировоззренческий выбор в условиях революции и Гражданской войны, христианское воспитание, православная культура.

Тема моего исследования связана с духовным поиском и духовным выбором известного социолога Питирима Сорокина. Его личность и наследие представляют интерес именно потому, что он, будучи *православным человеком*, соединял в себе духовное видение и академическое мышление, обеспеченное блестящим образованием. Пример тем более интересный, что в первой половине жизни Питирим Александрович был активным революционером, идеологом созыва и депутатом Учредительного собрания от Вологодской губернии.

В своей книге «Социология революции» Питирим Александрович, будучи активным участником событий революции 1917 г., казалось бы, должен был обосновать «необходимость» подобных политических актов, но он дал совершенно иную оценку революционной борьбе, охарактеризовав ее как совершенно несостоятельную. Он отмечал, что революция отнюдь не «социализирует» людей, а наоборот – «*биологизирует*» [1. С. 33], не дарует новых свобод, а сокращает базовые, ухудшает экономическое и социальное состояние страны. А результаты свержения господствующей власти достигаются непропорционально большой ценой, подвергая страданиям не только класс, против коего ведется подрывная деятельность, но и, затрагивая даже тех, ради кого ведется борьба.

Сорокин утверждал, что реформы, проводимые в ходе революции, должны были бы иметь под собой мирную основу и последовательно прощупывать почву допустимых изменений, не переходящих границу человеческой природы. Очевидно, что для мышления того времени «человеческая природа» являлась термином почти тождественным со словом «совесть» и отображающим нормы и рамки, определяющие границы дозволенности. Возможно, одним из источников такого понимания было для него святоотеческое наследие. Во всяком случае, мы можем привести в качестве примеров изречение святого Иоанна Златоуста: «Наша *природа (совесть)* имеет способность точно отличать хорошее от нехорошего» и преподобного Ефрема Сирина: «*Совесть* имеет *естественное* к Нему (Богу) стремление и отвергает вкрадшуюся прелесть» [2. С. 287]. Исходя из всего этого, можно смело предположить, что Сорокин даже в период увлечения идеями революции и реформы, сознательно или

подсознательно, опирался на *христианский дух человеколюбия и гуманизма*. Чтобы лучше понять ход мысли этого человека нам необходимо обратиться к истории его увлечения революционными идеями.

В 1906 г. начинается его революционная карьера, поскольку именно тогда вступает в партию социалистов-революционеров («эсеров») и достаточно активно участвует в их политической пропаганде. Здесь стоит сделать важную для понимания ситуации ремарку о том, кто же такие эсеры и почему Питирим выбрал именно это движение? Эсеровская партия относилась к «левому крылу» российского политического спектра; ее представители выступали за «социализм», который они представляли как общество «хозяйственной и политической демократии». Они выступали как защитники крестьянства – основной части населения Российской империи – и в аграрном вопросе требовали «социализации земли», в то время как большевики вынашивали идею «национализации земель» в пользу государства. В целом политическая программа эсеров предполагала менее радикальный по сравнению с большевистским путь преобразования общества. Представителям этой партии была не чужд проект поступательного (эволюционного) развития.

Спустя некоторое время после участия в нелегальной политической работе, в декабре 1906 г. Питирим оказался арестован и заключен в тюрьму. Тюремный режим в Царской России был значительно мягче по сравнению с тем, что утвердился после революции, и Сорокину было разрешено общаться с другими заключенными, свободно читать книги. Именно тогда он познакомился с работами Маркса, Энгельса, Плеханова, Толстого, Ленина, Дарвина. Спустя три месяца его освободили и выпустили под надзор полиции. Заключение не ослабило, а скорее подогрело его интерес к революционной борьбе, поскольку почти сразу же он сбежал от этого самого надзора в Иваново-Вознесенск, где продолжил свою пропагандистскую деятельность.

По прошествии времени Питирим Сорокин стал активным участником Февральской революции 1917 г., одним из редакторов центральной газеты партии эсеров «Дело народа», был избран депутатом Учредительного собрания. Однако все резко переменялось после Октябрьской революции и прихода к власти большевиков, которую представители практически всех политиче-

ских партий считали «узурпировавшей власть» и установившей режим однопартийной политической диктатуры.

Для Питирима Александровича Сорокина, как и для многих его современников, «прозрение» началось не только с оценки *«легитимности»* новой власти, но и – *ее практики*. Политической идеологией большевиков стал террор, крайне жестокий и циничный, направленный не только на оппозиционные силы, но и на своих вчерашних союзников. Достаточно привести программный тезис Ленина о необходимости «превратить войну империалистическую в войну гражданскую».

Первые акты террора имели место уже осенью 1917 г. В числе первых его жертв были и представители духовного сословия – петроградские священники Иоанн Кочуров и Петр Скипетров¹. В то время Питирим Сорокин оставил личное свидетельство о том, каким выглядел Ленин-трибун: «Я остановился, чтобы послушать Ленина. Воистину он слабый оратор, но мне казалось, что этот человек может пойти далеко. Почему? Да потому, что *он был готов поощрить толпу на любое насилие, преступление, жестокость*, на которые в создавшихся деморализованных условиях люди и так были готовы» [3. С. 36].

Интуиция не подвела Питирима Александровича. Вскоре отдельные акты террора сменила *политика террора*. Формальной отметкой можно считать время, когда был подписан большевистский декрет о создании ЧК, и началось формирование этой структуры во главе с Ф.Э. Дзержинским (с декабря 1917 – января 1918 гг.). Официально большевики объявили о начале «красного террора» в сентябре 1918 г. как будто в ответ на убийство эсерами главы петроградской ЧК М.Урицкого и на покушение «эсерки» Ф. Каплан на Ленина. В действительности же с января 1918 г. эксцессы насилия стали учащаться, а убийства становились все более изощренными и масштабными. Особенно пострадали в период «необъявленного террора» прифронтовая полоса и юг России – Киев, Харьков и Крым, где было достаточно много госпиталей и санаториев для военнопленных. Впрочем, в число так называемых «заложников» ЧК (институт, о кото-

¹ Первый был убит толпой во время молебна о прекращении междоусобной брани, второй – при попытке остановить солдат и матросов, участвовавших в «экспроприации» Александров-Невской Лавры.

ром официальная советская историография предпочитала молчать) попадали не только военные, присягавшие царскому правительству, но и сколько-нибудь заметные люди: дворяне, представители духовенства, адвокаты, профессора, крупные и средние собственники, директора гимназий, иногда – крестьяне. К лету 1918 г. «красный террор» стал массовым в масштабах России².

Своеобразным «обрамлением» для разлива беззакония служили речи главных идеологов РСДРП(б): Ленина, Троцкого, Лациса. Троцкий, например, на соединенном заседании членов ВЦИК 4-го созыва (4 июня 1918 г.), заявил следующее: «Само собой разумеется, что Советская власть *есть организованная гражданская война* против помещиков, буржуазии и кулаков. Советская власть не боится этого сказать, как не боится *призывать массы к гражданской войне и для этого их организовывать*» [4. С. 434].

Избирая пролетариат, как основную опорную силу, Ленин и Троцкий доносили до сознания своих союзников то, что зажиточные и средние крестьяне являются потенциальными «оппозиционерами». Это послужило опорой для репрессий не только высших, но и средних слоев.

А что же «традиционные нравственные основания», служившие прежде «рамками» и для политической практики? Еще в октябре 1917 г. советская республика, наследуя в этом вопросе Временному правительству, провозгласила «свободы» совести и вероисповедания, а 20 января (2 февраля) 1918 г. был издан большевистский декрет об «отделении церкви от государства и школы от церкви». Фактически этот акт послужил «приговором» Церкви, поскольку она оказалась вне правового поля и не имела никакой защиты со стороны правительства. Это-то и позволило вести открытую борьбу с христианскими традициями и нормами в России.

Мышление Питирима Александровича резко расходилось с тем, что творилось в стране и посему он, будучи сотрудником правозэсеровской газеты «Воля народа» (с 1918 г. – «Воля страны»), выступал в поддержку Учредительного собрания, за что и был арестован вместе с редактором газеты и

² Драма «красного террора» нашла отражение на страницах произведений Ивана Шмелева («Солнце мертвых»), Ирины Головкиной (Римской-Корсаковой) («Лебединая песнь», или «Побежденные»), Ивана Бунина («Окаянные дни»).

рядом других работников. По воле случая, в газете на тот момент работал М. М. Пришвин, и он отразил это событие в своих «Дневниках» за 1918 год [5. С. 6]. Сам арест более широко раскрыт в редакционном сообщении газеты «Воля страны» от 5 января 1918 г. [5. С. 491].

Арест и пребывание Питирима Александровича в Петропавловской крепости длилось недолго – вскоре он был освобожден. В июне 1918 г. по заданию «Союза возрождения России» он отправился в район Великого Устюга – Котласа – Архангельска для подготовки восстания против большевиков, но 30 октября в самом Устюге сдался ЧК. Решение о его расстреле было принято достаточно быстро, и тогда он направил Ленину телеграмму «с раскаянием».

В условиях заключения ему пришлось написать и письмо в газету «Крестьянские и рабочие думы», где говорилось: «Сим довожу до сведения граждан-избирателей Вологодской и Северо-Двинской губ., и членов партии с.-р., что я: 1) отказываюсь от звания члена Учредит. собрания и всех прав и обязанностей, связанных с этим званием, 2) выхожу из состава партии соц.-революционеров» [6].

20 ноября 1918 г. письмо было перепечатано газетой «Правда», а уже через день, в этой же газете, была опубликована статья Ленина «Ценные признания Питирима Сорокина», в которой это вынужденное обращение оценивалось как «пример изменения отношения мелкой буржуазии и эсеров к большевикам» [7. С. 188]. Однако ленинская интерпретация не имела ничего общего с действительностью; выход Сорокина из политики не был тождественен «одобрению власти большевиков».

В декабре того же года Сорокина помиловали, но лояльным по отношению к большевистскому правлению он так и не стал. После еще нескольких опасных случаев Питириму Александровичу предложили покинуть страну, что он и сделал в 1922 г., переезжая сначала в Берлин, затем в Прагу, а далее в Америку.

Эмиграция была не совсем обычным выбором для члена эсеровской партии, поскольку, в основном, эмигрировали кадеты, а эсеры уверенно брались за оружие, вливаясь в «белое движение» во время Гражданской войны. Их террор был «рефлексивным». Эсеры вели открытое, вооруженное сопротивление советской власти, готовили покушения на лидеров партии, оказавшейся у власти,

и совершали убийства видных большевиков. В связи с этим возникает вопрос – почему же такой сильный идеолог как Сорокин отказался от своих воззрений, членства в партии и захотел прожить свою жизнь в совершенно ином русле?

«Истоки» личного выбора Питирима Александровича следует искать в его детстве. Питирим родился 4 февраля 1889 г., в селе Турья (ныне республика Коми), в семье простой крестьянки и ремесленника. Но отец его был не простым ремесленником, а прошедшим обучение в великоустюжских ремесленных гильдиях, где получил свидетельство «мастера золотых, серебряных дел и украшения икон» и занимался церковно-реставрационными работами. С детства Питирим рос в постоянных переездах по селам вместе с отцом. Вот что он пишет, вспоминая это время: «Приехав в новое село, отец первым делом отправлялся к священнику выяснить, имеется ли для него работа в местной Церкви. Если нам везло и находились дополнительные заказы, мы оставались в селе на несколько недель и даже месяцев, в зависимости от объема работ» [8. С. 16].

Постоянное нахождение в православной атмосфере, жизнь в ритме церковного сердцебиения, которая подкреплялась трудом на благо Церкви, сыграла огромную роль в формировании его личности, ведь как говорил преподобный Антоний Великий: «Телесные труды суть орудия добродетелей и спасительны для души» [9. С. 410].

К несчастью, матушка Питирима умерла рано, отношения с отцом пришли в разлад, поэтому Питирим стал работать с родными братьями там, где им удавалось получать заказы на роспись и украшение церквей, изготовление окладов для икон. Это помогало хоть немного сводить концы с концами. Но, судя по более поздним воспоминаниям, юный мастер не воспринимал это как «рутину»; ему было присуще стремление к совершенствованию мастерства и сознание того, что им получен талант, который он должен приумножить: «После нескольких лет работы с отцом и Василием я стал *лучшим декоратором*, художником и чеканщиком, чем они оба. Когда один выдающийся мастер нашего ремесла увидел образцы моей работы, он предложил мне стать его подмастерьем *для дальнейшего развития моего таланта*» [8. С. 26].

Работая в селе Палевицы, Питирим окончил школу грамоты. Осенью 1901 г. всю их небольшую семью пригласил к себе на работу священник Гамовской

церкви – Иван Степанович Покровский, который был дальним родственником отца. Отец Иоанн руководил церковно-приходской второклассной школой, где подготавливались учительский кадры для школ грамоты в селах и деревнях, именно туда и поступил Сорокин. Важным аспектом духовного образования того времени было то, что оно опиралось не только на теоретические знания, но, в первую очередь, на благонравие, благоразумие и воспитание, которое велось в русле святоотеческого предания.

В число изучаемых в школе предметов входили церковнославянский язык, Закон Божий, церковное пение. 2 июня 1904 г. Питирим окончил с отличием Гамовскую второклассную школу. Благодаря рекомендациям просветителя народа коми Александра Николаевича Образцова, занявшего после смерти Покровского пост директора школы, Питирим Сорокин получил возможность продолжить учебу в Церковно-учительской семинарии в Костромской губернии.

На протяжении всей своей жизни, Питирим Александрович тяготел к наукам, что, в конце концов, и привело его в Санкт-Петербургский Университет, где он получил юридическое образование. Спустя годы он станет основателем социологического факультета Гарвардского университета (1931 г.) и президентом Американской социологической ассоциации (1965 г.).

Итак, человек, воспитанный с детства в *христианской традиции*, имевший опыт жизни в Церкви, Питирим Сорокин в условиях злейшего искажения *идеала свободы – христианской ценности*, привнесенной в политику, не смог мириться с этим. Его личный мировоззренческий протест против большевистской диктатуры – это *не противодействие злу насилем, а сознательная аполитичность* вплоть до готовности расстаться навсегда и с собственным опытом революционной борьбы. В его внутреннем «диалоге» *гуманизм христианский*, все-таки, взял верх над *«гуманизмом светским*, пробудившим в нем прежде стремление к изменению *социальных условий* в пользу наиболее многочисленного крестьянского сословия.

Этим и объясняется его «приговор» революции: «Кто хочет «биологизировать» людей, кто хочет приближения их поведения к типу поведения животных, тот должен и может *подготавливать революцию и усугублять ее*. Кто хочет, чтобы пришла гибель общества или стадия «торможения» кровью и

железом, стадия удушающей смирительной рубашки, неизбежно следующая за стадией «освобождения», – тот может желать *насильственной революции*. Кто хочет разрушения, вакханалии убийств, жестокостей, зверства, правовой, моральной и психической деградации общества – тот может желать насильственной революции. Ибо революция все это привносит. Кто этого не хочет – тот *не может не отвергать революции*» [1. С. 182].

Своеобразными «якорями», которые помогли Питириму Александровичу удержаться от гибели оказались *христианское воспитание и образование*, приобретенное собственными усилиями. Благодаря этому, он смог направить свой ум в нужное русло, обуздать свои пылкие революционные устремления, отрезвиться и перенастроить свою жизнь, начав ее в эмиграции «с нового листа». Этот спасительный путь оказался недоступен для его образованных, но при этом совершенно отрешившихся от уроков Закона Божия политических «оппонентов».

Список источников и литературы

1. Сорокин П. А. Социология революции / П. А. Сорокин. М.: ОО «Изд. Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН)», 2004 г.
2. Ефрем Сирий (прп.), Творения. Покаяние / Ефрем Сирий (прп.). М.: Издательство Сибирская Благовонница, 2016. // URL <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=472851> (Дата обращения: 07.03.2019).
3. Сорокин, П.А. Революция и социология / П.А. Сорокин. М.: Директ-Медиа, 2007. // URL <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=26569> (Дата обращения: 07.03.2019).
4. Троцкий, Л.Д. Советская республика и капиталистический мир: в 2 ч. / Л.Д. Троцкий. М.: Директ-Медиа, 2014. Ч. 1. Первоначальный период организации сил. // URL <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=427981> (Дата обращения: 07.03.2019).
5. Пришвин, М.М. Дневники 1918-1919 г. / Подгот. текст Л.А.Рязановой, Я.З.Гришиной; Комментар. Я. З. Гришино. СПб.: ОО «Изд-во «Росток»», 2008.

6. Сорокин, П.А. Письмо в редакцию / П.А. Сорокин. 1918. [газеты «Крестьянские и рабочие думы»] // URL <https://www.litmir.me/br/?b=137622&p=1> (Дата обращения: 02.02.2019).
7. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений / В.И. Ленин. – репр. изд. 1969 г. М.; Берлин : Директ-Медиа, 2016. Т. 37. Июль 1918 – март 1919. // URL <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=55046> (Дата обращения: 06.03.2019).
8. Сорокин, П.А. Долгий путь: Автобиограф. Роман / пер. с англ. П. П. Кротова, А. В. Липского. Сыктывкар: Союз Журналистов Коми АССР: Шыпас, 1991.
9. «Добролюбие» для мирян. М.: Издательство Сибирская Благовонница, 2016. // URL <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=458754> (Дата обращения: 07.03.2019).

Cherepanov Iliа Sergeevich

1-year student of pastoral full-time department, Perm Religious Seminary

**CHRISTIANITY AS THE BASIS FOR PERSONALITY SHAPING:
ILLUSTRATED BY A BIOGRAPHY
OF PITIRIM ALEKSANDROVICH SOROKIN**

Abstract. The paper raises the burning problem of ethical and life choice at the time of revolution and Civil war for one of socialist revolutionary party leaders – Pitirim Aleksadrovich Sorokin. The author analyzes the roots of this choice and concludes that the determining factor in Sokorin’s biography appeared to be the fact that his views came from his orthodox family, while the orthodox culture shaped his childhood and youth hood.

Key words: Pitirim Sorokin, ethical and belief choice at the time of revolution and Civil war, orthodox upbringing, orthodox culture.

Иеромонах Симеон (Минаков)

*настоятель храма в честь
Свт. Иннокентия, митрополита Московского
в поселке Звездный,
преподаватель
Пермской Духовной семинарии,
кандидат культурологии*

**ОСМЫСЛЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ
НАЧАЛА XX В. В ТРУДАХ Н.А. БЕРДЯЕВА
И ЕГО ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ
КАК РЕЛИГИОЗНО – ФИЛОСОФСКАЯ МИССИЯ**

Аннотация: В статье рассматривается концептуальный анализ событий русской революции в трудах крупнейшего мыслителя Н.А. Бердяева. Автор прослеживает эволюцию политических взглядов философа, начиная от юношеского увлечения марксизмом – до критической переоценки левого радикализма, а также преемственность некоторых базовых элементов европейской консервативной классики (в трудах Ж. де Местра) и идей Н.А. Бердяева. Главным тезисом исследования является мысль о связи революции и духовного состояния общества и о том, что прочность политической системе придает лишь подлинная – христианская духовная культура.

Ключевые слова: Русская революция, философское наследие Н.А. Бердяева, Церковь в условиях синодальной системы, кризисные явления в области отношений Церкви и государства, христианская духовность.

На современном этапе развития человеческого общества наблюдается всплеск политической активности практически на всех континентах планеты. На наших глазах в последние десятилетия происходил целый «каскад»

революций и вооруженных переворотов на постсоветском пространстве в Евразии, Ближнем Востоке, Африке. Современная международная ситуация особенно актуализирует тему революционной борьбы.

В наши дни, спустя столетие с начала революции в России, стало известно уже многое о причинах этой трагедии. Открываются архивы спецслужб, публикуются воспоминания участников тех событий, коренным образом изменивших ход отечественной истории и, наверное, мировой истории в целом.

В связи с этим особенную ценность представляют воспоминания, размышления и попытки философского осмысления революционных событий в России виднейших представителей российской интеллигенции того времени – интеллектуалов, которые смогли вскрыть глубинные причины революционных событий в начале XX в. Одним из них был Николай Александрович Бердяев.

Николай Александрович являлся типичным представителем российской интеллигенции. Дворянин по происхождению, будучи студентом Киевского Университета, он с головой погрузился в новомодные философские течения, пережил увлечение марксизмом. За участие в студенческих беспорядках Бердяев был даже приговорен к ссылке в Вологду в 1898 г.

Его вполне могла ожидать «карьера революционера» – видного политического деятеля в партии большевиков, однако для вдумчивого молодого человека вовремя наступило прозрение. Столкнувшись воочию с реалиями революции, Николай Александрович убедился в том, что революционная деятельность носит отнюдь не созидательный, а разрушительный характер. Идеал «светлого будущего» померк для него на фоне террора и гибели ни в чем неповинных людей. Бердяев не мог согласиться с кровавыми методами революционной борьбы.

Путем внутренних переживаний, размышлений, анализа происходящих событий в стране философ пришел к пониманию всей опасности для Отечества деятельности революционеров. Покинув «лагерь» левых радикалов, Бердяев связывал надежды на спасение России исключительно с Православием. О своем пути к вере он пишет следующее: «Моя христианская вера не есть

вера бытовая, традиционно полученная по наследству, она есть вера, добытая мучительным опытом жизни, изнутри, от свободы» [1. С. 5].

С 1901 г. Н.А. Бердяев сосредоточил свои усилия на культурно-религиозной просветительской деятельности в России и за рубежом. Этой деятельности он посвятил всю свою жизнь вплоть до 1948 г., когда на чужбине, во Франции, прервался его жизненный путь.

Несмотря на то, что Бердяев пережил революцию и Гражданскую войну в России, две мировые войны, он стал одним из самых знаменитых философов и писателей своего времени. Написал более 40 книг, около 450 статей, оказал влияние на развитие европейской философии персонализма. В России его книги стали доступны только в конце XX в., после падения советского строя.

Запрет на Бердяева в СССР, конечно, был результатом его критической позиции по отношению к революции в России. И хотя сам себя он считал патриотом Отечества, искренне переживал за Россию в годы Великой Отечественной войны и хотел вернуться в СССР, тем не менее, его политические взгляды и трактовка исторических событий в России начала XX в., сделали бы его мучеником сталинского режима. Мир, возможно, не увидел бы его книг, его наследие было бы уничтожено в «жерновах» репрессивного аппарата Советского Союза. Поэтому, наверное, Бог и сохранил его.

О революции Николай Александрович писал достаточно неоднозначно. Бердяев считал, что никакой революции в России *«не было»*. Монархический строй в России «разложился», «сгнил». Падение монархии он сравнивал с падением гнилого яблока с дерева. Разложение, уничтожение российской государственности было, по его мнению, результатом распространения идей нигилизма, атеизма, материализма, анархических взглядов среди русского народа, начиная с аристократии и кончая низами общества: «В России никакой революции не было. Старая власть, старая монархия *не была* у нас свергнута революцией, она сгнила, разложилась и бесславно пала, как падает гнилое яблоко с дерева. Но яд от гниения старой России остался внутри народного организма и продолжает разлагать жизнь русского народа. Вот эти процессы гниения старой России и принимают у нас за “развитие и углубление революции”. То, что у нас называют “революцией”, есть сплошная дезорганизация

и разложение, смерть государства, нации, культуры. Старая власть пала без борьбы и сопротивления, победа далась слишком легко. А много злобы накопилось в прошлом, от старого рабства и старого унижения. И начали искать объекта для этой неразрешенной злобы. Объективация злобных чувств создала контрреволюционную “буржуазию”. Массы народные отравили нечеловеческой злобной ненавистью к “буржуазии”, понятой в очень расширенном смысле, как все культурное общество. Сама же “буржуазия” обнаружила неорганизованность, пассивность и уступчивость, невиданные в истории. Русская революция оказалась опытом последовательного применения к жизни русского нигилизма, атеизма и материализма, огромным экспериментом, основанным на отрицании всех абсолютных духовных начал в личной и общественной жизни. Интеллигентский яд отравил и народную душу, вытравил из нее живого Бога. Большевики – последние русские нигилисты, в них нигилизм интеллигентский соединился с нигилизмом народным. Источники всех наших несчастий нужно искать в соединении нигилистических идей интеллигенции с народной тьмой» [2. С. 18]

Таким образом, Бердяев в своих трудах сформулировал своеобразную «технологию разрушения государственности». Действительно, *падение нравственности* в человеческом обществе предшествует разрушению государственности, о чем свидетельствует история падения крупных империй. Нравственность же *без истинной духовной основы* не может обеспечить устойчивого состояния человеческого общества. Партикулярная этическая система, или идеологически-детерминированная форма нравственности, поддерживаемая репрессивным, силовым аппаратом государства недолговечна. Об этом свидетельствует опыт разных диктатур. Только *связь нравственности и духовной культуры (подлинной христианской духовности)* способна обеспечить политическое «долголетие» государству.

Бердяев не боится ставить важнейший вопрос: *почему же Российская империя – православное государство, тем не менее, не устояло, подверглось деструкции, демонтажу?* Отвечая на него, Николай Александрович обрушивается с резкой критикой на Русскую Православную Церковь и церковно-государственные отношения. По оценке мыслителя, вместо подлинного

принципа *симфонии властей* (Юстиниана и Патриарха Фотия¹) в России утвердилась лишь пародия на него – цезарепапизм: «Но позволительно задать вопрос, были ли подлинно христианскими старые общества и государства, именовавшие себя христианскими, не был ли христианский характер этих обществ и государств лишь условно-знаковым и риторическим, прикрывавшим реальности, в которых не было почти ничего христианского? Сколько неправды освящали христиане в истории – рабство и крепостное право, деспотическую власть, капитализм с эксплуатацией человека человеком, обскурантизм, отрицание знания и творчества культуры. Христиане не должны были бы допускать, чтобы безбожники осуществляли социальную правду. И был лишь один способ не допускать этого: самим осуществлять эту социальную правду, самим осуществлять ее без злобы и мести, без низвержения всех ценностей духа. Христиане не пробовали этого делать и теперь расплачиваются за это. В Испании расплачиваются христиане за прошлое католичества, в России расплачиваются за прошлое православия. Это не оправдывает и не освящает тех, которые становятся мстителями и палачами, но это лишает права судить с высоты своей правды тех христиан, которые виноваты в том, что создали мстителей и палачей. В Мексике 65% земли принадлежало католической церкви, протестантизм же являлся в образе американского капитализма. Вопрос о христианской истине был затемнен. Перед лицом происходящего христианам подобает не только судить и осуждать, но прежде всего, каяться, признать свою вину и грехи» [3. С. 51, 57].

И далее он продолжает: «У нас в России в эпоху революции ложь старого союза церкви и государства достигла размеров нестерпимых для совести. Наша революция – мирская, вне-религиозная и во многом антирелигиозная, но она потрясает до самых основ старую ложь монархического государства и изобличает незаконную связь христианской церкви с языческим государством, обнаруживает всю несовместимость закона Христова, который не от мира

¹ Под «симфонией» в действительности подразумевалась такая система отношений духовной и светской власти, при которой у каждой из них есть своя сфера компетенции, и ни одна не должна претендовать на сферу компетенции другой. При этом вместе, в сотрудничестве, они должны обеспечить создание всех условий для спасения наибольшего числа людей.

сего, с законом насилия, который от мира сего. Подчиняясь освобождающему напору революции, церковь должна поставить вопрос о христианском обществе, а само мирское освободительное движение ставит вопрос о свободной церкви... *Власть, по-прежнему, прикрывается религиозной санкцией, хотя не только не выполняет религиозного призвания, но прямо идет против Заветов Божьих*; власть лицемерно делает вид, что поддерживает веру, что охраняет церковь, хотя церковь всего менее нуждается в такой поддержке, так как сказано, что «врата адовы не одолеют ее». Общество наше атеистично, давно отпало от веры Христовой, но выдает себя за православное. Христианство не было настоящим образом принято миром, принятие это слишком часто бывало словесным и потому уже не могло быть подлинно христианской власти в мире. Само правительство не имеет ничего общего с Христом, исповедует религию как государственную условность и полезность. Сама церковная иерархия явно отступила от Христа, иерархический принцип, принцип человеческого властолюбия поставила выше Бога и закона Его. Епископы по духу своему ничем не отличаются от губернаторов и директоров департаментов. Давно уже царство перестало подчиняться духовному авторитету священства и направляться религиозным вдохновением пророчества. Священство подчинилось царству, а пророчество иссякло совершенно. В официальной церкви прекратилась творческая жизнь, она как бы не хочет исполнять обетовании» [3. С. 58].

Критики Бердяева не избежал и орган высшего церковного управления: «Синод, именующийся святейшим, *оправдывает все, что совершает власть во имя свое, и осуждает все, что для власти неудобно*. Всякий социальный строй, всякая власть сопровождалась благословением и освящением со стороны церковной иерархии. Освящали рабство и крепостное право, деспотическую власть, собственность, основанную на выжимании пота и крови людей. И этот <...> конформизм оправдывали смирением. Смирение и было понято, как конформизм, как покорность злу. Это и вызывает бурную реакцию против христианства, создает тяжелые ассоциации у угнетенных, страдающих от несправедливого социального строя» [3. С. 58].

Анализируя отечественную историю, можно увидеть, что процессы разрушения российского государства отчасти были заложены в «петровские»

времена. С момента отмены императором Петром I патриаршества на Руси, нарушился канонический уклад церковной жизни в России. Грубое нарушение 34-го Апостольского правила об управлении Поместной Церковью «первым среди равных», то есть *Предстоятелем*, привело к постепенному подчинению Церкви государству настолько, что ни одно существенное решение руководства Церкви – Святейшего Синода не могло быть проведено без одобрения императора. С императором согласовывались все кандидатуры на епископские кафедры. Таким образом, Церковь была не свободна в своей внутренней жизни. Это касалось и кадровых, и управленческих решений; материальная база, имущество Православной Церкви также было практически под полным контролем государства.

Такая жесткая политика государства в отношении Церкви не позволяла Ей существенно влиять на общественную жизнь в Российской империи, особенно на аристократию. В отсутствии Предстоятеля некому было, подобно святителю Иоанну Златоусту, или митрополиту Филиппу (Колычеву) возвысить голос с обличением неправильного с христианской точки зрения жизненного уклада аристократии, дворянства и самой царской фамилии. Император, по сути, управлял Церковью. Постепенная секуляризация государства и общества из-под духовного водительства Церкви, а затем и обмирщение народа привели к упадку нравственности во всех слоях российского общества. «Заложником» этой ситуации стал последний российский Император – Николай Александрович, когда нарушив военную присягу в условиях войны с Германией, совершив *грех клятвопреступления*, военачальники – генералы предали своего главнокомандующего и принудили его к отречению от власти.

Н.А. Бердяев видел необходимость *изменения всего строя церковной жизни и реформирования церковно-государственных взаимоотношений*: «Революции бывают переменной одежд, а не существенным изменением людей. Чтобы произошло и реальное улучшение и самих людей и отношений между людьми, а не только внешних социальных форм, нужно соединение революции социальной с революцией духовной, которая всегда глубже социальной. Нужно, чтобы духовная революция признала необходимость со-

циального переворота, а не оставалась равнодушной к социальным формам, и чтобы социальная революция признала необходимость духовного переворота, защищала духовные ценности. Без соединения духовной и социальной борьбы не может быть достигнута даже относительная полнота человечности» [3. С. 58, 59].

Обновление церковной жизни, подготавливалось еще в дореволюционные годы. Епископат, российская церковная интеллигенция понимала необходимость восстановления патриаршества и, таким образом, восстановления канонического устройства церковной жизни. Приход советской власти вновь подчинил церковную жизнь жесткому государственному контролю, и более того – *поставил само бытие Церкви под угрозу*. Лишь совсем недавно, в к. XX – н. XXI вв. началось постепенное восстановление церковной жизни, появились зримые плоды восстановления патриаршества.

Предвидя трагические последствия революции для русского народа, Бердяев – в эмиграции увлеченный читатель произведений Жозефа де Местра² – как бы вторил своему знаменитому предшественнику и развивал его основные идеи: «Конец всех революций бывает печальным. Революции *не знают благодарности и благородства, они пожирают и истребляют своих сынов, своих излюбленных деятелей, они создают не то, что хотели и во имя чего приносили страшные жертвы...*», – размышляет Н. А. Бердяев, и далее развивает свою мысль: «... это не значит, что революции не имеют смысла и не имеют никаких положительных результатов. Они призывают к активной жизни огромные слои народа, раньше угнетенные. Судьба революций говорит не об отсутствии в них всякого смысла, а о греховности человеческой природы, об искажении человеком всякой правды, о непобедимости человеческих страстей, о необходимости конца этого падшего мира, чтобы осуществилось

² Н.А. Бердяев обращался к де Местру в работах «Философия неравенства» (1918 г.) и «Новое Средневековье» (1921 г.) и оставил о нем отзыв как о глубоком мыслителе религиозно-мистического направления [4]. Наибольшую известность Жозефу де Местру принесла его книга «Рассуждения о Франции» [6], посвященная детальному анализу происхождения Французской революции 1789 г и ее закономерностей. Де Местр одним из первых открыл закон «колеса террора», повергающего одно за другим – несколько поколений революционеров, и заговорил о несоответствии первоначальных замыслов революционеров – результатам их деятельности, подчиненной логике террора.

Царство Божье и правда Его. Социалистическое общество, вероятно, будет так же плохо, как плохи были все осуществления в истории, как плоха всякая объективация духа в истории.

Социализм, наверное, станет консервативной силой, против которой придется вести революционную борьбу» [3. С. 61].

«Пророчества» Николая Александровича Бердяева о судьбе русской революции сбылись, но лишь отчасти – социализм в Советском Союзе постепенно обрел статические черты и стал «консервативной силой», однако пережил падение без «революционного штурма». Когда в сознании партийной номенклатуры, высших партийных советских чиновников возобладал культ материальных ценностей, произошел демонтаж советской государственной системы... руками самих же партаппаратчиков.

История повторяется, когда ее уроки не усваивают последующие поколения. И только Церковь Христова как столп и утверждение истины сохраняется в веках, ибо это явление не столько земного порядка, сколько небесного.

Список источников и литературы

1. Бердяев Н. А. Философия свободного духа. М.: «Республика», 1994 г.
2. Бердяев. Н. А. Духовные основы русской революции. АСТ Москва: Хранитель, 2006.
3. Бердяев Н.А. Христианство и революция. Журнал «Новый Град» №12. Париж, 1937 г. // URL http://odinblago.ru/noviy_grad/12/3/ (дата обращения: 12.11.18).
4. Бердяев Н.А. Бердяев Н.А. Жозеф де Местр и масонство. // Путь: Париж, 1926, № 4; Путь, орган русской религиозной мысли под редакцией Н.А. Бердяева. Издание Религиозно-философской академии (репринт). Книга I (1 – 4). М., 1992.
5. Каноны или книга правил. Братство в честь Святого Архистратига Михаила, Минск, 2016.
6. Местр Ж. де. Рассуждения о революции во Франции. М., 1997.

7. Цыпин Владислав, прот. История Русской Православной Церкви Синодальный и новейший периоды / 2-е изд., перераб. М.: Изд. Сретенского монастыря, 2006.

Hieromonach Simeon (Minakov)

Father Superior of Saint Innokentii,

Moscow Metropolitan Temple in Zvesdnyi settlement,

Lecturer of Perm Religious Seminary, PhD (Culture Studies)

**INTERPRETATION OF XX CENTURY REVOLUTIONARY EVENTS
IN N.A. BERDIAEV'S WORKS AND HIS LIFE
AS A RELIGIOUS PHILOSOPHICAL MISSION**

Abstract. The paper looks at the conceptual analysis of the Russian revolution events in the works of N.A. Berdyaev, an outstanding philosopher. The author describes the evolution of philosopher's political views from his interest towards Marxism at his adolescence to his critical re-evaluation of the left radicalism, as well as the succession of some basic elements of European conservative classics (in the works of Joseph de Maistre) and ideas of N.A. Berdyaev. The main message of the research is the connection of the revolution and religious condition of the society, and the political system is only strengthened by true Christian religious culture.

Key words: Russian revolution, philosophical heritage of N.A. Berdyaev, Church in synodical system, crisis phenomena in the relations of Church and State, Christian spirituality.

Николай Андреевич Попов

*учащийся подготовительного курса
пастырского отделения очной формы обучения
Пермской Духовной семинарии*

*научный руководитель –
Проректор Пермской Духовной семинарии
по научной работе –
д.ф.н., к.и.н. Мария Игоревна Дегтярева*

**АРХИВНО-СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЛО СВЯЩЕННИКА ВАСИЛИЯ
МЕЛЬНИКОВА И ДИАКОНА НИКИФОРА БРАГИНА (1929 – 30 ГГ.):
МЕТОДЫ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО И СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА
ПРИ «ТЕСТИРОВАНИИ» ДОКУМЕНТОВ НА ДОСТОВЕРНОСТЬ**

Аннотация: В статье рассматривается архивно-следственное дело по обвинению двоих священнослужителей Пермской епархии. Автор применяет методы филологического и сравнительного анализа документов для выявления в материалах следствия возможных фальсификаций и подтверждает обоснованность реабилитации осужденных.

Ключевые слова: Репрессии в отношении Церкви, церковь села Комарово Кунгурского округа, исповеднический подвиг священнослужителей.

Тема, связанная с репрессивной политикой советского государства в XX в., остается актуальной по сей день. Одним из ее главных направлений является изучение репрессий против Русской Православной Церкви, в том числе – «большого террора» 1937 – 38 гг.

Среди наиболее значительных работ этого направления можно назвать книги: А. Беглова «В поисках “безгрешных” катакомб», посвященную репрессиям 20-х – 30-х гг. и созданию церковного «подполья» [1]; М. В. Шка-

ровского «Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве» [2]; коллективную монографию «Сталинизм в советской провинции 1937 – 1938 гг.» [3]. Для нашего региона по значимости особенно стоит отметить вошедшую в последнюю из упомянутых книг статью М.Г. Нечаева и С.В. Уткина «Исполнение приказа № 00447 в среде православных Пермской епархии». Кроме того, можно назвать статью М.И. Дегтяревой и Н.Е. Дегтяревой «Оглядываясь на тридцать седьмой»: следственные дела священников, пострадавших в Перми в год «большого террора» [4].

В Пермской Духовной семинарии уже не первый год проводится исследовательская работа по делам священнослужителей, пострадавших в 20-е и 30-е гг. прошлого века с использованием архивных документов Пермского государственного архива социально-политической истории (ПермГАСПИ).

Материалом для нашего исследования послужило коллективное дело 1929 г. по обвинению Священника Василия Мельникова и диакона Никифора Антоновича Брагина [5].

1929 г. – год так называемого «большого перелома», когда сталинским руководством был взят курс на тотальную коллективизацию, стал отметкой, с которой возобновились процессы против представителей духовного сословия, и началось массовое закрытие церквей под предлогом борьбы с противниками «сплошной коллективизации». Основанием для обвинения священников в «сопротивлении политике партии», как правило, служило совершение службы в храме в будни и в праздничные дни, что, по оценкам руководства, «нарушало график рабочего дня колхозников». Нередко это мог быть и отказ или неспособность священников участвовать в колхозных работах, связанных с тяжелым физическим трудом. Одновременно в СССР активизировалась работа атеистических организаций под руководством главного идеолога так называемых «пятилеток безбожия» – Емельяна Ярославского. В ходе «пятилеток безбожия», которые соответствовали «пятилеткам» в экономике, планировалось полностью уничтожить религию в СССР.

Выбранное нами дело относится как раз к этому периоду.

Дело по обвинению священнослужителей было заведено с момента обращения местного сельсовета в ОГПУ по поводу «демонстрации», якобы

«организованной дьяконом Брагиным и священником Мельниковым». По утверждению сельсовета, священник Мельников и диакон Брагин «организовали демонстрацию в составе 200 человек», участники которой ворвались в сельсовет и требовали немедленно освободить «служителей культа» от работ. Итак, *инициатором* дела выступил *сельсовет*, пытавшийся, как следует из материалов дела, в принудительном порядке обязать священнослужителей к выполнению *производственной нормы по лесозаготовкам*.

Наше исследование состояло из двух частей: из работы с архивным источником (графологического и филологического изучения самого документа) и последующего анализа полученных данных.

В материалах следствия содержатся данные биографического характера. Благодаря анкетной части, мы можем получить представление о том, что Мельников Василий Павлович родился 2 апреля 1981 г. в с. Юго-Осокино (в наше время Калинино, Кунгурского округа. По социальному происхождению был из духовной семьи. Русский. Проживал в селе Комарова Кунгурского округа, до ареста был священником в местной Христорождественской церкви. Он окончил Пермскую Духовную семинарию. Из родственников в деле указаны его супруга Мельникова Зоя Николаевна (47 лет) и двое детей: Мельников Дмитрий Васильевич (12 лет) и Мельникова Юлия Васильевна (6 лет).

Фотография священника Василия Мельникова из архивно-следственного дела 1929–30 гг.
(ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 7768.)

В материалах того же дела содержатся сведения о том, что диакон Никифор Брагин родился в 1874 г. в Вятской губернии. Проживал в селе Комарово Кунгурского округа. До ареста служил дьяконом в местной церкви Рождества Христова. Из членов его семьи в деле указана жена – Брагина Анна Андреевна (55 лет).

Фотография диакона Никифора Брагина из архивно-следственного дела 1929–30 гг.
(ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1.Д. 7768.)

В качестве приложения к заявлению сельсовета прилагались выдержки из проповеди отца Василия: «...времена сейчас настали не легкие и мы должны твердо верить не отступаться ни на шаг, *должны соблюдать нашу христианскую веру*, вы дорогие братья и сестры почитайте Евангелие, и там об этом говорить, вера это есть отечество крестьянской веры. Вспомните как мученики шли на пытки, мучительства, точно так же и вы должны идти на такие же пытки, мучительства, вас будут казнить, посылать в тюрьма, но вы не должны отрекаться от своей веры. Будет то время, когда придет на Землю Господь и Бог наш Иисус Христос, и наступит то время, которые сейчас верят в Бога и исповедуют свою веру, те попадут в рай и будут жить на небесах, а те, которые не верят в Бога, те попадут в ад вечный, о чем вы читаете в Евангелии. Советская власть и Советское правительство послало нас на лесозаготовки, для того чтобы отнять у нас веру и отвратить народ от религии и отвратить его от хри-

стианской веры и поэтому обращаюсь снова к вам, братья и сестры, стойте за нас, за веру христианскую, за Отечество» [5. Л. 2 – об.].

По делу обвиняемых допрашивали местных крестьян, которые знали и были знакомы со священнослужителями. Также допрашивали и прихожан церкви, допрашивали мужчин возраста от 27 – 50 лет, также в малом количестве были допрошены женщины около 40 лет (прихожанки Христорождественской церкви). В общем количестве было допрошено около 10 – 15 свидетелей. Обращает на себя внимание то, что несколько свидетели допрашивались повторно. Например, в одном случае при первом допросе свидетель говорил следующее: *«от Священника Мельникова разговоров против Советской власти не слышал»* [5. Л. 71], а следующем допросе показал уже совсем другое: *«Мельников с «друзьями», как только сойдутся, всегда выражает недовольство Советской властью, налогами, вообще к Советской власти Мельников относится враждебно. Каждый раз, как читает, проповедь, всегда «выпучивает» вопрос, что сейчас идет гонение на религию, жить тужно»* [5. Л. 73].

Ознакомление с анкетными данными упомянутого свидетеля обнаруживает тот факт, что у него в семье было 7 детей. Таким образом, мы можем предположить, что повторные показания могли быть получены следствием под угрозами с применением шантажа.

При анализе документов трудно не заметить яркие стилистические особенности. Например, если верить протоколам допросов свидетелей, священник при обращении к пастве использовал слово «граждане». Не менее колоритной выглядит и такая самоидентификация, зафиксированная в материалах дела: *«нам, служителям религиозного культа»* [5. Л. 27]. Конечно, такого рода обороты трудно представить себе в устах священника, особенно в комбинации с личным и вполне церковным обращением: *«Возлюбленные ...граждане»*.

Благо, в документах следствия фигурирует и сделанная кем-то запись проповеди отца Василия, по-видимому, дословная или близкая к оригинальной. Просматривая этот текст, мы видим, что священник (вполне ожидаемо) обращается к прихожанам: *«Братья и сестры»*.

Все эти характерные речевые обороты, скорее всего, не имеют никакого отношения к подследственному, а являются перефразировкой его слов либо

свидетелями, либо самими сотрудниками ОГПУ. Вполне очевидно: эти устойчивые выражения (лексемы) характерны для речевого запаса людей, впитавших особенности стиля советской прессы и далеких от Церкви. Судя по всему, составители протоколов даже не отдавали себе отчет в том, насколько смешны эти слова «в устах» священника.

К слову стоит отметить: содержание упомянутой проповеди носит духовный, а отнюдь не политический характер. Отец Василий призывал свою паству сохранять веру в условиях испытаний.

По существу дела один свидетель показал, что «в алтаре староста Ваганов предложил немедленно собрать верующих, чтобы немедленно собрать собрание верующих, чтобы не допустить мобилизацию священнослужителей на лесозаготовки. От имени церковного совета написано заявление на разрешение собрать собрание, которое сельсовет не разрешил. Собрали подписной лист»[5. Л. 71].

В деле, действительно, присутствует подписной лист со 177 подписями [5. Л. 17 – об; 18 – об.]. При этом совершенно очевидна несообразность: те свидетели, которые подписали лист об освобождении священнослужителей, впоследствии и дали показания против священника и диакона. Это также свидетельствует в пользу того, что их показания были получены ОГПУ под нажимом.

Подлинную обстановку составления этого коллективного обращения передают показания одной из свидетельниц: «...священник обратился к нам, простите меня грешного, завтра меня могут отправить на лесозаготовки, может больше и не увидимся, здоровье у меня слабое может и не вынесу, начали многие плакать, я тоже начала плакать и вышла из храма, на улице я увидела старосту, который собирал людей, чтобы идти в сельсовет и просить, чтобы священника избавили от работ» [5. Л. 33].

После так называемой «демонстрации» вышло постановление ОГПУ об избрании меры пресечения Мельникову и Брагину, предписывавшее их содержание под стражей при Кунурском Исправдоме.

На основании показаний свидетелей священника и диакона также подвергли допросу. Тогда диакон отец Никифор заявил следующее: «Не знаю за-

чем за нами в сельсовет пошло 400 человек. Очевидно, что нас назначают на лесозаготовки. Пошли просить за нас. В сельсовет(е нам) объявили за(о) задолженности налога, и мы ушли домой» [5. Л. 67].

Из показаний диакона следует, что священнослужители не собирались устраивать никакой политической акции. Судя по приведенным отрывкам, собрание в их поддержку возникло спонтанно, в силу сочувствия к ним людей, и никто из подписывавших обращение и собравшихся у сельсовета *не рассматривал эти действия в политическом ключе*. Одновременно стоит отметить, что о *задолженности по налогам* батюшка и диакон были проинформированы только в сельсовете.

Но «для надежности» следствие нуждалось в *политическом «обрамлении»* инициированного процесса. Для того, чтобы заступничество прихожан приобрело характер «политической акции», сотрудники ОГПУ стали разыскивать факты, компрометирующие отца Василия. Поскольку *никаких признаков политической агитации против советской власти* с его стороны им обнаружить не удалось, они решили употребить в ход показания одного из свидетелей о прошлом священника. Тот сообщил, будто: «священник <...> рассказывал, что в 1919 году, эвакуировался с белыми войсками в Сибирь, доезжал до Иркутска, там жил порядочное время, служил каким-то секретарем ГПУ, еще смеялся: в Сибири и попы пригодились, возили меня, говорит, как хорошего комиссара. Впоследствии был арестован» [5. Л. 48].

Сам отец Василий не отрицал самого факта ухода в период Гражданской войны с белыми частями: «в 1918, отступал с белыми до Иркутска, жил в Иркутске 2 года. Служил в рабкрине¹ канцеляристом, счетоводом служил в Губпродкоме². 1923 года вернулся домой. В Иркутске арестовали Губ ЧК по подозрению в активной деятельности партии меньшевиков, позже обвинялся в руководстве группировкой христианской молодежи. Сидел 3 месяца» [5. Л. 65].

И вот этого-то оказалось вполне довольно. Для органов государственной безопасности участие в Белом движении, независимо от степени активности

¹ Рабкрин – рабоче-крестьянская инспекция

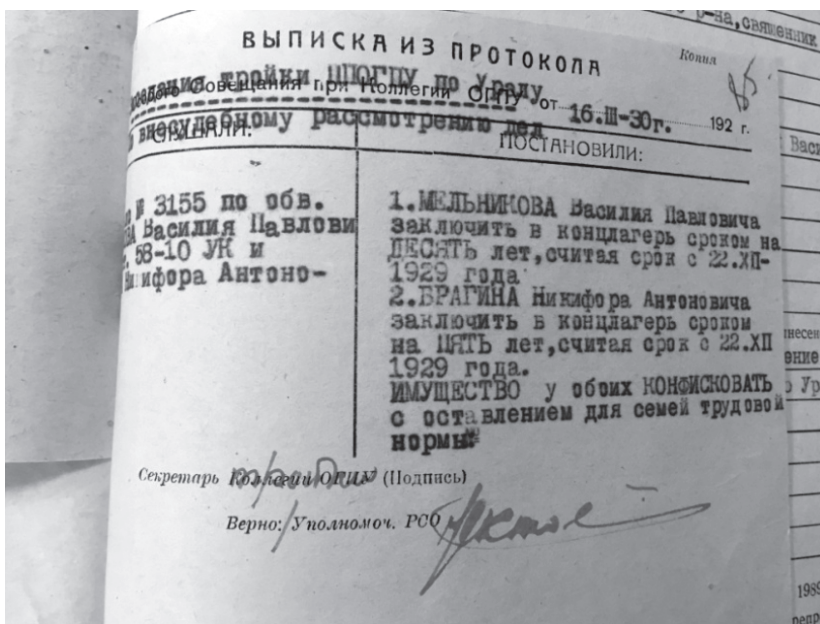
² Губпродком – Губернский продовольственный комитет

(а очевидно, что священник по роду службы не мог быть участником боевых действий), не имело срока давности. Это и был тот самый «компромат», столь необходимый следствию для придания делу «политической» огранки.

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ по данному делу гласит: «Мельников Василий Павлович, 48 лет, беспартийный, зав. Юго-Осокино, б. Кунгурского округа, образование – Пермская Духовная семинария, священник Комаровской церкви, б. Кунгурского округа, лишен права голоса, ранее с сего слов, подвергался аресту за причастие к группе меньшевиков и за организацию группы «христианской молодежи» ОБВИНЯЕТСЯ ПО 58 п.10 ч. 2 УК.

Брагин Никифор Антонович, 55 лет, беспартийный, Вятской губернии Мамадешского у. Мало-Рощинской волости, дер. Верхняя, образование – начальная школа, лишен права голоса, не судим. ОБВИНЯЕТСЯ по 58 п.10 ч. 2 УК.

Допрошенные обвиняемые в *антисоветской агитации и призыве населения к неподчинению Советской власти* вину свою НЕ ПРИЗНАЛИ» [5. Л. 81, 82].

Выписка из протокола «тройки» ОГПУ от 16.03.30.
(ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1.Д. 7768.)

В документах следствия содержится и выписка из протокола. Приведем ее текст:

«ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА

Заседания тройки ППОГПУ по УРАЛУ 16.Ш-30г.

По внесудебному рассмотрению дел

Постановили:

1. МЕЛЬНИКОВА Василия Павловича Заключить В концлагерь сроком на ДЕСЯТЬ лет, считая срок с 22.12.1929 года.

2. Брагина Никифора Антоновича заключить в концлагерь сроком на ПЯТЬ лет, считая срок с 22.12.1929 года.

ИМУЩЕСТВО у обоих КОНФИСКОВАТЬ с оставлением для семей трудовой нормы» [5. Л. 85].

Как видим, *непризнание вины* обвиняемыми и очевидная *слабость доказательной базы* не имели никакого значения для вынесения достаточно строгого приговора в отношении обоих подследственных. Священник был представлен в качестве бывшего «белогвардейца», что и рассматривалось автоматически как «доказательство» его политической «неблагонадежности».

В этой истории лишь время расставило все по своим местам. Справедливость восторжествовала через шестьдесят лет. 16 января 1989 г. вышло заключение о реабилитации священника Василия Мельникова и диакона Никифора Брагина. В ходе пересмотра дела оба они были признаны невиновными согласно статье 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30-40-х и начала 50 годов» [5. Л. 86, 87].

Рассмотренное нами дело раскрывает «механизм» построения «плановых» дел периода 1929 – 1933 гг., на которых уже отрабатывались методики, которые будут активно использоваться в период «большого террора».

Список источников и литературы

1. Беглов А. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. – М.: АРЕФА, 2008.
2. Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 2005.
3. Сталинизм в советской провинции 1937-1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447. / сост.: Юнге М., Бонвеч Б., Биннер Р. – М.: РОССПЭН, Германский исторический институт в Москве, 2009.
4. Дегтярева М.И., Дегтярева Н.Е. «Оглядываясь на тридцать седьмой»: следственные дела священников, пострадавших в Перми в год «большого террора» // Вестник Пермского Университета. История. 2013., вып. 3 (23).
5. Дело священника Василия Мельникова и диакона Никифора Брагина (1930). ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1.Д. 7768.

Nikolay Andreevich Popov

*a student of preparatory course of pastoral full-time department,
Perm Religious Seminary*

AN ARCHIVED INVESTIGATION CASE OF PRIEST VASILII MELNIKOV AND DEACON NIKIFOR BRAGIN (1929 – 1930): METHODS OF PHILOLOGICAL AND COMPARATIVE ANALYSES AT CHECKING THE DOCUMENT VERACITY

Abstract. The paper examines an archived investigation case in accusing two churchmen of Perm eparchy. The author applies the methods of philological and comparative analyses of the documents to identify possible falsifications in the investigation materials and confirms the vindication justification of the convicted people.

Key words: repressions towards Church, a church in Komarovo settlement in Kungur area, act of bravery in faith by churchmen.

Алексей Александрович Щелканов

*студент 2-го курса
пастырского отделения очной формы обучения
Пермской Духовной семинарии*

*научный руководитель –
проректор Пермской Духовной семинарии
по научной работе,
д.ф.н., к.и.н. М.И. Дегтярева*

**АРХИВНО-СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЛО
СВЯЩЕННИКА ВИКТОРА НОВОЖИЛОВА 1932 Г.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРМГАСПИ)**

Аннотация: В статье проводится анализ материалов архивно-следственного дела священника с. Серьга Сергинского района Пермского округа Виктора Новожилова. Автор выявляет следы возможных фальсификаций в документах следствия и подлинные причины преследования отца Виктора со стороны ОГПУ. Материалы дела свидетельствуют о том, что в середине 1930-х гг. отношение властей к Русской Православной Церкви выстраивались «на инерции» стратегий Гражданской войны; при этом в основе конфликта лежал не социальный и не политический фактор, а несовместимость «новой этики» с непреложным нравственным идеалом Евангелия.

Ключевые слова: Церковно-государственные отношения периода 1930-х гг., репрессивная политика, преследование верующих, исповеднический подвиг священников Русской Православной Церкви.

Тема, связанная с репрессивной политикой государства по отношению к инакомыслящим в СССР, изучается в России уже более тридцати лет. По мере ее разработки в качестве самостоятельного оформилось и направление,

связанное репрессиями против Русской Православной Церкви. Общей характеристике процессов 1930-х гг. в Пермской епархии были посвящены статьи М.Г. Нечаева и С.В. Уткина [1]; М.И. Дегтяревой и Н.Е. Дегтяревой [2].

Представляемое исследование проводилось в рамках проекта по собору и систематизации сведений о репрессированных священниках Пермской епархии в период 20-х – 30-х гг. XX в. В Пермской Духовной семинарии третий год работает историко-архивная группа, в состав которой входят студенты и преподаватели.

В этот раз я работал с материалами следственного дела 1932 г. По нему был заключен в концлагерь сроком на три года священник Виктор Новожилов.

Виктор Михайлович Новожилов родился в 1891 г. в с. Серьга Сергинского района Пермского округа. По социальному происхождению, как следует из анкеты, он был из крестьян – бедняков. По национальности русский. Проживал он в селе Серьга Уралобласти, где до ареста служил священником. Образование он получил домашнее, до 1917 г. служил псаломщиком, до 1918 г. – дьяконом, в 1918 г. выдержал экзамен на священника. Анкетные данные содержат сведения и о составе его семьи: супруга Феозва Алексеевна 1896 г. рождения, дети: сын Геннадий и две дочери Любовь и Валентина [3. Л. 4, 4 – об.; 10, 10 – об.].

Фотография священника Виктора Новожилова
из архивно-следственного дела 1932 г.
(ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 33069. Л. 27)

В 1930 г. отец Виктор был судим по статье 169 УК [3. Л. 2, 2 – об.], однако по суду был оправдан.

Следующее по порядку дело по обвинению священника было заведено на основании рапорта от 5 июня 1932 г. В документе отец Виктор обвиня-

Крестовоздвиженский храм с. Серьга
(современный вид)

ется в «анти-советской агитации», которая «в основном заключалась в том, что он:

1. распространяет среди верующих пороженческие слухи предвещающая скорую гибель Советской власти;
2. доказывает вредность существования колхозов и дает советы воздерживаться от вступления в них;
3. проводит среди крестьян агитацию против увеличения посевных площадей, предлагая им сеять только для себя...» (здесь и ниже с сохранением орфографии источника, А.Щ.) [З. Л. 2, 2 – об].

На основании всего перечисленного было дано распоряжение на его арест. Отец Виктор Новожилов был арестован 9 июня 1932 г. При описи имущества у него было обнаружено 60 пудов хлеба и 9 пудов мяса (последнее было передано потребительским кооперативам) [З. Л. 8].

Обратимся к анализу свидетельских показаний. В этом случае имеет значение не столько фактическая сторона, сколько личности людей, представших в этом качестве перед следствием.

Первого свидетеля допрашивали 9-го июня 1932 г. Он показал: «...я не отрицаю что Новожилов, мне действительно говорил “Надо потерпеть ещё с недельку, тогда дождемся освобождения скоро прогонят насильников с ма-тушки земли православной... Чаша терпения у православных христиан пере-

полнена страна ищет освобождения от этой нечистой насильственной власти самозванцев... Отобрали хлебушко насильственным образом под силой оружия, а теперь голодом всех оставили и еще кричат о семенах, надо быть осторожным, теперь ведь уже хорошего ничего не получишь что много посеешь все равно если будешь увеличивать посев назовут врагом советской власти и раскулачат... Храм Божий обложен непосильным налогом помогите православные выкупить иначе закроют погубят и надругаются над истинно православной христианской церковью» [3. Л. 6, 6 – об.; 7].

Свидетель, как следует из анкеты, в прошлом служил у «белых» (председателем управы при Колчаке). Исходя из этого, можно предположить, что его показания могли быть получены при помощи шантажа и запугивания.

Второго свидетеля подвергли допросу 10 июня 1932 г., после чего в деле появились дополнительные «показания»: «Особенно чего-либо от отца Новожилова я не слыхал за исключением следующих моментов: “трудно жить стало, надо немножко еще потерпеть, скоро власть переменится, тогда жить будет лучше. Народ весь сейчас недоволен этими насильниками, в апреле месяце 32 г. нашей церкви дано налогу 4000 рублей... скоро вот освободят нас всех от этих налогов, Япония объявила войну, так уж долго советская власть не просуществует... хлеб отобрали насильственно, под силой оружия...”» [3. Л. 9, 9 – об].

В этом случае обращает на себя внимание тот факт, что на момент допроса свидетель был личностью заметной и являлся председателем церковного совета. Его показания так же могли быть получены под угрозой расправы.

Третьего свидетеля допрашивали 18 июня 1932 г. По делу он поясняет следующее: «...особенно что либо я не слыхал у Новожилова, только был у нас разговор о колхозе... Он мне говорил: “что вступать в колхоз пока не советую, потому что сам видишь что все в колхозе сголоду подыхают, к лету они все равно все развалятся да кроме того международная обстановка говорит ведь о многом все равно весной советскую власть разобьют...”» [3. Л. 11, 11 – об].

Примечательно, что и в этом случае у следствия были явные «рычаги воздействия». Этот свидетель был судим за уклонение от службы в Красной армии, поскольку в то время он был секретарем церковного совета. Кроме того,

следствие располагало данными о том, что в Белой армии он служил 6 месяцев, от «красных» дезертировал.

Наконец, четвертый свидетель, допрошенный 21 июня 1932 г., давал следующие сведения: «Новожилов говорил... что, кто вступит в колхоз тот окончательно покидает храм Божий, оставляет его на поругание, советовал пока что в него не вступать, потому что в них с голоду все пропадать станут... посеять необходимо только для удовлетворения своей потребности... хлебушко сейчас отобрали силой... хоть как живи, жмут еще на последнее...» [З. Л. 12, 12 – об.].

Из данных анкеты следовало, что этот свидетель был ранее раскулачен... Итак, во всех четырех случаях следствие опиралось на показания людей, «не благонадежных» в глазах власти и мало защищенных в правовом отношении.

Сам священник Виктор Новожилов был подвергнут допросу дважды: 10 и 23 июня 1932 г. Виновным в предъявленных ему обвинениях батюшка себя не признал.

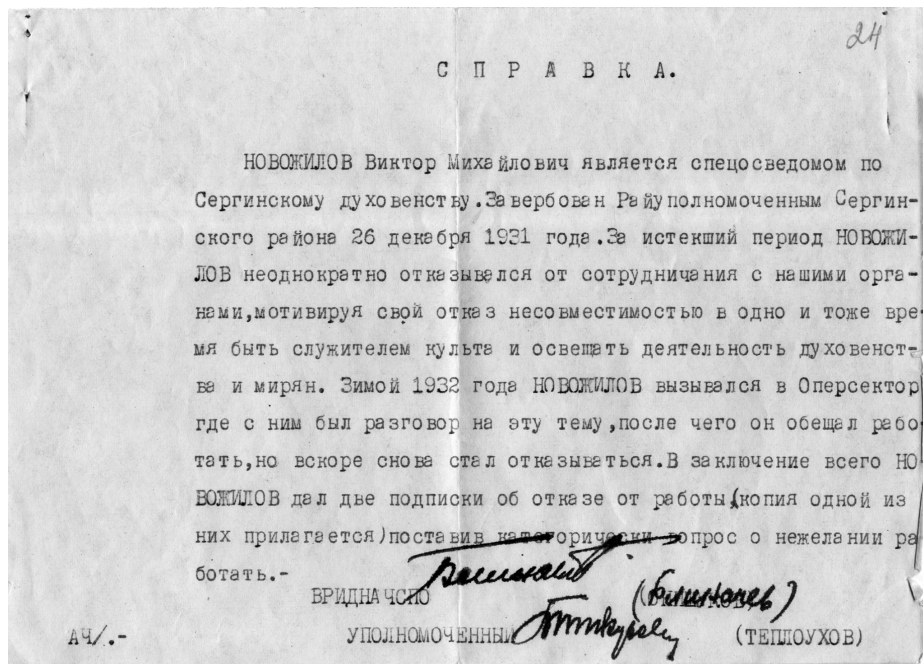
По хлебу и мясу, найденным у него при обыске, отец Виктор дал следующие объяснения: «При обыске у меня обнаружено хлеба 7 пудов не больше, что же касается обнаружения у меня якобы 60 пудов хлеба, то в данном случае я считаю, что произошла какая-нибудь ошибка. Такого количества хлеба я не имел. Что же касается обнаружения у меня 9 пудов мяса, то мясо это не мое, а поставленное ко мне соседом Дружининым Леонидом Александровичем, после того как его раскулачили и отобрали дом с этого времени мясо хранится у меня» [З. Л. 10, 10 – об., 13, 13 – об.].

Но наибольший интерес представляет дополнительный протокол допроса отца Виктора, он-то и раскрывает *подлинные причины* возбуждения преследования со стороны ОГПУ.

Из дополнительного протокола явствует, что священника... склоняли к исполнению функции осведомителя по Дикаринскому делу (суть этого дела не известна). В конце дела приведен ряд чрезвычайно интересных документов. Например, справка с весьма «нелицеприятной» для подследственного характеристикой: «Новожилов Виктор Михайлович является спецосведомом по Сергинскому духовенству. Завербован Райуполномоченным Сергинского рай-

она 26-го декабря 1931 года. За истекший период Новожилов неоднократно отказывался от сотрудничества с нашими органами, мотивируя свой отказ несовместимостью в одно и то же время быть служителем культа и освещать деятельность духовенства и мирян... В заключение всего Новожилов дал две подписки об отказе от работы (копия одной из них прилагается) поставив категорически вопрос о нежелании работать» [3. Л. 24].

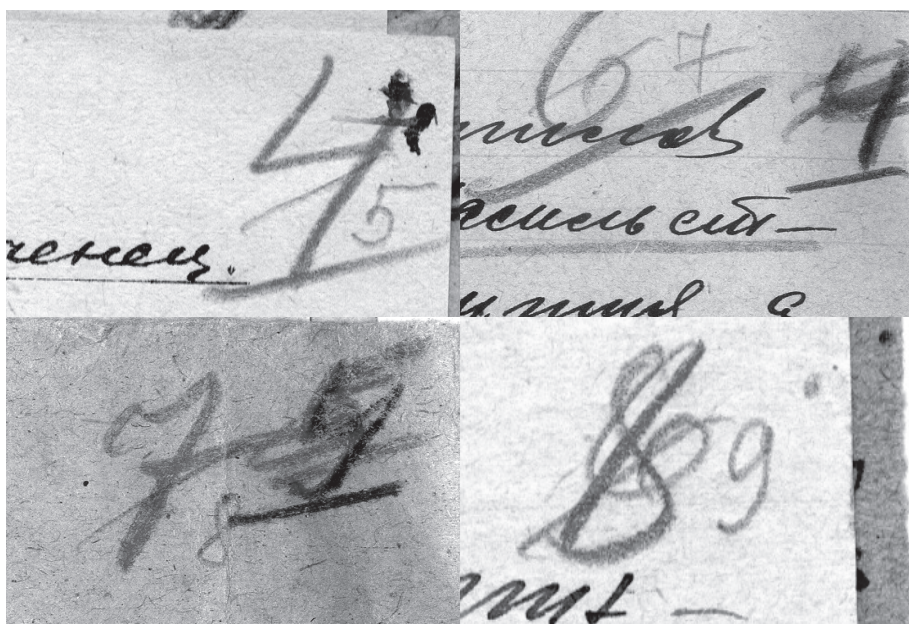
Отказ отца Виктор от «сотрудничества», действительно, подтверждается справкой Уполномоченного от 20-го мая 1932 г. Категорическое нежелание исполнять агентурные поручения отец Виктор аргументировал так: «В силу канонов (правил) церкви, церковь и ее служители категорически должны быть вне всякой политики и не могут принимать на себя гражданских мирских попечений. Правило шестое, так назыв., апостольское определенно говорит: «Епископы и диаконы да не принимают на себя мирских попечений, а иначе да будут извержены от священного сана», а посему, поручения даваемые мне Вами...непосильны и не выполнимы...» [3. Л. 23].

Справка Уполномоченного от 20-го мая 1932 г.
(ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 33069. Л. 23)

Очевидно, что *прямой отказ от работы «осведомом» был для священника формой исповедничества*. Материалы дела свидетельствуют о том, что отец Виктор остался верен Православной Церкви, христианскому и священническому долгу. В то время власть имела большой арсенал средств воздействия на людей. Так и не сумев сломить священника, его поставили в «экономическую» зависимость, бескомпромиссно обложив приход высоким налогом. А через 15 – 16 дней после его решительного отказа «сотрудничать» с органами Советской власти и ОГПУ на него был подан рапорт, с которого и началось делопроизводство. Была выстроена сюжетная фабула, изобличающая его как «скрытого врага советской власти», подобраны свидетели с «сомнительным» с точки зрения властей прошлым.

При анализе документов дела обращает на себя внимание важная деталь – изменение нумерации страниц. Порядковые номера листов исправлялись по несколько раз. Это свидетельствует о большой вероятности того, что дело переписывалось следователями ОГПУ и, возможно, было полностью сфабриковано.

Образцы страниц из дела 1932 г. с многочисленными изменениями порядкового номера
(ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 33069.)

Несмотря на грубые «швы», выдающие «технику построения» дела и *истинные мотивы* «делопроизводителей» ОГПУ, священник Виктор Новожилов был осужден по статье 58/10 УК.

В деле имеется Выписка из протокола заседания Особого Совещания при Коллегии ОГПУ от 7 сентября 1932 г. и постановление: «Новожилова Виктора Михайловича заключить в концлагерь сроком на ТРИ года, считая срок с 9 июня 1932 г. Дело сдать в архив» [3. Л. 18].

19

Выписка из протокола

Особого Совещания при Коллегии ОГПУ от „ 7 “ сентября 1932 г.

СЛУШАЛИ	ПОСТАНОВИЛИ
О. Дело № 127010 по обв.гр. НОВОЖИЛОВА Виктора Михайловича по 58/10 ст.Ук.	НОВОЖИЛОВА Виктора Михайловича заключить в концлагерь сроком на ТРИ года, считая срок с 9/VI-32г. Дело сдать в архив.

Секретарь Коллегии ОГПУ

Гурьянов

Выписка из протокола заседания Особого Совещания при Коллегии ОГПУ
от 7 сентября 1932 г.
(ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 33069. Д. 18)

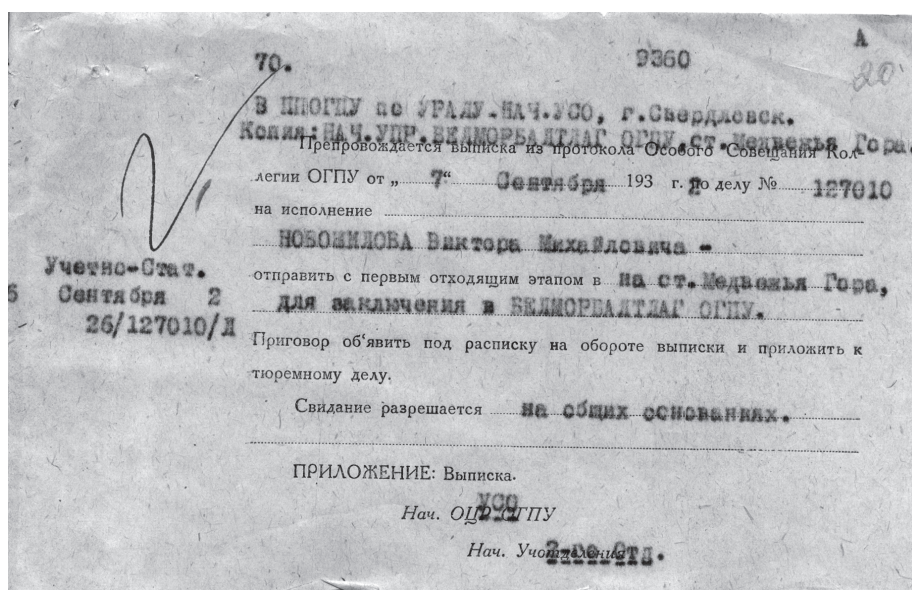
7 сентября 1932 г., как следует из материалов дела, Новожилов Виктор Михайлович был отправлен на ст. Медвежья гора для заключения в БЕЛОМОРЛАГ ОГПУ. Дальнейшая судьба священника нам пока неизвестна.

Отец Виктор Новожилов, по-видимому, не попал в «первую» волну реабилитации середины 50-х гг. Тогда сформированная в 1955 г. комиссия под председательством П.Н. Поспелова сосредоточила внимание в основном на советских руководителях и военных, пострадавших в период сталинского террора.

В деле содержится заключение о реабилитации священника, датированное 14.06.1989 г. [3. Л. 44]. Основанием для этого послужил Указ Президиу-

ма Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов». Только спустя полвека власть признала несправедливость вынесенного прежде приговора.

Рассмотренное дело служит подтверждением того, что и в период 1930-х гг. отношение органов советской власти к Русской Православной Церкви и Ее служителям выстраивалось на «инерционной» стратегии Гражданской войны. При этом основанием для формирования образа «врага» служило не столько социальное происхождение (отец Виктор Новожилов был из крестьян–бедняков, что, казалось бы, должно было обеспечить снисхождение к нему властей в логике ленинской политической теории) и не политизация духовенства (священник совершенно недвусмысленно ссылаясь на *каноны Церкви* и говорил о своей *принципиальной аполитичности*), а острый *мировоззренческий (этический)* конфликт – несовместимость так называемой «новой морали» и *незыблемой в своих основаниях евангельской этики*, утвержденной Словом Нагорной проповеди и свидетельством Самого Иисуса Христа.

Приложение: Выписка о том, что 7 сентября 1932 г. священник Виктор Новожилов был отправлен этапом на ст. Медвежья Гора (ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 33069. Л. 19)

Список источников и литературы

1. Нечаев М.Г., Уткин С.В. Исполнение приказа № 00447 в среде православных Пермской епархии //Сталинизм в советской провинции 1937–1938 гг.: Массовая операция на основе приказа № 00447. / сост. М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер. М., 2009.
2. Дегтярева М.И., Дегтярева Н.Е. «Оглядываясь на тридцать седьмой»: следственные дела священников, пострадавших в Перми в год «большого террора». // ЛОГОС. Научно-богословский вестник Пермской Духовной семинарии. 2017; «Вестник Пермского Университета». История. 2013., вып. 3 (23).
3. ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 33069.

Aleksei Aleksandrovich Shchelkanov

2-year student of pastoral full-time department, Perm Religious Seminary

A 1932 ARCHIVED INVESTIGATION CASE OF PRIEST VIKTOR NOVOZHILOV (BASED ON THE MATERIALS FROM PERM STATE ARCHIVE OF SOCIAL POLITICAL HISTORY)

Abstract. The paper analyzes the materials of an archives investigation case of Viktor Novozhilov, a priest from Serga village in Serginsk region of Perm area. The author identifies the traces of possible falsifications in investigation documents and the true reasons for persecuting father Viktor by the Unified State Political Department. The case materials prove that in the middle of the 1930s the state approach to the Russian Orthodox Church was based on the inertia of the Civil war strategies; and the conflict was driven not by a social and political factors, but rather by the inconsistency of “new ethics” with the incontestable ethical ideal of the New Testament.

Key words: Church-state relations in 1930s, repressive policy, persecution of the faithful, act of bravery in faith by the churchmen of the Russian Orthodox Church.

Мария Игоревна Дегтярева

*проректор Пермской Духовной семинарии
по научной работе,
доктор философских наук,
кандидат исторических наук*

**ИСПОВЕДНИЧЕСКИЙ ПУТЬ
СВЯЩЕННИКА КОНСТАНТИНА ВОРОНЦОВА
(1919 – 1937 гг.)¹**

Аннотация: История священника Константина Воронцова имеет отношение к формированию советской пенитенциарной системы на ранних этапах. В период Гражданской войны он выступал примирителем, по-евангельски, милуя тех, кому грозила опасность. Этапы исповеднического пути священника демонстрируют ужесточение политики советского государства: от приговора к заключению в концлагерь с неопределенным по времени сроком окончания, замененного помилованием в 1919 г., до приговора к «десяти годам ИТЛ», оказавшегося для священника бессрочным в 1937 г.

Ключевые слова: Гражданская война; политика большевиков в отношении Церкви; исповеднический подвиг священника; становление советской пенитенциарной системы, «большой террор».

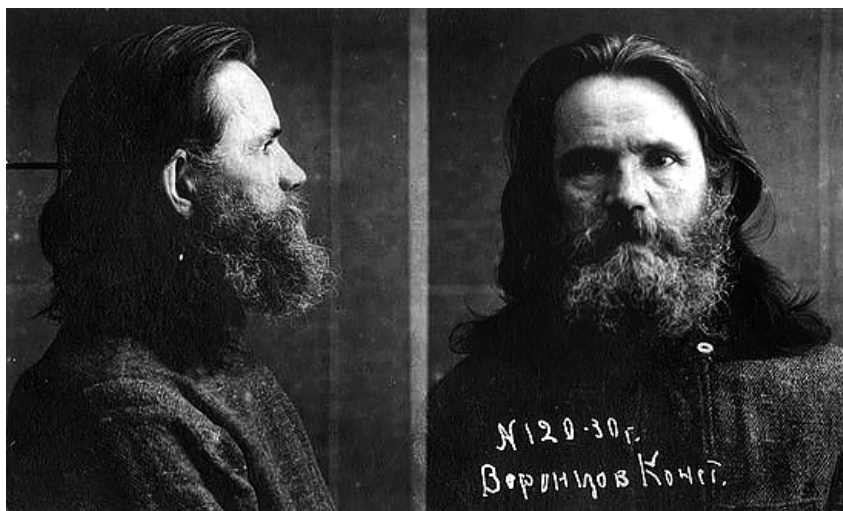
¹ Впервые статья была опубликована в издании, зарегистрированном в системе РИНЦ. Ее выходные данные: Дегтярева М.И. Исповеднический путь священника Константина Воронцова (1919 – 1937 гг.). // Гулаг. Начало : материалы всероссийской науч.-практ. конференции / под ред. Ю.З. Кантор, С.А. Шевырина. – Пермь : Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2017. (В настоящем издании текст приводится с иллюстрациями).

В 2017 г. совпадают две исторические отметки – начало Русской революции и 80-летие «большого террора». Значительным вкладом в развитие темы, связанной с политическими репрессиями, являются работы Р. Конквеста [1], Р. Медведева [2], А. Антонова-Овсеенко [3]; сборник «Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД» [4]; коллективный труд, выпущенный Российской политической энциклопедией [5].

Однако до сих пор относительно малоизученным остается период становления советской пенитенциарной системы в годы революции. Первое прикосновение к этой проблематике было современно трагическим событиям Гражданской войны. На фоне многочисленных воспоминаний русских эмигрантов особенную известность приобрела книга С.П. Мельгунова [6], составленная из разнородных источников. Автор использовал не только данные следственных комиссий, работавших на освобожденных Белой армией территориях, но и газетные публикации, и устные свидетельства о преступлениях большевиков. Среди исследований последних лет заслуживают особого упоминания статьи и монографии М.Г. Нечаева [7], С.С. Балмасова [8], Л.А. Обухова [9], сборники: «Топография террора» [10], выпущенный мемориальным музеем «Пермь-36», и «Красный террор в годы гражданской войны» [11].

По мере развития этой обширной темы в качестве самостоятельного выделилось и направление, связанное с репрессиями против Русской Православной Церкви. По периоду Гражданской войны хотелось бы отметить сборники, изданные Пермской епархией: «Собор Святых, в земле Пермской просиявших» [12] и «Землю Пермскую молитвой освятившие» [13]. В них использован внушительный массив источников из местных и центральных архивов. Однако в фондах пермских архивов нечасто удается обнаружить дела священнослужителей, имеющие отношение к функционированию советской лагерной системы *на ранних этапах ее формирования*.

В этом отношении представляет интерес история священника Константина Воронцова, пережившего несколько «волн» преследований со стороны властей начиная с 1919-го до 1937 г. В Пермском Государственном архиве социальной и политической истории (ПермГАСПИ) сохранились документы по делам, возбужденным против него в разные годы органами ЧК-ОГПУ-НКВД.

Фотография священника Константина Воронцова из архивно-следственного дела 1930 г.
(ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 8031.)

Судьба о. Константина Воронцова оборвалась в 1937 г., когда он был привлечен органами к ответственности как «диверсант» [14. Л. 119 – 120] на «волне», следующей за делом искусственно созданной пермскими «чекистами» организации, которой был присвоен «всесоюзный» статус и название «Общество трудового духовенства» [15]. Обвиняемым инкриминировалось тогда создание «подпольной контрреволюционной фашистской структуры». Центр ее якобы находился в Свердловске и именовался «Уральский повстанческий штаб», а «подразделения» в форме «монархических», «троцкистских», «националистических», «повстанческих», «террористических», «вредительских», «шпионских» и «военизированных» групп – на территории нескольких уральских городов с прилегающими областями, в том числе – Молотовской области. Отец Константин попал под «зачистку» в продолжение этого дела и 13 октября 1937 г. по приговору «тройки» НКВД получил срок – 10 лет ИТЛ. Реабилитирован он был посмертно, после пересмотра приговора по обращению его родственников в 1989 г.

Остановимся более подробно на материалах первого дела отца Константина Воронцова, относящегося к периоду Гражданской войны [16]. Оно служит подтверждением того, что заключение в концлагерь уже вошло в практику наказаний Пермской ГубЧК. В данном случае интересна и событийная

«канва», т.е. «драматургия» этого процесса, и зафиксированный в материалах следствия факт *отсутствия четкой юридической нормы* и ее изобретательной «компенсации» местными «чекистами».

Дело относилось скорее к разряду исключительных уже потому, что оно не получило разрешения «явочным порядком» в духе «комиссародержавия», а обрело некое подобие «юридического сопровождения». Во всяком случае, следователи ЧК постарались выдержать «процедуру»: от заполнения арестованной анкеты и привлечения пятерых свидетелей, двое из которых приходились друг другу родственниками, а один «свидетельствовал заочно» через «посредника» – до вынесения обвинительного заключения.

Арестованный, как следует из анкеты [16. Л. 5], 2 октября 1919 г. священник обвинялся в «контрреволюционной агитации». Анкета содержит и личные данные – о том, что о. Константин, которому было в то время 43 года, родился в г. Перми и был выпускником Пермской Духовной семинарии. Служил он в г. Оханске в новой церкви и имел на содержании семью, состоящую из семи человек².

Мы можем только предполагать, что причиной *документированного* подхода к этому делу со стороны ЧК послужило то обстоятельство, что один из сыновей о. Константина Воронцова оказался на службе в Красной армии. Во время допроса 2 октября священник счел нужным отметить: «...а сына своего 17 летнего я отправил <...> работать через биржу труда в Уездный Кожевенный подотдел в качестве конторщика, а сейчас сын мой находится в Особом Отделе Штаба III армии на пункте № 4 в качестве машиниста» (здесь и ниже с сохранением орфографии источника, М.Д.) [16. Л. 6].

При этом священник не скрыл того, что в 1918 г. он был впервые арестован Советской властью, однако был освобожден «за неимением обвинительных материалов» [16. Л. 6].

Арест 1919 г. был тщательно подготовлен. Сбор обвинительных материалов против о. Константина начался еще в августе. О *социальном составе, политической «прописке» и мотивах* группы свидетелей следует сказать особо. Из материалов дела видно, что основанием для возбуждения пре-

² В графе анкеты «семейное положение» значится: «Сам восьмой».

следования о. Константина Воронцова «чекистами» по политическим мотивам послужил протокол [16. Л. 3], направленный в ГубЧК помощником начальника Оханской уездной Советской милиции, датированный 18 августа 1919 г. В нем содержались показания двоих свидетелей – *старшего советского милиционера* г. Оханска Г.С. Часовникова и жены красноармейца Журавлева. В этом случае обращает на себя внимание не только сам факт «взаимодействия структур», но и то, что в деле о. Константина инициатива исходила от органов *милиции*, не имеющих прямого отношения к политическому сыску.

Если Часовников подтвердил то, что показания с его слов были записаны верно [16. Л. 4 – об.], то подлинность показаний гражданки Журавлевой, служащей в соборе и выразившей жалобы на священника, в виду отсутствия подписи остались на совести составителя протокола... С точки зрения оценки «весомости» показаний с позиции следствия имело значение то, что первый свидетель отметил при заполнении анкеты в ЧК, что является «сочувствующим» (советской власти), а, что касается второй свидетельницы, акцент был сделан на статусе ее мужа и на ее стесненном имущественном положении, при котором эта женщина выглядела «эксплуатируемой» на церковных послушаниях.

По своему примечательны и личности остальных свидетелей. Сестры Сонины Мария Алексеевна и Елена Алексеевна, первая 20 лет, вторая 18 лет, указали во время допросов, что являются *членами Союза комсомольской молодежи* [16. Л. 8 – 9]. При этом старшая из сестер заявила, что она «*пела в церковном хоре*» [16. Л. 8 – об.] и лично слышала «агитационные» проповеди о. Константина. В этом случае достоверность показаний также является сомнительной.

Пятый свидетель оказался из числа заключенных, которых священник посещал в тюрьме при «белых», и был обижен отрезвляющей тональностью пастырского обращения к нему и его союзникам [16. Л. 7].

Что касается фактической стороны дела, она была изложена в обвинительном заключении, составленном от руки с большим количеством ошибок:

«1919 г. Октября 9 дня. Пермская Губернская Чрезвычайная Комиссия, рассмотрев дело № 1542 по обвинению гр. Воронцова Константина Михайловича в агитации против Советской власти, нашла:

Священник гор. Оханска гр. Воронцов Константин Михайлович в то время, когда город Оханск заняли белые, остался там и жил до дня эвакуации белых, когда эвакуировался с ними в г. Пермь и поступил там на должность псаломщика. При допросе он мотивировал свое отступление боязнью (далее, как явствует из контекста, следует читать: «как бы», М.Д.) не заслужить ярлыка сочувствующего Советской власти в глазах отступающих белых, а также и не быть ими арестованным, в Перми же он по его показаниям мог остаться свободно не замеченным.

Но его мотивировка не выдерживает критики потому, что он, выдавая себя за сочувствующего начинаниям Советской власти, почему-то остался с приходом белых на месте своего жительства в г. Оханске и за время пребывания белых проявил себя контр-революционной деятельностью, выразившейся в следующем:

При похоронах убитых белогвардейцев он торжественно возгласил с амвона о том, что эти жертвы получают Царство Небесное и т.д., распространяясь об их дальнейшей участи в сферах туманностей и человеческого непонимал, что вообще присуще отцам духовным, указывая в своей речи и на то, что теперь мы освободились от большевиков и увидели только теперь радостную светлую жизнь.

В заключении проповеди произнес проклятие ненавистным для него большевикам /смотри показания Часовникова и Сосниной/.

Кроме того, при посещении тюрьмы на Пасхальной неделе он и там вел агитацию против большевизма /см. показания Трухина А. ...неразборчиво/

И хотя гр. Воронцов отрицает все эти обвинения, но ничего существенного в свое оправдание дать не мог, распространяясь лишь на допросе с христианских точек зрения, что он не от мира сего и партийность для него есть преступность» (с сохранением орфографии источника, М.Д.) [16. Л. 1 – 1- об.].

В действительности, «авто-комментарий» [16. Л. 5 – 6] подследственного из протокола допроса от 2 октября 1919 г. проясняет его мотивы и позволяет

выделить произвольные интерпретации следователей ЧК. Ни о каком «*сочувствии начинаниям советской власти*» о. Константин Воронцов не говорил, а лишь объяснял свой отъезд в Пермь тем, что вдова арестованного вместе с ним большевиками в 1918 г. и расстрелянного священника Алексеева при «белых» нерассудительно обвинила его в «*сочувствии советской власти*».

Что касается содержания его проповедей и обращений к пастве при «белых», батюшка подчеркивал, что они носили *неполитический характер*: «... говорил я проповедь, но не помню какого это было числа на могиле убитых белогвардейцев но только я говорил в совершенно другом духе Я говорил, чтобы любили друг друга, а по сему скоро кончится война гражданская» [16. Л. 5 – об.].

Произносил ли он действительно «анафему» в адрес красноармейцев, ставших виновниками мученической кончины соотечественников «по другую сторону фронта», мы достоверно не знаем. Важно то, что сам отец Константин напомнил «чекистам» о том, что однажды в присутствии множества людей он не менее ревностно обличал и неоправданные жестокости «белогвардейцев» [16. Л. 16 – об.].

В удостоверение подлинности рассказа о характере своего духовнического служения во время Гражданской войны священник приводил факты. Открыто проявивший попечение об убитых белогвардейцах и служивший по ним панихиды, он в то же время, по-евангельски, навещал в тюрьме на Пасху арестованных большевиков и им сочувствующих. Более того, у него нашли приют семьи и жены расстрелянных коммунистов из Частых и из Верхнего Городища, и он указал имена этих людей [16. Л. 5 – об.].

Следователи ЧК, по-видимому, испытывали опасения. Как будто имея достаточное количество (и качество) «улик», они, тем не менее, не решились вынести по отношению к священнику (по их убеждению, «скрытому врагу советской власти») стандартную для времен Гражданской войны резолюцию «Расстрелять». Вдовы и сироты коммунистов, сын батюшки, попавший под принудительную мобилизацию и оказавшийся делопроизводителем Особого Отдела Штаба III армии, все-таки, оказались достаточно «весомыми факторами» для того, чтобы не задуматься о возможном ответе так же – в

порядке «революционной законности». И тогда «чекисты» определили для о. Константина «компромиссную» меру пресечения, испытывая ситуацию на прочность, – *лагерную изоляцию*.

При этом советское законодательство еще не предполагало ни четкой юридической нормы, ни дифференцированной «сетки» сроков заключения для инакомыслящих, поэтому недостаток конкретных предписаний на этот счет был восполнен в обвинительном заключении в духе «прецедентного права»: «За к/р деятельность заключить Воронцова в *концентрационный лагерь на все время гражданской войны* без привлечения к нему амнистии и с привлечением к принудительным работам» [16. Л. 1 – об.].

Однако дальнейшие события изменили сценарий следователей ГубЧК. За освобождение о. Константина в 1919 г. подали подписи на 7 листах около 400 человек; и в их числе не только прихожане Успенского собора в Оханске, но и коммунисты – те, кого он навещал в тюрьме, и кому не отказал в приюте. Так, член Оханского Уездного Исполкома Трофим Арсеньевич Паньков не побоялся обратиться в ГубЧК с заявлением о том, что «во время белых Константин Воронцов <...> оказывал пострадавшим всяческое содействие, многих даже спас может быть от смерти. Навещал, снабжал продовольствием находившихся в тюрьме» [16. Л. 22], и настоятельно просил «всесторонне выяснить дело Воронцова дабы из-за каких-либо личных счетов не впасть в ошибку» [16. Л. 22 – об.]. Заканчивалось это обращение так: «А если нет серьезных оснований, то просто осмелюсь даже взять такового на поруки» [16. Л. 24].

Движение за освобождение батюшки в Оханске приобрело столь внушительный размах, что вскоре и Начальник Оханской Уездной Советской милиции рапортовал в Губернскую «Чрезвычайку»: «По полученным мною сведениям выясняется, что священник Воронцов арестован по личным счетам и по злости, что удостоверяю подписью и приложением печати...» [16. Л. 23].

Через пару недель о. Константина, действительно, выпустили из Губ Исправдома «на поруки», а через два месяца амнистировали [16. Л. 36].

При этом интересна и одна документальная деталь – ответ в Юридический Отдел Пермской Губернской Чрезвычайной Комиссии *за подписью коменданта Концентрационного лагеря*, сопровождаемый печатью и штампом

ЧК и датированный 21 октября 1919 г.: «На отношение от 20 сего октября за № 1026 сообщаем, что гр. Воронцов Константин Михайлович освобожден из-под ареста» [16. Л. 36].

Ответ в Юридический Отдел Пермской Губернской Чрезвычайной Комиссии за подписью коменданта Концентрационного лагеря, датированный 21 октября 1919 г.:

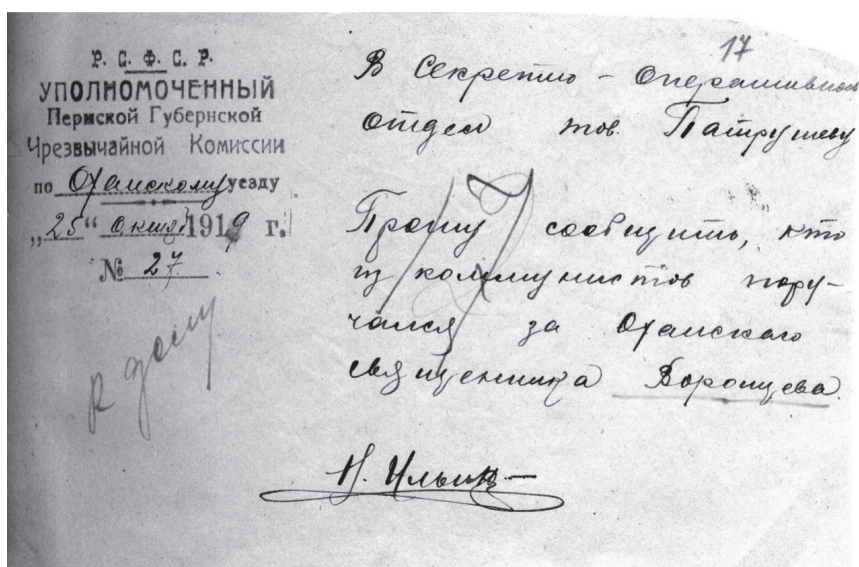
«На отношение Ваше от 20 сего октября № 1026 сообщаем,
что гр. Воронцов Константин Михайлович освобожден из под ареста».
(ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11084. Л. 36).

В последующие годы священнику, все-таки, не удалось избежать репрессий со стороны государства. Избавленный от заключения заступничеством спасенных им ранее людей, в мае 1930 г. он был на основании доносов односельчан (с. Частые) приговорен к 3-м годам заключения [17. Л. 167]. Причиной острого мировоззренческого конфликта, получившего в условиях сталинской коллективизации политическое «обрамление», послужило иное личное устройство священника, напоминавшего людям о непреложных основаниях жизни по заповедям Евангелия. Как следовало из донесений и протоколов допроса «свидетелей», «поп Костя» [17. Л. 56] призывает не ходить на митинги и спектакли, говорит «некоторые слова на словянском и не понятно» [17. Л. 54 – 54 – об.], не благословляет девиц замуж за комсомольцев [17. Л. 64] и

«агитирует против вступления в колхоз» [17. Л. 66]. Поручителей за него в то время уже не нашлось.

Возбужденное в 1937 г. в Кишертском районе дело по сравнению с предыдущими выпадит «лаконичным». О. Константин Воронцов проходит как второй по значимости участник процесса. К нему лично относятся анкета и один протокол допроса. В обвинительном заключении воспроизводятся показания «информаторов» о том, что батюшка якобы «имеет связь с членами повстанческой организации и Уральским повстанческим штабом», готовившими диверсии на значимых объектах, «ведет антисоветские разговоры о неправомерности налоговой политики Соввласти», «присвоил функции ЗАГС» и «с целью срыва полевых работ в колхозе умышленно задерживал верующих колхозников в церкви до 11 часов дня» [14. Л. 119 – 119 – об.].

«Миф» об участии священника в «контрреволюционных и диверсионных группах», как показали расследования 1939 и 1956 гг., был выдержан в русле «сценария», разработанного группой пермских «чекистов» во главе со следователем Мозжериным под руководством начальника УНКВД Дмитриева, осу-

Запрос Уполномоченного Пермской Губернской Чрезвычайной Комиссии по Оханскому уезду в Секретно-оперативный отдел (товарищу Патрушеву) от 25 октября 1919 г.:

«Прошу сообщить, кто из коммунистов поручился за оханского священника Воронцова».

(ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11084. Л.17).

жденных позднее за недопустимые методы ведения следствия в 1937 г. [18. Л. 118 – 119].

В 1990 г. дочь св. Константина Воронцова обратилась в УКГБ по Куйбышевской области, пытаясь прояснить судьбу отца. В заявлении она указывала, что, по словам ее старшей сестры, после ареста о. Константин был направлен на лесоповал в Новосибирскую область, где вскоре умер [14. Л. 148]. В официальном ответе на ее заявление руководство Управления КГБ СССР дало ответ: «...Ваш отец был направлен для отбытия наказания в Осинлаг НКВД, его дальнейшая судьба в материалах дела не отражена. <...> Справку о реабилитации можете получить в Пермской областной прокуратуре» [14. Л. 150] и была указана дата реабилитации – 20 апреля 1989 г.

История священника Константина Воронцова демонстрирует ужесточение политики советского государства по отношению к Русской Православной Церкви и Ее служителям: от приговора к заключению в концлагерь с неопределенным по времени сроком окончания в 1919 г., замененного помилованием, до приговора к «десяти годам ИТЛ» в 1937 г., оказавшегося для священника бессрочным.

Список источников и литературы

1. Conquest R. The Great Terror, 1934-1938. London, 1968.
2. Medvedev R. Let History Judge. The Origins and Consequences of Stalinism. Rev. ed. Oxford, 1989
3. Antonow-Owsejenko A. Stalin. Portrat einer Tyrannei. Munchen, 1992.
4. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД, 1937-1938. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти / сост. Хаустов В.Н., Наумов В.П., Плотникова Н.С. М., 2004.
5. Сталинизм в советской провинции 1937-1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447. / сост.: Юнге М., Бонвеч Б., Биннер Р. М.: РОССПЭН, Германский исторический институт в Москве, 2009.

6. Мельгунов С. П. Красный террор в России. 1918-1922. Берлин, 1924 (современное издание М.: СП "PUICO"; "P.S.", 1990).
7. Нечаев М.Г. Красный террор на Востоке России. // "Мудрость мира сего есть безумие перед Богом". К 90-летию "Красного террора" в России. Материалы IV Краевых Православных Образовательных Феофановских Чтений. Пермь, 2009.
8. Балмасов С.С. Красный террор на востоке России в 1918-1922 гг. М. 2006.
9. Обухов Л.А. Гражданская война в Прикамье. Май 1918 – январь 1919 гг. Сборник документов. Пермь. 2008.
10. Топография террора: история политических репрессий. Пермь. Составитель С. Шевырин. Пермь. 2012.
11. Красный террор в годы гражданской войны: По материалам особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков. Под ред. Ю.Фельштинского. Лондон, 1992; М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2004.
12. Собор Святых, в земле Пермской просиявших. Пермь, 2016.
13. Землю Пермскую молитвой освятившие. Пермь, 2016.
14. Дело священников Константина Воронцова и Георгия Качанова (1937). ПермГАСПИ. Ф. 643/1. Оп. 1. Д. 9534.
15. Дело Степанова Г.Г., Гуляева Г.Н., Беклемышева С.Н., Коровина М.И. (всего 37 человек) // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп.1. Дело № 12396 Т.1 – 6.
16. Дело священника Константина Воронцова (1919). ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11084.
17. Дело священника Константина Воронцова (1930). ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 8031.
18. Выписка из протокола допроса от 17 февраля 1939 г. ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12396. Т. 6.

Degtyareva Maria Igorevna

Doctor of philosophy, Candidat of history ,

Vice-rector of the Perm Theological Seminary for research

**FAITH HEROIC DEED
OF A PRIEST KONSTANTIN VORONTSOV
(1919 – 1937 гг.)**

Abstract. A priest Konstantin Vorontsov's life is closely connected with the early stages of the Soviet penitentiary system development. During the Civil War he acted as a mediator being mercy to those who were in danger. A tough policy of the Soviet state could clearly be seen throughout the priest's faith profession: from the court's sentence to be imprisoned in a concentration camp for an indefinite period, which was replaced by granting a mercy in 1919, to a ten-year sentence in a corrective labor camp, which turned out to be a life sentence for the priest in 1937.

Key words: Civil War; Bolsheviks policy towards church; faith heroic deed of a priest; concentration camp; penitentiary system development.

Юрий Александрович Жук

*Президент Фонда Новомучеников
ИМПЕРАТОРСКОГО Дома Романовых,
доктор юридических наук*

**ПОСМЕРТНАЯ СУДЬБА ЦАРСТВЕННЫХ МУЧЕНИКОВ
В МОНУМЕНТАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ**

Аннотация: Автор статьи поднимает важную проблему – бережного сохранения памяти Царской Семьи, Ее родственников и верных спутников. На примере десятков памятников монументального искусства он убедительно показывает многочисленные ошибки и несоответствия в исторических деталях, хронологии и титуловании, которых можно было бы избежать при более внимательном отношении к документальным источникам, фалеристике, правилам русского языка и стилистике.

Ключевые слова: Царственные Страстотерпцы, родственники и верные слуги Царской Семьи, памятники монументального искусства, распространенные ошибки в титуловании представителей Царского Дома, изображении исторического костюма и знаков отличия, фактические и стилистические ошибки в текстах памятных досок.

I

Тема гибели Царской Семьи, в той или иной степени, коснулась большинства нашего российского общества. И даже через сто лет, минувших с момента Ее трагической гибели, наше общество по-прежнему разделено на два лагеря: на сторонников памяти Царя-Мученика, ставшего по его собственным

словам, «во имя спасения России искупительной жертвой», и на тех, кто до сих пор считает покойного Государя «слабым и безвольным правителем».

Однако в настоящей статье речь пойдет не о личном достоинстве Государя и членов Его Семьи, а о том, насколько бережно сохраняется память о Царственных Мучениках, отображенная в бронзе, камне, памятных досках и в изобразительном искусстве.

Но для начала хотелось бы заметить, что, что самый первый памятник Государю Императору Николаю II был установлен в 1924 г. в Германии, причем не по инициативе наших соотечественников – эмигрантов, а по инициативе наших бывших врагов – офицеров 8-го Прусского Гусарского Его Величества Государя Императора Николая II полка, Августейшим Шефом которого Он являлся. А затем, в 1936 г., памятники Николаю II были установлены в Брюсселе (Бельгия) и Харбине (Китай).

Однако все по порядку.

1 ноября 1981 г. Архиерейский Собор Русской Православной Церкви Заграницей прославил в лике святых Новомучеников Российских Семью Императора Николая II, а также Ее верных слуг, принявших вместе Ней мученическую смерть – Е.С. Боткина, А.С. Демидову, И.М. Харитонову, и А.Е. Труппу. Вместе с ними были прославлены и другие слуги, отделенные от таковой и погибшие немногим позднее за свою верность Престолу и Отечеству – Князь В.А. Долгоруков, Граф И.Л. Татищев, К.Г. Нагорный, И.Д. Седнев, Графиня А.В. Гендрикова и Е.А. Шнейдер.

Вместе с Царской Семьей были прославлены и другие бессудно убитые Члены Российского Императорского Дома – Великие Князья Михаил Александрович, Павел Александрович, Дмитрий Константинович, Георгий Михайлович, Князья Крови Императорской Иоанн, Константин и Игорь Константиновичи, Великий Князь Сергей Михайлович, а также Великая Княгиня Елизавета Феодоровна и ее келейница Варвара Алексеевна Яковлева.

Начало прославления святых Новомучеников в новой России положил проходивший в Москве с 31 марта по 5 апреля 1992 г. Архиерейский Собор Русской Православной Церкви, который определил считать 25 января (7 февраля) днем празднования Собора Святых Новомучеников и Исповедников

Российских, постановив при этом включить в этот Собор имена святых: Патриарха Московского и Всея Руси Тихона, митрополита Киевского Владимира, митрополита Петроградского Вениамина, иже с ним архимандритов Сергия, Юрия и Иоанна, а также настоятельницу Марфо-Мариинской Обители Милосердия Великую Княгиню Елисавету Феодоровну и ее келейницу Варвару Алексеевну Яковлеву.

20 августа 2002 г. на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви Царская Семья была причислена к лику святых страстотерпцев в составе Собора Новомучеников и Исповедников Российских, явленных и неявленных. А именно: Государь Император Николай II Александрович, Государыня Императрица Александра Феодоровна, Наследник Цесаревич и Великий Князь Алексей Николаевич, а также Великие Княжны: Ольга Николаевна, Татьяна Николаевна, Мария Николаевна и Анастасия Николаевна.

3 февраля 2016 г. на заседании Архиерейского Собора к лику святых страстотерпцев был причислен убитый вместе с Царской Семьей Почетный Лейб-Медик и доктор медицины Евгений Сергеевич Боткин – человек не только приближенный к Царской Семье, но и прошедший вместе с Ней до конца весь Крестный путь.

Итак, начиная с конца 1990-х гг. в разных уголках России и за ее пределами стали появляться Поклонные кресты, а в дальнейшем и памятники Царственным Мученикам, причем, как в виде групповых композиций, так и в виде, бюстов Государя Императора Николая II. На сегодняшний день установлены десятки памятников. География их размещения весьма обширна: от Белграда (Сербия) и Крайска (Беларусь) и от Санкт-Петербурга до Владивостока.

В связи с этим мне с самого начала хотелось бы сказать, вот о чем. Практически во всех монументальных творениях за редким исключением (пожалуй, только одного варианта бюста Государя, скопированного в нескольких экземплярах и установленного в ряде российских городов – Ялте, Севастополе, Калуге и др.) *не было полностью соблюдено портретное сходство и соответствие костюма*. И даже упомянутый памятник, относящийся скорее к разряду удачных исключений, не лишен недостатка, заметного специалистам

по фалеристике¹: Звезда Ордена Святого Апостола Андрея Первозванного на груди Государя была выполнена в соответствии с вышитым образцом таковой, которую знатные вельможи носили... в XVII веке. Да и мишура на эполетах Его мундира была явно позаимствована с английского морского мундира.

Что же касается других произведений, количество допущенных их создателями неточностей и ошибок может быть весьма значительным, и среди них встречаются довольно курьезные. Для того чтобы не быть голословным, приведу всего несколько примеров:

1. Памятник Государю Императору Николаю II, Государыне Императрице Александре Феодоровне и Наследнику Цесаревичу Алексею Николаевичу (Санкт-Петербург).

На постаменте установлен Герб Российской Федерации, а не Двуглавый Орел Российской Империи. Государь изображен в устаревшей форме одежды, Наследник Цесаревич в черкеске, имеющей вместо 10-ти – 9 газырей, а Государыня Императрица – почему-то в свадебной диадеме. То есть, все три бюста выполнены в одеждах, относящихся к *разным периодам жизни* Царственных Страстотерпцев.

2. Памятник Государю Николаю II и Наследнику Цесаревичу (Новосибирск).

На Государе вместо знака «В память 300-летия Дома Романовых» – знак окончания Николаевской Академии Генерального Штаба. У Наследника Цесаревича на ремне бляха Морского и Речного флота СССР, а не Российского Императорского Флота.

3. Памятник Государю Императору Николаю II (Ленинск-Кузнецкий).

На Государе строевая казачья шашка образца 1881 г., которую он никогда не носил. При этом висит она задом наперед.

4. Памятник Государю Императору Николаю II и Наследнику Цесаревичу Алексею Николаевичу (Сочи).

Наследник Цесаревич – в матросской блузе германского «Kriegsmarine» (Военно-Морского Флота).

¹ Фалеристика – вспомогательная историческая дисциплина, занимающаяся историей и атрибуцией орденов, медалей, значков и любых нагрудных знаков.

5. Памятник Государю Императору Николаю II и Л.С. Голицыну (Крым. Новый Свет).

У Государя на морской форме «двойной» аксельбант и фуражка без кокарды.

6. Бюст Государя Императора Николая II (Владивосток).

На шее Государя... Королевский Викторианский Орден.

И это лишь часть того, что можно увидеть в крупных городах.

Своего рода «болезнью» стала установка бюстов Государя исключительно в *английской адмиральской форме*, которую он одевал *всего один раз* во время поездки в Великобританию в 1913 г., где и сфотографировался вместе со своим кузеном Джорджи (Королем Георгом V). Да и на многих полиграфических изданиях, посвященной царской теме. Государь изображен в форме страны-союзницы, к слову сказать, так и не оказавшей Ему необходимой помощи в годину испытаний.

К сожалению, даже памятник Царской Семье, установленный перед Храмом на Крови в Екатеринбурге, рядом с тем местом, где когда-то находился дом инженера Н.Н. Ипатьева, в котором было совершено это злодеяние, дает повод для подробного критического анализа.

Сам памятник представляет собой скульптурную композицию, в центре которой возвышается крест, условно разделяющий ее на две части. Спिनной к кресту, в центре лицевой стороны памятника установлена фигура Государя, с Наследником Цесаревичем на

Памятник Царской Семье в Екатеринбурге

руках, а по бокам от него – фигуры Великих Княжон: Марии Николаевны и Анастасии Николаевны. С противоположной стороны креста, осеняющая себя Крестным знамением фигура Государыни и по обе стороны от Нее фигуры Великих Княжон: Ольги Николаевны и Татьяны Николаевны.

Расположенные по разные стороны большого бронзового креста на разных уровнях фигуры этой скульптурной группы объединяет лестница в 23 ступени.

По замыслу авторов этого монументального сооружения – К.В. Грюнеберга и А.Г. Мазаева, каждый, кто идет в нижний храм со стороны Царской улицы, обходит памятник слева, а, выходя или обходя верхний храм со стороны ул. Либкнехта, любой желающий может спуститься к нижнему храму по этим самым ступеням.

Идея, безусловно, хороша. Ступени – это и напоминание о том, как Царская Семья и Ее верные слуги спускались в подвал дома Ипатьева, и символ Их восхождения от земли в Царство Невечернего света. И все было бы хорошо, если бы не одно «но», даже несколько «но»...

Прежде всего, портретное сходство композиционных фигур с членами Царской Семьи, на мой взгляд, довольно условно. Сложно однозначно признать и образ Наследника Цесаревича, которого Государь держит на руках. Алексей Николаевич выглядит лет на десять младше своего действительного возраста, а ведь к тому времени он был уже ростом выше Отца.

В деталях исторического костюма также заметны несообразности. Государь вместо привычных шаровар облачен в галифе, внешний вид его дополняет великоватая шинель с несуществующими клапанами на рукавах. Эта деталь (рукав с клапанами на конце) использовалась при пошиве плащей офицеров МВД образца 1969 г. Шинель прикрывает гимнастерку РККА с отложным воротником образца 1935 г.

Не менее спорной является и символика. Например, нательные кресты неожиданно оказались поверх одежды Государыни и Великих Княжон. В России подобная «мода» считалась дурным тоном, и представители Царского Дома не могли бы подобным образом нарушить устоявшиеся правила. В самой традиции ношения креста заключался *глубокий духовный смысл*. Нательный

крест потому и называется *нательным*, что он *скрыт от посторонних под одеждой и не выставляется наружу*. В поведении православного христианина не должно быть ничего *демонстративного* по заповеди Спасителя о том, что молитвенное обращение к Богу, да и сама духовная жизнь должны быть искренними и в значительной мере сокровенными: «Ты же, когда молишься, войди в комнату твою, помолись Отцу твоему, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно» (Мф. 6: 6) [1. С. 1017]. Кстати, ярким примером тому служит наша исконно русская косоворотка, стоячий ворот которой *специально сделан сбоку («косым»)*, дабы расстегнув его во время физической работы, сохранить крест как вещь дорогую, *символ личного завета и связи с Богом от посторонних взглядов*.

Наверняка создатели памятника руководствовались благим мотивом и желали таким образом подчеркнуть, что Царственные Страстотерпцы шли на смерть *под знаменем Креста*, но ведь мы видим дублирование: Государыня запечатлена как раз в тот момент, когда Она осеняет себя Крестным знаменем.

И, наконец, 23 ступени. Но ведь это не что иное, как адресация к разоблачительной, хлесткой книге советского пропагандиста М.К. Касвинова «Двадцать три ступени вниз», в которой была использована та самая аллегория – сравнение числа ступеней, ведущих в подвал дома Ипатьева, с годами царствования Государя Императора Николая II. Чем же оправдана эта аллегория, если ступеней было на самом-то деле 19?

В 2018 г. в России отмечалась 100-летие трагической кончины и одновременно – крестного подвига Царской Семьи. В канун знаменательной даты в храме Новомучеников и Исповедников Российских было частично обновлено убранство. Так, помимо заново украшенной крипты, на стенах были выполнены четыре дополнительные росписи. Но и на новых образах, к сожалению, можно заметить неточности.

Так, на одной из композиций под наименованием «Последняя молитва» Царскую Семью предстоит во время богослужения в Доме Особого назначения (доме Н.Н. Ипатьева). При этом Государь и Е.С. Боткин изображены в погонах, которые их заставили снять еще в феврале 1918 г., а Наследник

Цесаревич, который в первый день появления в доме Ипатьева ударил ногу и до самых последних дней своей жизни не мог самостоятельно передвигаться, показан стоящим вместе со всеми (для большего реализма – на одном колене).

Склоненные в молитве головки Великих Княжон, безусловно, хороши в обрамлении длинных волос, однако в действительности волосы Им вынужденно обстригли летом 1917 г. после того, как все дети переболели корью. К лету 1918 г. отросшие локоны едва достигали уровня плеч.

В свою очередь, лакей А.Е. Трупп изображен в парадной ливрее и с Золотой шейной медалью «За усердие», которой он был награжден 2 апреля 1906 г. за длительную беспорочную службу. Награда была в действительности, но можно ли представить себе во всем «блеске» узника дома Ипатьева?

II

Теперь хотелось бы сказать об еще одном важном аспекте, связанном с *титолованием* членов Августейшей Семьи и Ее родственников. Попробуем рассмотреть некоторые нюансы на примере памятника Великой Княгине Елизавете Феодоровне.

Самый первый памятник Великой Княгине работы скульптора В.М. Клыкова был установлен в Марфо-Мариинской Обители Милосердия в 1990 г. А годы спустя, по заказу Православно-просветительского центра «Усово-Спасское», уже его сын А.В. Клыков, создал памятник Великой Княгине, который был установлен на его территории в 2010 г.

В промежутке между 2010 и 2018 гг. в России было воздвигнуто еще несколько памятников этой великой подвижнице. И вот, 29 июня 2017 г. при большом стечении народа, на бывшей Соборной площади города Алапаевска был открыт памятник Святой Великой Княгине Елисавете Феодоровне².

² Следует отметить, что изначальная инициатива установки этого памятника принадлежала Региональному отделению Императорского Православного Палестинского Общества (ИППО) Свердловской области, каковая встретила полное одобрение со стороны правительства Свердловской области в лице Губернатора Е.В. Кувайшева, священства Каменской епархии, а также Главы администрации Муниципального образования г. Алапаевск С.В. Шаньгина.

17 января 2017 г. на собрании Регионального отделения ИППО был рассмотрен вопрос установки памятника в июне этого же года, после чего началась работа по его созданию.

На сегодняшний день этот памятник является, пожалуй, самым величественных из всех имеющихся, а его высота вместе с пьедесталом составляет порядка семи метров.

Безусловно, Великая Княгиня Елисавета Феодоровна за свою подвижническую деятельность была достойна прославления. Однако вместе с Ней приняли мученическую смерть еще семь человек из числа Ее ближайших родственников и союзников: Князя Крови Императорской Иоанн, Константин и Игорь Константиновичи, Великий Князь Сергей Михайлович, а также Ф.С. Ремез и В.А. Яковлева. Но упоминание об этих людях, также жестокою насильственную кончину, *к сожалению, не нашло никакого отражения даже в общей композиции всего памятника в целом.* А жаль! Тем более что, почти все они РПЦЗ также были причислены к лику святых.

Кроме того, почти на всех памятниках Царственным Мученикам имеется фамилия «Романов» или «Романова». Не стал исключением и памятник Великой Княгине Елисавете Феодоровне в Алапаевске.

А между тем, Членам Российского Императорского Дома *фамилия была «присвоена» лишь после событий Февральской смуты*, чтобы подчеркнуть их «равенство» с другими гражданами России. До этого времени все Члены Российского Императорского Дома использовали титулование, данное им при рождении. И, тем не менее, в связи с этим периодически возникали вопросы, связанные с их «исконной фамилией». Поэтому в 1911 г., по поручению Государя Императора Николая II было проведено юридическое исследование на эту тему. Причем, по результатам такового, Министр Юстиции И.Г. Щегловитов лично докладывал Государю, что: «По силе «Учреждения об Императорской Фамилии» *оной не присвоено никакой фамилии* и, в частности, фамилии Романовых» [2. Л. 42]

Свои пояснения по этому вопросу дал также и Министр Императорского Двора и Уделов Барон Б.В. Фредерикс: «В законе *нет указаний, что Члены Императорского Дома носили бы фамилию Князей Романовых*, но это и со-

ставляет отличительное преимущество Императорского Дома от остальных Дворянских Родов» [2. Л. 48 об., 49].

В контексте рассматриваемой проблемы хотелось бы упомянуть о некоторых мемориальных досках или табличках. И, в первую очередь, о мемориальной доске, которая с конца 1990-х гг. висела на бывшем губернаторском доме в Тобольске и продолжает висеть сейчас, когда в нем весной 2018 г. был открыт «Музей семьи Императора Николая II».

Вот ее дословный текст:

**«В этом доме с 13 августа 1917 года
по 13 апреля 1918 года
пребывал в ссылке со своей семьей царь Николай II»**

К сожалению, в тексте бросается в глаза сразу несколько ошибок:

1. Даты на доске указаны по старому стилю, без указания такового.
2. С 13/26 августа 1917 г. по 13/26 апреля 1918 г. в доме Тобольского Губернатора («Доме Свободы») «пребывала» только часть Царской Семьи, а оставшиеся после отъезда Их Величеств Августейшие Дети продолжали содержаться в нем под арестом до 7/20 мая 1918 г.
3. «Пребывают» с визитом или в гостях, а не в вынужденной в силу обстоятельств ссылке.
4. Формулировка «царь Николай II» – это разговорный оборот, употребляемый в простонародной речи. На самом же деле, слово «царь» относится к части титулования Государя Императора Николая Второго – «Царь Польский, Князь Финляндский» и т.д.

На мой взгляд, надпись на доске должна была бы выглядеть следующим образом:

**«В доме Тобольского Губернатора
(с 1917 г. – «Дом Свободы»)
с 13/26 августа 1917 года по 7/20 мая 1918 года
содержалась под арестом Семья Императора Николая II,
вместе с Которой проживали добровольно
последовавшие за Ней в ссылку верные слуги».**

Примерно так же обстояло дело с табличкой, до недавнего времени укрепленной на Памятном кресте, воздвигнутом в Алапаевске 27 июня 2003 г. на месте бывшей катаверны (мертвецкой), ранее находившейся на территории кладбища, сопредельного с Храмом Во Имя Святой Великомученицы Екатерины, в которой осенью 1918 г. находились останки Алапаевских Мучеников.

Вот как выглядела надпись:

**«Здесь находилась катаверная
в которую Святые мощи
Пр. мц. Вл. Кн. Елисаветы (Романовой)
и с ней убиенных в октябре 1918 года,
были перевезены сюда сразу после изъятия
их из шахты с Межной.
Память их в род и род».**

Сам по себе Памятный Крест – дело, разумеется, богоугодное, однако надпись надо было бы прежде отредактировать с исторической точки зрения и с точки зрения стилистики.

Во-первых, правильнее было бы написать не «катаверная», а «кадаверна», так как слово это происходит от латинского «cadaver», то есть, – труп. А посему, место нахождения мертвых тел ранее называлось кадаверна (или же в русской транскрипции – катаверна).

Во-вторых, в 1918 г. Святая Великая Княгиня Елисавета Феодоровна еще не была прославлена в лике Святых Новомучеников Российских, посему в упомянутой *кадаверне* находились ее останки (кадаверна – это *не место* для благоговейного *хранения* мощей), равно как и останки всех тех, кто погиб вместе с ней. А так как все они (кроме Ф.С. Ремеза) РПЦЗ также были канонизированы, то выделять имя одной только Великой Княгини было бы не совсем правильно, тем более, что произошло каноническое воссоединение Русской Православной Церкви на Родине и Русской Православной Церкви Заграницей.

В-третьих, «изымаются» вещественные доказательства, а останки – обнаруживаются или эксгумируются, а также, что более применимо к нашему случаю, – *извлекаются*.

В-четвертых, все Великие Князья и Великие Княгини происходили из царского Рода Романовых. Выше уже говорилось об этом. А посему, писать в скобках или без таковых – «Романов» или «Романова» неправильно.

В-пятых, шахта, в которую были сброшены их тела, согласно документам следствия, называлась «*Межевой*», а не «*Межной*» по имени урочища в котором она находилась³.

И, наконец, написание «с *Межной*» нуждается в корректировке в соответствии с правилами русского языка.

Поэтому следовало бы написать:

**«На этом месте находилась кадаверна,
в которой с 8 по 26 октября 1918 года
покоились извлеченные из шахты
«Межевая» останки Членов Российского
Императорского Дома, принявших
мученическую смерть в пригороде
Алапаевска в ночь с 17 на 18 июля 1918 года.
Память их в род и род».**

III

Точности в отображении исторических деталей следовало бы придерживаться при увековечивании памяти всех родственников Царской Семьи и их спутников.

Давайте переместимся в Пермь, где на старинном Егошихинском кладбище еще в 1998 г. мною вместе с местными энтузиастами Р.Б. Веденеевым и Л.В. Перескоковым был установлен Поклонный крест в память жертв Красного террора – Графини А.В. Гендриковой и Гоф-Лектрисы Е.А. Шнейдер, захороненных на нем в 1919 г. Не простояв и года, крест был сломан местными вандалами и почти забыт...

³ Ошибка перешла в историческую литературу из воспоминаний игумена о. Серафима и Гвардии Капитана П.П. Булыгина.

Однако в 2012 г., по инициативе Пермского духовенства территория вокруг этого места была приведена в порядок, а вместо прежнего был установлен новый Поклонный крест резной работы.

И, тем не менее, снова возникло то самое «но», о котором выше уже не раз говорилось.

Рядом с крестом появилась картина, в левой части которой были изображены Е.А. Шнейдер и Графиня А.В. Гендрикова. С правой же стороны, располагается текст, вкратце рассказывающий об их мученической кончине. В этом случае составители текста добавили, что они: «К своей Голгофе шли *всю ночь* под проливным дождем...».

А ведь на самом деле этап с заложниками тронулся к месту своей гибели, когда *начало рассветать*. Прямое свидетельство этому есть в показаниях и воспоминаниях А.А. Волкова, обреченного на смерть и сумевшего бежать во время следования к месту казни:

«Матрос (начальник конвойной команды – Ю.Ж.), уже одетый, веселый, с папироской во рту *не раз* выходил на улицу: *очевидно, смотрел, не рассветает ли*» [3. С. 92].

Итак, конвоиры *не спешили* выводить партию заключенных в потемках, матрос выходил курить *неоднократно*. Поэтому указание на столь длительный переход является художественным привнесением. Но какой смысл в подобной гиперболизации, ведь эти достойные люди и так пострадали, претерпев все по-христиански?

Продолжая пермскую тему, невозможно не упомянуть и о мемориальной доске, установленной на здании бывшей гостиницы «Номера Королевские» в память о Н.Н. Жонсоне – секретаре и близком друге Великого Князя Михаила Александровича, открытие которой состоялось 14 июня 2018 г.

Вот ее дословный текст:

«В этом здании жил и, верный своему долгу, ушел на смерть секретарь Великого Князя Михаила Александровича русский дворянин офицер российской армии Николай Николаевич Жонсон (1878–1918 гг.)»

Прежде всего, с точки зрения правил русского языка, лучше было бы использовать глагол «проживал», т.к. он указывает именно на временное пребывание. И уж совсем непонятно, как, будучи офицером Российской Императорской Армии, Н.Н. Жонсон превратился вдруг в офицера Российской Армии, образованной лишь в 1991 г.?

Замечу, к слову, что та же небрежность в отношении деталей в Перми коснулась и Царственных Страстотерпцев. В особо памятные дни на баннере, укрепленном на фасаде пермского ЦУМа, был помещен коллаж с использованием фото Царской Семьи, на котором Государь запечатлен в полевой рубашке и шароварах цвета хаки. Но для того, чтобы композиция выглядела ярче, разработчики решили окрасить имевшуюся на Государе рубашку в малиново-красный цвет, а шаровары – в темно-синий, скопировав одно из раскрашенных фото в интернете. А между тем, секрет был прост. В свое время, один из компьютерных графиков, увидев в сетях портрет Государя кисти художника Б.М. Кустодиева (на нем он изображен в форме любимого Им подразделения – Лейб-Гвардии 4-го Императорской Фамилии Стрелкового батальона, с 1910 г. – полка), не задумываясь, решил раскрасить в те же цвета и Его полевую форму.

Произвольность в деталях свойственна и художникам, работающим над памятниками Великому Князю Михаилу Александровичу. Например, в 1916 г. в городе Орле, у здания бывшего штаба 17-го Гусарского Черниговского полка, командиром которого с 1909 по 1912 гг. был Великий Князь, по инициативе Орловского отделения ИППО был установлен его бронзовый бюст работы известного российского скульптора С.А. Щербакова. Однако, несмотря на то, что сам этот памятник, как с художественной, так и с исторической точки зрения выполнен просто безукоризненно, возникает вопрос: почему Великий Князь Михаил Александрович изображен не в гусарском, как полагалось бы, а в кавалергардском мундире? А ведь он только *на незначительное время* перед своей высылкой за границу в 1912 г. принял под свое командование Кавалергардский Е.И.В. Государыни Императрица Марии Феодоровны полк.

Продолжая тему мемориальных досок, хочется привести еще два примера имеющих отношение к царской теме.

Так, в городе Кирове (бывш. Вятке) на бывшем доме домовладелицы Н.Э. Савинцевой некоторое время назад была установлена доска из пластика с нижеследующей надписью:

«В этом доме, особняке купчихи Н.Э. Савинцевой,

с 5 по 30 апреля проживали в ссылке

члены царской династии:

князь Константин Константинович Романов,

князь Игорь Константинович Романов,

князь Иоанн Константинович Романов,

князь Владимир Палей

**В конце апреля 1918 года по решению Вятского
губернского съезда советов высланы в Екатеринбург».**

К сожалению, и это небрежность. Во-первых, князья Константиновичи были не просто князьями, а «Князьями Крови Императорской».

Во-вторых, в числе перечисленных лиц отсутствует супруга Князя Крови Императорской Иоанна Константиновича – Княгиня Елена Петровна, а также Великий Князь Сергей Михайлович. Причем, последний не был означен в этом списке лишь потому, что, по мнению местных историков, Великий Князь, якобы, проживал где-то отдельно. В действительности отдельно от холостых «Константиновичей» он проживал не в Вятке, а в Екатеринбурге.

Кроме того, на этой доске попросту отсутствуют фамилии слуг – Федора Ремеза, Чеслава Круковского и Ивана Калина, а также позднее прибывшего в Вятку доктора Гельмерсона.

И уж, конечно, неблагозвучно и даже как-то неэтично называть вдову купца 2-й гильдии П.Ф. Савинцева – Надежду Эдвиновну Савинцову не домовладелицей, а «купчихой».

Продолжая разговор о памятных досках, посвященных царским слугам, нельзя умолчать и еще об одной, установленной 28 апреля 1918 г. на здании станции «Любинская» Омской железной дороги.

Сама доска имеет вертикальную форму и выполнена в виде картины в багете, в верхней части которой, опять-таки, расположен не Герб Российской

Империи, а Российской Федерации. В ее среднюю часть помещены барельефы Государя, Государыни, Великой Княжны Марии Николаевны, Князя В.А. Долгорукова, а также Лейб-Медика Е.С. Боткина, лакея И.Д. Седнева и Камер-Юнгферы А.С. Демидовой.

Государь, Е.С. Боткин и Князь В.А. Долгоруков изображены в военной форме с погонами на плечах. Как уже говорилось выше, такого быть не могло, так как вступило в силу распоряжение о снятии погон, принятое Солдатским Комитетом «Гвардейского Особого Отряда по охране бывш. царя и его семьи» и утвержденное впоследствии центральной властью в лице ВЦИК. Причем, по воспоминаниям дочери Евгения Сергеевича – Татьяны, Е.С. Боткин, в самых первых дней Февральской смуты, во избежание каких-либо эксцессов, снял свою генеральскую форму и переоделся в партикулярное платье. Так же без погон и в верхней одежде в виде бушлата ходил в то время и Князь В.А. Долгоруков.

Что же касается И.Д. Седнева, то здесь он показан (видимо, чтобы подчеркнуть, что он в прошлом был моряком), в морской форме. Хотя, выйдя в отставку и состоя в должности «Лакея 2-го разряда при Комнатах Августейших Детей Их Императорских Величеств» (так официально называлась его должность), он уже давно не носил таковую, а одевался в форменное платье, как и слуги, состоявшие при Гофмаршальской части Министерства Императорского Двора.

Ниже этого группового портрета имеется надпись следующего содержания:

«28 апреля 1918 г. станция Люблинская на несколько часов стала скромным пристанищем для святых Царственных узников: Императора Николая II, Императрицы Александры Феодоровны, Великой Княжны Марии и их верных слуг: врача Евгения Боткина, Гофмаршала Князя Василия Александровича Долгорукова, унтер-офицера Ивана Дмитриевича Седнева и комнатной девицы Анны Демидовой. Памятная плита установлена и освящена Преосвященнейшим Феодосием, Епископом Исикульским и Русско-Полянским. 28 апреля 2018 года».

А теперь давайте попробуем разобраться в деталях. Не совсем понятно, по какой причине Великая Княжна Мария Николаевна названа просто Марией (совсем, как в популярном телесериале), равно как и Лейб-Медик Е.С. Боткин, – просто Евгением, а А.С. Демидова – просто Анной? Хотя в то же самое время, Гофмаршал Высочайшего Двора В.А. Долгоруков именуется полным именем и отчеством? Разве не достойны все они *равного уважения*?

С личностью же И.Д. Седнева получился казус, так как он, будучи в прошлом военным моряком, оказался «произведенным в чин» унтер-офицера, в то время как такового никогда не существовало на Российском Императорском Флоте. Бывший моряк Иван Дмитриевич Седнев по увольнении в запас имел чин Отставного Боцманмата, соответствующий чину Старшего Унтер-Офицера пехотных частей.

В этой статье я затронул лишь часть проблем, связанных с сохранением в России памяти Царственных Мучеников и Их верных слуг. Стремясь к восстановлению исторической справедливости, мы прикасаемся к *святому*. А это значит, что нужно быть внимательными и постараться оградить памятники, образы и тексты от возможных нелепостей или несоответствий в этом благородном деле.

Любой проект должен выполняться со всей тщательностью исторического подхода, дабы не вызвать в дальнейшем недоумения и нарекания наших потомков.

Список источников и литературы

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Кано-
нические. В русском переводе с параллельными местами и приложе-
ниями. Перепечатано с издания Московской Патриархии. М.: Россий-
ское Библейское общество, 2010.
2. РГИА. Ф. 521. Оп. 1. Д. 167.
3. Волков А.А. Около царской семьи. М. Частная фирма «Анкор», 1993.

Iurii Aleksandrovich Zhuk

President of Fund of Romanovs' New Martyrs, Doctor in Law

AFTERLIFE OF TSAR MARTYRS IN MONUMENTAL ART

Abstract. The author of the paper raises an important issue – careful commemoration of the Tsar family, its relatives, and faithful companions. Describing dozens of monuments, he is very convincing in illustrating many errors and inconsistencies in historical details, chronology and titles, which could have been avoided by careful attitude to documentary sources, palaeistics, rules of Russian language, and stylistics.

Key words: Tsar passion bearers, relatives and faithful servants of the Tsar family, monuments, widespread errors in titles of Tsar family members, depiction of historical costumes and distinctions, factual and stylistic errors in the texts on the memorial plates.

Иеродиакон Алипий (Кожухов)

*руководитель и преподаватель
иконописного отделения
Пермской Духовной семинарии,
насельник Свято-Троицкого Стефанова
мужского монастыря*

**ОПЫТ СОЗДАНИЯ СОБОРНЫХ ИКОН
ВСЕХ СВЯТЫХ В ЗЕМЛЕ
ПЕРМСКОЙ ПРОСИЯВШИХ.
ТРАДИЦИИ НАПИСАНИЯ СОБОРНЫХ ИКОН**

Аннотация: Задачей настоящей публикации является показать путь создания Соборных икон Святых Пермской митрополии и выявить образное, богословское и символическое содержание подобных образов на примере некоторых икон, созданных недавно иконописцами нашего края. В работе рассматривается традиция создания Соборных икон и история развития их иконографии в исторической ретроспективе.

Ключевые слова: Соборные иконы, образы Новомучеников и Исповедников Пермской земли, духовные и иконографические принципы создания икон, символика и композиционные особенности Соборных икон.

26 декабря 2014 г. с благословения Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла установлено празднование Собора Пермских святых. Это долгожданное событие в жизни нашей митрополии поставило новые задачи по созданию образов местно чтимых святых. Создание икон Новомученников, является неотъемлемой и важной частью работы по прославлению их подвига на Пермской земле.

Для написания икон святых нового времени необходимо, в первую очередь, изучение архивных житийных материалов, которые сохранила для нас история. В них можно найти прижизненные фотографии святых, необходимые иконописцу для создания будущей иконы.

Ранее при создании икон Новомученников мы использовали книги игумена Дамаскина (Орловского) из серии «Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним»[2], а также статьи и материалы, появляющиеся в Интернете на епархиальных сайтах. Основным литературным источником для создания соборной иконы «Святых Пермской Митрополии» послужила вышедшая недавно книга монахини Сергии (Королевой) «Собор Святых в земле Пермской просиявших»[3] и ее дополненное иллюстрированное продолжение «Землю Пермскую молитвой освятившие»[4]. Книги содержат жития святых и описание их подвига с приложенными фотографиями, которые и послужили основой для создания образов святых угодников на Соборной иконе. Всего в книге описан подвиг 105 святых. Все они изображены на созданных в мастерской иконах.

При работе над созданием образов мы обращались к сложившейся ранее иконографии святых Пермской земли. Опыт по созданию таких образов нашей мастерской был накоплен немалый. Приступая к созданию Соборной иконы, мастера изучили и опыт создания подобных икон современными иконописцами России. Были рассмотрены также древние образцы Соборных икон, поскольку написание таких икон имеет давние глубокие традиции.

Создание Соборных икон строится на определенных духовных и иконографических принципах. Первый из них можно назвать *догматическим*, речь идет о принципе *соборного единства* Церкви [5. С. 54].

Принцип *соборности* является одним из основных в Церковной жизни вообще. Он указывает на собранность воедино, полноту: «Соборность означает целостность и не поврежденность хранимой Церковью истины» [6. С.510]. Источник соборности – Единство Бога. Эти догматические идеи, возглашаемые каждодневно в Символе Веры, в полноте выражаются в общей композиции Соборных икон.

Принцип соборности распространяется и на церковное искусство. В соответствии этим принципом иконопись выражает коллективный разум Церкви и иконописец должен творить на его основе. Истинными иконописцами Церковь признает святых отцов: «...Они творят художество, ибо они созерцают то, что надлежит изобразить на иконе» [7. С. 102].

Выдающийся знаток древнерусского искусства князь Е.Н. Трубецкой отмечает главную черту иконописи: «... в ней мы имеем живопись по существу *соборную*. В том господстве архитектурных линий над человеческим обликом, которое в ней замечается, выражается подчинение человека идее собора, преобладание вселенского над индивидуальным...в иконописи мы находим изображение храмового или соборного человечества»[8. С. 207 – 208].

Принцип соборности реализуется в самой иконе с помощью различных композиционных приемов, например *симметрии*. Во многих многофигурных иконных композициях персонажи располагаются симметрично по отношению к центральному, основному образу. Е.Н.Трубецкой раскрывает смысл этого приема следующим образом: «Симметрия тут выражает собою не более и не менее как утверждение соборного единства в человеках и ангелах, их жизнь подчиняется общему соборному плану» [9]. Принцип соборного единства церкви мы можем наблюдать в иконостасе, который так-же имеет симметричное строение и показывает соборное единство Церкви Небесной-Торжествующей и Церкви Земной-Воинствующей [5. С. 204].

В центре Соборной иконы обычно располагают Святой Престол с Евангелием и образ Храма. Храм, как правило, бывает представлен в обобщенном, символическом виде. Он является не столько изображением реального здания, сколько *собирательным образом Церкви Божией, символом Царствия Небесного. Престол – есть Литургический символ Таинства Евхаристии*, собирающий Церковь вокруг Чаши Жизни, Тела и Крови Христовой. Часто на иконах мучеников в центре иконы размещен Крест подчеркнуто-крупного размера. Он указывает на причастность к мученическому подвигу всех изображенных на иконе, а также на победу и торжество Церкви над грехом через Крест Христов. Нередко именно Крест является центром композиции иконы [10].

В центре Соборного образа довольно часто располагают какую-либо *знаковую икону* (например, Владимирскую икону Божией Матери). Она является в этом случае символом Российской Государственности. Изображение этой иконы рассматривается, как символ торжества и распространения Православной Веры в России и по всей Вселенной [11].

В верхних регистрах Соборных икон, в зависимости от смыслового акцента, который хочет предать образу иконописец, могут располагаться: образ Господа в разных Его символическо-богословских интерпретациях, Божией Матери, часто Деисус (или образ Святой Троицы). Обычно эти образы, *символизируют Церковь Небесную, торжествующую* – постоянное Ее присутствие, участие и осуществление дел Домостроительства Божия на земле.

Теперь рассмотрим иконографию Соборных икон в историческом ретроспективе.

К первым образам Соборов можно отнести фрески римских катакомб «Христос со учениками» (катакомбы Домитиллы, III – IV вв.) и «Христос на троне в окружении апостолов Петра и Павла». (Катакомбы Петра и Марцеллины, III – IV вв.) Этот сюжет восходит к более ранним античным изображениям философа в окружении учеников.

Подобные изображения мы видим позже в конхе алтарной апсиды церкви Сан-Лоренцо в Милане (IV в.) и в церкви Санта-Пуденциана в Риме (IV в.). Фигуры Двенадцати Апостолов, в частности в рельефах саркофагов, могут располагаться по сторонам стоящего или сидящего на престоле Иисуса Христа.

Выражением Соборного Единства Церкви является и образ Святых Первоверховных Апостолов Петра и Павла. Этот сюжет присутствует как на молельных иконах, так и в монументальных росписях [12].

Образцом для создания иконы «Всех Русских святых» (как и для создания службы им) послужила в свое время и композиция «Суббота всех святых», известная по иконам «Шестоднева» уже в нач. XVI в. На иконе «Шестоднев» из Третьяковской галереи, относящейся к кругу Дионисия, представлены десять ликов праведных – «убелившийся паче снега человеческий род», – предстоящих Спасу – Эммануилу в окружении Богоматери, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна и Собора Архангелов. Эта икона называется точнее «Седми-

ца» и соотносится с шестым днем недели, посвященным всем святым. Икона имеет сокращенные реплики, в которых выделен только субботний день [13].

Еще одним примером ранних Соборных икон являются различные греческие иконы поствизантийского периода, известные под названием «Собор всех святых». Сюжет этой иконы выделился из сцены Страшного Суда и представляет торжество всех праведников в Раю [14].

Кроме того, следует назвать икону «Неделя Всех Святых» (XVII в.), написанную иконописцем Симеоном Хромым по заказу Строгановых, которая находится у нас в Пермской государственной художественной галерее. (Праздник «Неделя Всех Святых» празднуется в первое воскресенье после Пятидесятницы. Он известен с к. IV – нач. V вв.) Иконографическая схема этого образа сходна с той, что использована при создании предыдущих образов. В нем ярко выражена эсхатологическая тематика [15].

В этот ряд можно включить и хранившуюся в Церковно-археологическом музее Санкт-Петербургской Духовной Академии икону «Всех Русских святых», написанную Петром Тимофеевым в 1814 г. В верхней ее части изображена Святая Троица, ниже – уготованный Престол и орудия страстей Христовых, затем – София – Премудрость Божия и, наконец, одиннадцать рядов русских святых, молитвенно предстоящих Святой Софии [14].

Это лишь небольшая часть Соборных икон, имеющих похожую иконографическую схему, но разных по смысловым оттенкам, содержанию и происхождению.

Отдельно можно остановиться на иконе монахини Иулиании (Соколовой) «Собор всех Святых в земле Русской просиявших». В 1930-е гг. по благословению епископа Ковровского Афанасия (Сахарова) монахиня Иулиания начала углубленную работу над этим образом, создавая изобразительный материал по русским образцам, находя подобие лика каждого святого по разным источникам, подробно изучая житийный материал. Группы святых должны были располагаться по кругу, по ходу солнца, последовательно отображая юг, запад, север и восток России, просвещенной светом Православной веры. Круговая композиция этой иконы, идеально отражая Божественную вечность и полноту церковной соборности, концентрирует внимание на образе Святой

Троицы преподобного Андрея Рублева, заключенной в круг. Образ Троицы имеет предстоящих святых и образует Деисус, что является необычным элементом иконы, богословской и иконографической находкой. Икона монахини Иулиании по сей день является образцом для создания соборных икон и примером духовного и осмысленного подхода к созданию подобных образов [16].

Говоря о создании Соборных икон, невозможно обойти вниманием и образ «Собор Новомучеников и Исповедников Российских, за Христа пострада-

(Рис. 1)

давших, явленных и неявленных», написанный к прославлению их на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви 13 – 16 августа 2000 г. Икона была написана группой ведущих иконописцев Православного Свято-Тихоновского Богословского Института. По замыслу ее создателей, она должна показать подвиги святых, коими они вошли в вечную жизнь, и их предстояние во славе пред Господом в Царствии Небесном. Икона выполнена по типу икон «с деянием», для которых характерно сочетание центрального, основного изображения – средника – с небольшими боковыми сценами, так называемыми «клеймами», в которых должна раскрываться суть духовного подвига того или иного святого. Этот Соборный образ Новомучеников появился первым и в дальнейшем установил направление развития иконографии

(Рис. 2)

подобных икон. Позже были созданы Соборные иконы святых отдельных епархий, которые были рассмотрены нами и также использовались при создании икон Пермских Святых [17].

К празднованию Собора Пермских Святых в 2014 г. были созданы или находились в работе три Соборные иконы. Одна завершена немного ранее, к самому торжеству, две другие позже. Каждая из них имеет свои иконографические особенности. Решение творческих задач по созданию этих икон осуществлялось по-разному.

Первая икона (Рис 1.) представляет собой две симметрично- расположенные по отношению к Спасо-Преображенскому кафедральному собору группы святых, при этом храм помещен в центр композиции.

В центральной части ближнего ряда изображен Святой Престол с Крестом и раскрытым Евангелием. Это традиционные атрибуты, присутствующие на Соборных иконах Новомучеников. Икона содержит «деяния» святых, расположенные по периметру средника. Это замечательно исполненные клейма с отражением мученического подвига избранных святых.

Вторая икона (Рис 2.) создана в нашей мастерской для Пермского храма Вознесения Господня. Это икона аналойного формата, то есть небольшая по размеру. Святые расположены на иконе симметрично и фланкируют Преображенский храм справа и слева. В центре иконы находятся изображения Престола с Крестом и раскрытым Евангелием. На заднем плане – изображение реки (Камы). Спасо-Преображенский храм представлен в наиболее узнаваемом ракурсе и стилизован под изображение палат мастерами Московской иконописной школы XV – XVI вв.

В верхнем регистре иконы, в облачной мандорле¹, выполнен образ «Спас Великий Архиерей». Он изображает Христа – Главу Церкви, добровольно принесшего Себя в Жертву за мир и прошедшего путем мученичества. Божественное Преосвященство Христа является центральной темой нескольких глав Посланий к Евреям Апостола Павла (Ев.3-10) [1]. Он приносит искуп-

¹ Мандорла (от ит. mandorla – «миндалины») – в христианском искусстве особая форма нимба, сияние овальной формы, внутри которого помещают изображения Христа, Богоматери, реже – святых.

тельную Жертву Богу-Отцу за грехи человечества, подобно тому, как священник приносит жертву во время Литургии, но только Жертвой является Он сам. «Ты еси Приносяй и Приносимый», – так говорится об этом в священнической молитве, читаемой на Херувимской песне [18].

Цвет мандорлы, в которой мы видим образ Христа, красный. Этот цвет имеет символическое значение, это цвет Божественного огня и Пасхального Торжества Вечной Жизни над смертью, а также страстной цвет мученического подвига [19].

На иконе Христос благословляет Собор святых Новомучеников архиерейским благословением. Справа и с лева к Нему примыкают поясные фигуры древних Святых Пермского края на облаках. Они расположены отдельно и

(Рис. 3)

несколько выше (по подобию летящих на облаках апостолов на иконе «Успение Пресвятой Богородицы») как первые святые, просветившие нашу землю светом Христовой веры.

Поскольку икона имеет малый размер, при разработке ее композиции возникло затруднение, связанное с размещением большого числа угодников Божиих в малом формате доски. При этом необходимо было передать индивидуальные черты святых и сделать надписание над ликами. Поэтому нимбы на иконе получились несколько укрупненные, что умалило размер самих фигур. Это можно отнести к вынужденным недостаткам композиции.

Третья икона (Рис 3.) написана в традициях Московской школы иконописи XV – XVI вв. Литературным источником для ее создания, как уже упоминалось, послужила книга «Собор Святых в земле Пермской просиявших» монахини Сергии (Королевой).

За основной формат для этой иконы был принят прямоугольник близкий к квадрату (180 – 160 см). Размер иконы довольно внушительный.

В основе лежит традиционная для таких икон симметричная композиция, где уравнивающие друг друга группы святых собраны вокруг Спасо-Преображенского кафедрального собора. Каждая группа Святых изображена на фоне храма, который является наиболее значимым для того или иного уезда.

По центральной вертикальной оси, разделяющей формат иконы надвое, располагается Спасо-Преображенский кафедральный собор, Крест и Святой Престол. Центральная ось снизу проходит через омофор Святителя Стефана и корреспондирует эту главную композиционную линию через все пространство иконы. Сверху эта линия поддерживается образом Богородицы и красным орнаментом на ее распростертом омофоре.

Группы фигур иконы располагаются на фоне горок зеленовато-серебристого оттенка, передающего особый колорит природы Урала. Основные силовые линии и контуры горок расположены на пересекающихся диагоналях, направленных к центру иконы и концентрирующих взгляд зрителя на смысловом центре композиции – Кресте и Святом Престоле. Такая ком-

позиционная схема пересечения диагоналей, динамически задерживающих одна другую, характерна для Византийского искусства. Пересекающиеся диагонали образуют букву «Х» – начальную букву в Имени Спасителя – Христос [20].

В центре иконы, на пересечении главных диагоналей, находится Крест как символ страдания и мученичества святых, ставших последователями своего Божественного Учителя. Это символ Победы над временно восторжествовавшим злом. Выше, над Крестом, изображен Спасо-Преображенский собор как символ соборности и единства Церкви и главный храм епархии. Он вполне узнаваем и представлен строго фронтально, что несколько успокаивает стремительную динамику нисходящего движения гор.

На Престоле с раскрытым Евангелием выполнена надпись традиционная для икон Новомученников: «И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить» (Мф 10:28) [1. С. 1023].

Центральную группу изображений замыкают в правильный горизонтальный овал фигуры святых, наиболее известных, почитаемых и неразрывно связанных своим подвигом с нашим городом: Священномучеников Андроника (Никольского), Феофана (Ильменского), Василия (Богоявленского) и др. Святые склоняются в молитве над святым Престолом. Такое расположение фигур вполне традиционно и добавляет в икону литургический смысл.

Облачения Святителей разные по характеру, что обусловлено желанием автора индивидуализировать группу, состоящую из многих святых. Сочетание контрастных по тону и цвету пятен в большой фигурной композиции является одним из широко известных приемов в иконописи, позволяет максимально усилить зрительный эффект и избежать слияния силуэтов.

Ниже по центральной вертикали иконы, на пересечении диагоналей, совпадающих с линиями гор, расположена группа древних святых. Здесь (в отличие от описанной выше Соборной иконы) они ближе к нам по расположению. Сверху эта группа примыкает к Святому Престолу.

Святитель Стефан композиционно объединяет группу распростертыми во время проповеди руками. Он как бы охватывает ими всю Пермскую землю.

В руках он держит Евангелие² и Крест, который в данном случае имеет символическое значение – понесенных этим великим святым проповеднических трудов по распространению веры.

Выше по главной вертикали иконы мы видим изображение реки, идущей от горизонта и скрывающейся за храмом. Это Кама – географический символ нашего города и края. Следует отметить, что текущая вода является разносторонним и глубоким Христианским символом. Мы знаем образы Богородицы «Живоносный источник», икону Симеона Хромого «Благодатные плоды учения» (XVII в.)³, где проповедь Трех Вселенских учителей, сравнивается с живой водой [21. С.89]. Вода – символ Учения Христова. На нашей иконе она, подобно воде проистекающей из-под Престола Храма Божия в пророческих откровениях Священного Писания, орошает бескрайние просторы Пермского края [22].

К верхнему полю иконы примыкает облачная мандорла (в традициях XVI в.) с образом Покрова Пресвятой Богородицы внутри. Это символ того, что по молитвам святых мучеников пред Господом и Богородицей мы имеем сейчас Их святой покров и защиту. Покров Пресвятой Богородицы – один из самых любимых народных праздников, он понятен и близок православной пастве [23].

На верхнем поле стилизованным уставом XVI в. сделана надпись «Собор святых в земле Пермской просиявших».

Вокруг композиционного центра расположены группы святых, прославленных по отдельным частям Пермской епархии. Среди них – священники, диаконы, монахи и святые миряне; на иконе все они изображены в традиционных для своего времени облачениях[24].

Группы святых на иконе можно было передать более силуэтно и менее колористически собранно, как это принято в иконописи. Иконопись – это искусство символическое. Однако традиционные требования подчас разрушают общепринятые представления о формировании пространства на плоскости. Созданные иконы могут послужить «толчком» для дальнейших

² по традиции влагаемое в руки Святителей.

³ Из собрания Пермской Государственной художественной галереи.

разработок иконографии Собора Пермских святых. Подходят они и для создания копий.

Конечно, к делу создания подобных образов надо подходить ответственно. Это требует от иконописца художественного мастерства, знаний и благоговейного отношения к делу.

Создание икон святых нового времени – это великое утешение и радость, поскольку это святые, наиболее близкие к нам по времени, их же молитвами, Господи Иисусе Христе, помилуй нас! Аминь!

Список источников и литературы

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета в русском переводе с параллельными местами и приложениями. М.: «Российское Библейское общество», 2010.
2. Игумен Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Книга 2.-Тверь: Изд-во «Булат»,1996.
3. Собор святых в земле Пермской просиявших./ составитель монахиня Сергия (Королева). Пермь. Пермская епархия Русской Православной церкви, 2015.
4. Землю Пермскую молитвой освятившие. Книга первая. От первых святителей до новомученников красного террора./ Составители Л.А.Головкова, монахиня Сергия (Королева). М.: Изд-во «Лето», 2017.
5. Шкаруба Л.В. Основы иконоведения: богословие в красках. Новосибирск: Изд-во «Свиный и сыновья», 2008.
6. Протоиерей Олег Давыденков. Догматическое богословие. Учебное пособие. М.: Изд-во ПСТГУ 2014.
7. Флоренский П. Избранные труды по искусству. М.,1996.
8. Философия русского религиозного искусства XVI-XX вв. Антология. Вып. I. М., 2004.

9. Трубецкой Е. Н. Три очерка о русской иконе. М.: Изд-во «ИнфоАрт», 1991.
10. Крест – орудие нашего Спасения. // URL <https://azbyka.ru/krest> (дата обращения: 25.10.18).
11. Щенникова Л.А. Владимирская икона Божией Матери. Главная святыня России. СПб.: Изд-во «Метропресс», 2013.
12. Турцова Н.М. Апостолы Петр и Павел. СПб.: Изд-во «Метропресс», 2013.
13. Епископ Балашихинский Николай. Из истории гимнографии и иконографии Собора всех русских святых. // URL http://www.pravklin.ru/publ/iz_istorii_gimnografii_i_ikonografii_sobora_vsekh_russkikh_svyatykh/9-1-0-1874 (дата обращения: 25.10.18).
14. Собор Всех Святых. // URL https://ru.wikipedia.org/wiki/Собор_всех_святых (дата обращения: 25.10.17).
15. Неделя Всех святых. // URL http://ruvera.ru/nedelya_vseh_svyatyh (дата обращения: 25.10.18).
16. Икона «Всех святых, в земле Российской просиявших». // URL <https://icon.spbda.ru/2018/06/08/ikona-vsekh-svyatykh-v-zemle-rossiyskoy-p/> (дата обращения: 25.10.18).
17. Протоиерей Александр Салтыков. Описание иконы собора святых новомучеников и исповедников российских. // URL <http://www.pravmir.ru/opisanie-ikony-sobora-svyatyx-novomuchenikov-i-ispovednikov-rossijskix/> (дата обращения: 25.10.18).
18. Припачкин И. А. Иконография Господа Иисуса Христа. М.: Изд-во «Паломник», 2001.
19. Овчинников А.Н. Символика христианского искусства. М., 1999.
20. Жегин Л.Ф. Язык живописного произведения. Условность древнего искусства. М.: Изд-во «Искусство», 1970.
21. Искусство пермских вотчин Строгановых. Пермь, 2007.
22. Иеромонах Ириней (Пиковский). Христос – Источник воды живой. // URL <http://www.pravoslavie.ru/70776.html> (дата обращения: 25.10.18).

23. Пивоварова Н.В. Покров Пресвятой Богородицы. СПб.: Изд-во «Метрпресс», 2014.
24. Архимандрит Лука (Головков) Иконография новомученников. // URL https://www.mpda.ru/site_pub/4819819.html (дата обращения: 25.10.18).

Hierodeacon Alipii (Kozhukhov)

*Head and lecturer of icon painting department,
Perm Religious Seminary,
a brethren of Holy Trinity Stefanov Monastery*

**EXPERIENCE OF CREATING CATHEDRAL ICONS
OF ALL SHONE SAINTS IN PERM LAND.
TRADITIONS OF CATHEDRAL ICON CREATION**

Abstract. The purpose of this publication is to show the ways of creating the Cathedral icons of Perm Metropolia Saints and to identify the imaginative, theological and symbolic portrayal of these images represented by some icons recently created by the icon painters of our region. The paper looks at the traditions in creating the Cathedral icons and the development history of their iconography in retrospect.

Key words: Cathedral icons, images of New Martyrs and Confessors in Perm land, religious and iconographical principals for icon creation, symbols and composition features of Cathedral icons.

Олег Иванович Сыромятников

*доктор филологических наук,
преподаватель Пермской Духовной семинарии,
преподаватель Пермского института
ФСИН России*

Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ О ПУТЯХ И ПРИНЦИПАХ ЕДИНЕНИЯ РОССИИ И ЕВРОПЫ

Аннотация: В работе исследуются взгляды Ф.М. Достоевского на проблему исторической судьбы России. Писатель полагает, что основу русской культуры образует христианство. Оно определяет ценности и цели развития русского народа и связывает его со всем христианским миром. Однако в силу ряда причин христианство в Западной Европе постепенно деградировало, что привело к системному кризису, угрожающему существованию европейской цивилизации. Достоевский уверен, что помочь духовному возрождению Европы может только Россия, сохранившая в чистоте учение Христа.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, Россия, православие, русский народ, русская идея, Европа, цивилизация.

С тех пор, как люди стали сознавать себя как некую целостность — человечество, они пытались выразить это представление в каких-либо понятиях. Сегодня таким понятием стала *глобализация*, понимаемая как процесс и результат глубокой интеграции (а порой, более или менее полного слияния и поглощения) экономических и политических систем различных государств. Глобализация не является достижением нашего времени, стремление к единению запечатлелось в эпосах и пророчествах разных народов. Первым настоя-

щим осуществлением этой мечты стало христианство. Оно превратило многочисленные разноразличные племена от Атлантики до Каспия в единый народ. Однако через десять веков христиане Восточной и Западной Европы пошли разными путями, которые историософия XX в. назвала *русской* и *западной идеями*.

Западная идея представляет собой результат синтеза национальных идей различных европейских народов и является обобщенным выражением их роли в мировой истории, а *русская идея* выражает, прежде всего, смысл жизни русского народа, с которым связаны индивидуальные смыслы других славянских этносов. Своеобразие *русской и западной идей* определяется множеством факторов (исторических, географических, политических, экономических и пр.), главным из которых всегда был и остается фактор религиозный.

Христианство объединило восточнославянские племена и сделало их сначала русским народом, а затем и Российским государством. Соединившись с русским национальным характером, оно породило такие черты *русской идеи*, как *соборность, профетизм, мессианизм и миссионизм, эсхатологизм и апокалипсизм*. Все они нашли свое выражение в русской национальной культуре, которая говорит голосом литературы, а мыслит категориями философии. Подчеркнем: любая национальная идея (в т.ч. и русская) имманентна национальному сознанию и не является продуктом интеллектуальной деятельности. Напротив, утверждал В.С. Соловьев, «*идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности*»¹ [2. С. 42]. Философия выражает этот замысел в ясных понятиях и категориях, а литература – в художественных образах.

В 1838 г., в самом начале литературного поприща, Ф.М. Достоевский писал: «Поэт в порыве вдохновения разгадывает Бога, следовательно, исполняет назначение философии...» [3. Т. 28. Кн.1. С.54]. И действительно, вся русская литература, начиная от митрополита Илариона Киевского (XI в.), стремилась исполнить свое главное назначение – открыть и выразить в слове замысел Бога о России и русском народе. Итоги многовекового труда были подведены

¹ Курсив в цитатах всегда, кроме особо оговоренных случаев, принадлежит их автору.

русской культурой XIX в., главное место в которой по праву принадлежит А.С. Пушкину. Он первым в русской литературе ясно и точно указал смысл исторического бытия человека, поэта и всего народа – свидетельствовать об Источнике истины, добра, красоты и любви: «Восстань, пророк, и виждь, и внемли, / Исполнись волею моей, / И, обходя моря и земли, / Глаголом жги сердца людей» [4. Т. 2. С. 149]. Вклад Пушкина в перевод русской идеи на язык художественных образов поистине велик: ему удалось показать черты русской идеи и типы русского национального характера; он впервые открыто сказал о феномене иррациональной ненависти правящих европейских элит к России («И ненавидите вы нас... За что ж?» [5. Т. 2. С. 339]), а в цикле «Песни западных славян» (1835 г.) размышлял о духовном единстве славянских народов.

Оценивая вклад Пушкина в осмысление *русской идеи*, Достоевский сказал: «Да, в появлении его заключается для всех нас, русских, нечто бесспорно пророческое» [3. Т. 26. С.136], «Пушкин... Это – начало и начальник славянофилов» [3. Т. 21. С.269], «ПУШКИН – этот главный славянофил России» [3. Т. 24. С.276]. А поскольку к середине XIX в. *русская идея* стала предметом острой общественно-политической полемики, то о ней, так или иначе, говорили и другие русские писатели.

Заметим, что художественное осмысление *русской идеи* шло в неразрывной связи с развитием европейской и русской философии. Благодаря этому русская литература, оставаясь глубоко философской, раздвигала рамки категориальной предметности и умозрительной абстрактности, превращая открытия философии в живые, осязаемые образы. В результате вопрос об историческом призвании России, ее месте и роли в мире всегда решался в единстве с вопросом о смысле жизни конкретного человека в реальном историческом времени и пространстве.

Судьба каждого русского человека неразрывно связана с судьбой всей России, всего русского народа, поэтому в русской литературе конкретный персонаж очень часто становится «типом» – обобщенным символом какой-либо значимой социальной группы, а иногда и всего народа. Этот художественный

прием русская литература усвоила в европейской литературе² и очень скоро превратила его из обычной метафоры (олицетворения) в особое изобразительное средство, способное не только изобразить внешний, предметный ряд бытия и выразить эмоциональные и рациональные процессы в сознании человека, но и раскрыть его духовный мир. Изображение человеческой личности в ее духовно-душевно-телесном единстве стало главной задачей русской литературы. А поскольку все ее творцы до 1917 г. (а некоторые – и позже) были носителями православного мировоззрения, то есть все основания говорить о *православной поэтике как совокупности средств художественного выражения православного мировоззрения*.

Основы православной поэтики были заложены древнерусской литературой, над ее современными формами трудились А.С. Пушкин и Н.В. Гоголь, а создателем стал Ф.М. Достоевский. Все творчество писателя последнего двадцатилетия его жизни представляет собой единый многожанровый *политекст*, основную идею которого составляет вопрос о том, как судьба конкретного человека связана с судьбой России. Основными частями этого политекста являются: художественное творчество, публицистика, эпистолярный корпус и дневниковые записи личного характера. Взаимодополнение ресурсов различных жанров позволило писателю максимально полно раскрыть содержание *русской идеи*, рассматривая ее во внешнем (геополитическом) и внутреннем (отражающем российские проблемы) аспектах. Напомним, что Достоевский является автором термина «русская идея»³, вся его публицистика направлена на всестороннее изучение различных граней *русской идеи*; очень эмоционально, а порой и предельно полемично о ней говорится и в небытовой переписке писателя.

Взгляд Достоевского на внешний аспект *русской идеи* охватывает круг проблем, основу которых образует вопрос о причине духовного раскола хри-

² Ср.: «Кому не придет в голову, что Квазимодо есть олицетворение пригнетенного и презируемого средневекового народа французского, глухого и обезображенного, одаренного только страшной физической силой, но в котором просыпается наконец любовь и жажда справедливости, а вместе с ними и сознание своей правды и еще непотатых, бесконечных сил своих» (Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30-ти томах. Л.: Наука, Т. 20. С. 28-29).

³ См. письмо к А.Н. Майкову от 18 января 1856 г. (Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30-ти томах. Л.: Наука, Т. 28. Кн.1. С.208).

стианской цивилизации и путях его преодоления. Писатель не может согласиться с мыслью об *естественной* автономии различных народов, а исходит из представления о существовании некоего первоначального духовного единства человечества. Поэтому он не придает ни *русской*, ни *западной идее* самостоятельного онтологического статуса, а рассматривает их как временное разъединение единого целого, ибо «все идут к одному и тому же, по крайней мере все стремятся к одному и тому же, от мудреца до последнего разбойника, только разными дорогами» [З. Т. 25. С. 118].

Отметим важный методологический аспект. В оценке слов Достоевского всегда следует исходить из того, что они сказаны глубоко и сознательно верующим христианином⁴ и отражают христианский тип мировосприятия. Главным в нем является то, что христианин представляет себе мир как неразрывное единство духовного и материального бытия при безусловной доминанте первого и верит, что именно целеполагание в духовной сфере определяет весь душевный, телесный и даже бытовой уклад жизни человека и народа. Поэтому без знания православного вероучения хотя бы в том же объеме, в каком его знал сам писатель, правильно и полно понять сказанное им невозможно.

В 1839 г. Достоевский писал брату: «Человек есть тайна. Ее надо разгадать, и ежели будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время...» [З. Т. 28. Кн.1. С.63]. В совершенстве владея французским и немецким языками, Достоевский изучает национальные характеры европейских народов по их литературе, а позже – и в непосредственном общении. В разные годы своей жизни он неоднократно и подолгу жил в Европе (в Германии, Швейцарии, Франции, Италии, Англии), внимательно наблюдая за жизнью европейцев. За внешними социально-политическими процессами писатель искал и находил глубинные, внутренние причины, главной из которых он считал продолжающееся отступление Европы от духовно-нравственных ценностей христианства, некогда положенных в основание ее цивилизации. Достоевский писал: «Древний Рим первый родил идею всемирного единения людей и пер-

⁴ «Не как мальчик же я верую во Христа и Его исповедую, а через большое горнило сомнений моя осанна прошла...», – сказано писателем накануне смерти (Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30-ти томах. Л.: Наука, Т. 27. С.86).

вый думал (и твердо верил) практически ее выполнить в форме всемирной монархии. Но эта формула пала пред христианством, – формула, а не идея. Ибо идея эта есть идея европейского человечества (западная идея, О.С.), из нее составила его цивилизация, для нее одной лишь оно и живет» [3. Т. 25. С. 151]. Однако первоначальное единство христианского мира было разрушено тем, что «римское католичество <...>, когда надо было, <...> не задумавшись, продало Христа за земное владение. Провозгласив как догмат, “что христианство на земле удержаться не может без земного владения папы”, оно тем самым провозгласило Христа нового, на прежнего не похожего, прельстившегося на третье дьяволово искушение⁵, на царства земные: “Все сие отдам тебе, поклонися мне!”» [3. Т. 22. С. 88]. Забвение Европой христианства привело к тому, уверен писатель, что в ней повсеместно происходит «воскрешение древней римской идеи всемирного владычества и единения, которая никогда и не умирала в римском католичестве; это Рим Юлиана Отступника, но не побежденного, а как бы победившего Христа в новой и последней битве. Таким образом продажа истинного Христа за царства земные совершилась» [3. Т. 22. С.89].

Результатом богоотступничества стало то, говорит Достоевский устами Дмитрия Карамазова, что в духовном смысле современная Европа представляет собой одно большое «кладбище... Все это давно уже кладбище, и никак не более» [3. Т. 14. С. 210]. Письма и дневники писателя раскрывают эту мысль: Германия – «изживший свои силы народ, <...> мертвый народ и без будущности» [3. Т. 29. Кн.1. С. 176] «Франция – нация вымершая и сказала все свое» [3. Т. 24. С. 272], а в Англии «то же самое, что и везде в Европе: страстная жажда жить и потеря высшего смысла жизни» [3. Т. 22. С. 95] и т.д.

Анализируя причины происшедшего, Достоевский находит сущностное отличие *русской идеи от западной*: «В восточном идеале – сначала духовное единение человечества во Христе, а потом уж <...> и несомненно вытекающее из него правильное государственное и социальное единение, тогда как по

⁵ Речь идет о третьем искушении Христа: «Опять берет Его диавол на весьма высокую гору и показывает Ему все царства мира и славу их, и говорит Ему: всё это дам Тебе, если, пав, поклонишься мне. Тогда Иисус говорит ему: отойди от Меня, сатана, ибо написано: “Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи”» (Мф. 4:8-10) [1. С. 1014].

римскому толкованию наоборот: сначала заручиться прочным государственным единением в виде всемирной монархии, а потом уж, пожалуй, и духовное единение под началом папы как владыки мира сего. С тех пор эта попытка в римском мире шла вперед и изменялась беспрерывно» [3. Т.25. С. 152], породив империализм, протестантизм, атеизм, коммунизм и другие идеи, отравляющие и разлагающие духовные тела целых народов. В 1870 г. эту мысль поэтически выразил Ф.И. Тютчев: «"Единство, – возвестил оракул наших дней, – / Быть может спаяно железом лишь и кровью..." / Но мы попробуем спаять его любовью – / А там увидим, что прочней..."» [6. Т.1. С. 384].

В 1876 г., работая над очередным номером «Дневника писателя», Достоевский записывает: «Высшая нравственная идея, выработавшаяся всей жизнью Запада, есть грядущий социализм и его идеалы, и об этом нет возможности спорить. Но христианская правда, сохранившаяся в православии, выше социализма» [3. Т. 24. С.185]. По сути, эти слова являются ответом на вопрос о причинах необъяснимой ненависти европейских элит к России, заданном Пушкиным в «Клеветникам России». Ни на йоту не изменив первоначальному учению Христа, Россия невольно стала постоянным напоминанием Европе о ее предательстве. Однако вместо покаяния и возвращения на истинный путь Западная Церковь пошла путем Каина. Об этом ясно свидетельствуют слова архиепископа Парижского М. Сибура, сказанные по поводу француско-английской интервенции в Крыму в 1853 г.: «Война, в которую вступила Франция с Россией, не есть война политическая, но война священная. Это не война государства с государством, народа с народом, но единственно война религиозная. Все другие основания, выставляемые кабинетами, в сущности, не более как предлоги, а истинная причина, угодная Богу, есть необходимость отогнать ересь ⁶ <...> укротить, сокрушить ее. Такова признанная цель этого нового крестового похода, и такова же была скрытая цель и всех прежних крестовых походов, хотя участвовавшие в них и не признавались в этом» [7. С. 106].

Желание гибели другому – самое яркое свидетельство собственной духовной смерти. Своими силами, полагает Достоевский, Европа спастись уже

⁶ То есть православие.

не сможет, потому что вместо того, чтобы вернуться к Источнику жизни, она лишь создает все новые и новые средства механического объединения людей на основе экономической, политической и иной целесообразности, конструируя фантомные теории естественного равенства людей, абстрактно-социального гуманизма и общечеловеческих ценностей. Эти паллиативы дают некий сиюминутный эффект, который со стороны может быть принят за панацею. Однако внешнее благополучие Европы не способно обмануть вдумчивого мыслителя. «Да и кто, – спрашивает Достоевский, – кроме отвлеченного доктринера, мог принимать комедию буржуазного единения, которую видим в Европе, за нормальную формулу человеческого единения на земле?» [З. Т. 26. С.168 – 169].

На страницах августовского номера «Дневника писателя» за 1880 г. он обращается к таким «реформаторам», призывающим к построению «гражданского общества» в России: «Чем соедините вы людей для достижения ваших гражданских целей, если нет у вас основы в первоначальной великой идее нравственной? А нравственные идеи только одни: все основаны на идее личного абсолютного самосовершенствования <...>, ибо оно несет в себе все, <...> а, стало быть, из него же исходят и все ваши гражданские идеалы. Попробуйте-ка соединить людей в гражданское общество с одной только целью «спасти животишки»? Ничего не получите, кроме нравственной формулы: «Chacun pour soi et Dieu pour tous»⁷. С такой формулой никакое гражданское учреждение долго не проживет...» [З. Т. 26. С. 164 – 165].

Достоевский решительно отвергает домыслы о возможности объединения людей на основе внерелигиозных ценностей: «Общественных гражданских идеалов, <...> не связанных органически с идеалами нравственными, а существующих сами по себе, <...> таких, <...> которые могут быть взяты извне и пересажены на какое угодно новое место с успехом, в виде отдельного “учреждения”, таких идеалов, говорю я, – нет вовсе, не существовало никогда, да и не может существовать! Да и что такое общественный идеал? <...> ... Он есть единственно только продукт нравственного самосовершенствования единиц, с него и начинается, и что было так спокон века и пребудет во веки

⁷ Каждый за себя, а Бог – за всех (франц.).

веков. При начале всякого народа, всякой национальности идея нравственная всегда предшествовала зарождению национальности, *ибо она же и создавала ее*. Исходила же эта нравственная идея всегда <...> из убеждения, что человек вечен, что он не простое земное животное, а связан с другими мирами и с вечностью. Эти убеждения формулировались всегда и везде в религию, <...> и всегда, как только начиналась новая религия, так тотчас же и создавалась граждански новая национальность» [3. Т. 26. С. 165].

Обращаясь к исторической судьбе Европы, Достоевский подчеркивает: «Когда изживалась нравственно-религиозная идея в национальности, то всегда наступала панически-трусливая потребность единения, с единственной целью “спасти животишки” – других целей гражданского единения тогда не бывает. <...> Но “спасение животишек” есть самая бессильная и последняя идея из всех идей, единящих человечество. Это уже начало конца, предчувствие конца» [3. Т. 26. С. 166 – 167]. Страх перед неизбежной катастрофой толкает Запад на поиски средств, могущих принести быстрый и надежный результат. Но в итоге все усилия направляются на устранение последствий, а не их причин и потому дают лишь краткий внешний эффект.

Евангельская мудрость гласит: «...если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму» (Мф. 15: 14) [1. С. 1031]. Духовными слепцами Достоевский считает российских либерал-реформаторов, кумиротворящих европейскую цивилизацию: «Вы <...> ищите спасения в вещах и в явлениях внешних: пусть-де у нас в России поминутно глупцы и мошенники <...>, но стоит лишь пересадить к нам из Европы какое-нибудь “учреждение” и, по-вашему, все спасено. Механическое перенесение к нам европейских форм (которые там завтра же рухнут), народу нашему чуждых и воле его не пригожих, есть, как известно, самое важное слово русского европеизма» [3. Т. 26. С. 167]. Либералы оправдывают свои действия тем, что эффективность этих механизмов доказана их применением на Западе. Достоевский полагает, что за этим кроется или непонимание происходящего или намеренный обман: «Да она накануне падения, ваша Европа, повсеместного, общего и ужасного. Муравейник, давно уже создававшийся в ней без Церкви и без Христа <...>, с расшатанным до основания нравственным началом, утратившим все, все общее

и все абсолютное, – этот созидавшийся муравейник, говорю я, весь подкопан» [3. Т. 26. С. 167].

Катастрофа неминуема, уверен Достоевский, потому что «не может одна малая часть человечества владеть всем остальным человечеством как рабом, а ведь для этой единственно цели и слагались до сих пор все гражданские (уже давно не христианские) учреждения Европы, теперь совершенно языческой. Эта неестественность и эти “неразрешимые” политические вопросы <...> непременно должны привести к огромной, окончательной, разделочной политической войне», в результате которой «все старое рухнет навеки. Волны разобьются лишь о наш берег⁸, ибо тогда только, въявь и воочию, обнаружится перед всеми, до какой степени наш национальный организм особлив от европейского. <...> А теперь-то вы <...> указываете нам на Европу и зовете пересаживать к нам именно те самые учреждения, которые там завтра же рухнут, как изживший свой век абсурд, и в которые и там уже многие умные люди давно не верят» [3. Т. 26. С. 168].

Это геополитическое предчувствие Достоевского нашло воплощение в художественной образности его произведений. В эпилоге «Преступления и наказания» читаем: «Все должны были погибнуть, кроме некоторых, весьма немногих, избранных. Появились какие-то новые трихины, существа микроскопические, вселявшиеся в тела людей. Но эти существа были духи, одаренные умом и волей. Люди, принявшие их в себя, становились тотчас же бесноватыми и сумасшедшими. Но никогда, никогда люди не считали себя так умными и непоколебимыми в истине, как считали зараженные. Никогда не считали непоколебимее своих приговоров, своих научных выводов, своих нравственных убеждений и верований. Целые селения, целые города и народы заражались и сумасшестввовали. Все были в тревоге и не понимали друг друга, всякий думал, что в нем в одном и заключается истина, и мучился, глядя на других, бил себя в грудь, плакал и ломал себе руки. Не знали, кого и как судить, не могли согласиться, что считать злом, что добром. Не знали, кого обвинять, кого оправдывать. Люди убивали друг друга в какой-то бес-

⁸ Прямая аллюзия к творчеству Ф.И. Тютчева, которое Достоевский знал, любил и неоднократно цитировал. См.: «Море и утес» (1848).

смысленной злобе. Собирались друг на друга целыми армиями, но армии, уже в походе, вдруг начинали сами терзать себя, ряды расстраивались, воины бросались друг на друга, кололись и резались, кусали и ели друг друга. В городах целый день били в набат: созывали всех, но кто и для чего зовет, никто не знал того, а все были в тревоге. Оставили самые обыкновенные ремесла, потому что всякий предлагал свои мысли, свои поправки, и не могли согласиться; остановилось земледелие. Кое-где люди сбегались в кучи, соглашались вместе на что-нибудь, клялись не расставаться, – но тотчас же начинали что-нибудь совершенно другое, чем сейчас же сами предполагали, начинали обвинять друг друга, дрались и резались. Начались пожары, начался голод. Все и все погибало» [З. Т. 6. С. 419 – 420].

Подобные картины писатель создает и в романе «Бесы» (1873 г.) и в рассказе «Сон смешного человека» (1877 г.), от них веет ужасом и безнадежностью. Однако цель Достоевского состоит не столько в том, чтобы напомнить, что неминуемо ожидает человечество, отвернувшееся от Бога, сколько в том, чтобы указать ему путь спасения. Поэтому финалы «Преступления...», «Сна...» и даже «Бесов» наполнены христианским оптимизмом и показывают возвращение гибнущего человечества к Свету и Жизни.

Православный гуманизм Достоевского проявляется в убеждении в том, что человеку, сотворенному по образу и подобию Бога (Быт.: 1: 26) [1. С. 6], недостойно пассивно ждать наступления зла. И пусть сейчас, говорит писатель, христианства в Европе нет, она «сделала много христианского... Еще бы, не сейчас же там умерло христианство, умирало долго, оставило следы. Да там и теперь есть христиане, но зато страшно много извращенного понимания христианства» [З. Т. 27. С.57]. Достоевский верит, что наступит момент, когда европейское человечество осознает всю гибельность избранного пути и начнет искать настоящего спасения: «Тут-то мы и встретимся с Европой... то есть разрешится вопрос: Христом спасется ли мир или совершенно противоположным началом, то есть уничтожением воли, камнем в хлебы» [З. Т.24. С.185].

Свое наиболее полное выражение взгляды Достоевского на *русскую идею* нашли в речи, произнесенной в 1880 г. на торжествах, посвященных вось-

мидесятилетию со дня рождения А.С. Пушкина: «Для настоящего русского Европа и удел всего великого арийского племени так же дороги, как и сама Россия, как и удел своей родной земли, потому что наш удел (русская идея, О.С.) и есть всемирность, и не мечом приобретенная, а силой братства и братского стремления нашего к воссоединению людей» [3. Т. 26. С. 147]. Всей своей историей Россия доказала верность этому призванию, «ибо, что делала Россия во все эти два века <...>, как не служила Европе, может быть, гораздо более, чем себе самой?» [3. Т. 26. С.148]. И в будущем, уверен писатель, Россия должна быть готова вновь помочь Европе и спасти от порожденной ею же скверны, вернуть «утраченный образ Христа», который «сохранился во всем свете чистоты своей в православии» и «вместить в свою русскую душу, всечеловечную и всесоединяющую, с братскою любовью всех наших братьев <...> и изречь окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону!» [3. Т. 26. С. 85,148].

Важным аспектом историософии Достоевского является вывод о том, что не только единство всего человечества, но даже локальную социальную гармонию в пределах одной страны невозможно построить по приказу или воплотить как инженерный проект. Это произойдет только тогда, когда люди поймут, что у них один Отец и захотят исполнить Его волю и возлюбить ближнего своего, как самого себя (Мф. 22:37 – 39) [1. С. 1042]. Дети одного отца – братья, и когда люди поймут это, говорит Достоевский, то «будет и братство. Если же нет братьев, то никаким “учреждением” не получите братства» [3. Т. 26. С. 167]. Эти слова в полной мере относятся не только к католическим и протестантским народам Европы, но и к православным европейским славянам. Достоевский с глубокой скорбью замечает, что они стали выше братства ценить собственную независимость, горделиво стремясь возвыситься над всем остальным славянским миром. Поэтому, говорит писатель, «не будет у России, и никогда еще не было, таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, чуть только их Россия освободит, а Европа согласится признать их освобожденными!» [3. Т. 26. С.78]. Они еще «долго <...> не в состоянии будут признать бескорыстия

России и великого, святого, неслыханного в мире поднятия ею знамени величайшей идеи, из тех идей, которыми жив человек и без которых человечество, если эти идеи перестанут жить в нем, – коченеет, калечится и умирает в язвах и в бессилии» [З. Т. 26. С.79]. Писатель предупреждает: «России надо серьезно приготовиться к тому, что все эти освобожденные славяне с упоением ринутся в Европу, до потери личности своей заразятся европейскими формами, политическими и социальными, и таким образом должны будут пережить целый и длинный период европеизма прежде, чем постигнуть хоть что-нибудь в своем славянском значении и в своем особом славянском призвании в среде человечества» [З. Т. 26. С.80].

Уже во времена Достоевского отношение к национально-освободительному движению славянских народов Европы было неоднозначным. Писатель обращается к тем, кто выступает за невмешательство России в этот процесс, говоря, что цель России, ее историческое призвание заключается в том, «чтоб жить высшею жизнью, великою жизнью, светить миру великой, бескорыстной и чистой идеей, воплотить и создать в конце концов великий и мощный организм братского союза племен, создать этот организм не политическим насилием, не мечом, а убеждением, примером, любовью, бескорыстием, светом; вознести наконец всех малых сих до себя и до понятия ими материнского <...> призвания» России [З. Т. 26. С. 81]. Достоевский напоминает важнейший духовный закон, управляющий судьбами народов: «Если нации не будут жить высшими, бескорыстными идеями и высшими целями служения человечеству, а только будут служить одним своим “интересам”, то погибнут эти нации несомненно, окаменеют, обессилеют и умрут. А выше целей нет, как те, которые поставит перед собой Россия, служа славянам бескорыстно и не требуя от них благодарности, служа их нравственному (а не политическому лишь) воссоединению в великое целое. Тогда только скажет всеславянство свое новое целительное слово человечеству...» [З. Т. 26. С.81 – 82].

Любовь Достоевского к России и вера в ее будущее никогда не была слепой, что хорошо видно из его художественных произведений и публицистики, множество страниц которых посвящено проблемам духовного регресса российского общества, росту преступности, пьянства и других пороков. Но

писатель всегда видит за социальным явлением действие фундаментальных духовных законов: «Могуча Русь, и не то еще выносила. Да и не таково назначение и цель ее, чтоб зря повернулась она с вековой своей дороги, да и размеры ее не те. Кто верит в Русь, тот знает, что вынесет она *все* решительно <...> и останется в сути своей такую же прежнюю, святою нашей Русью, как и была до сих пор, и, сколь ни изменился бы, пожалуй, облик ее, но изменения облика бояться нечего, и задерживать, отдалять вопросы вовсе не надо: кто верит в Русь, тому даже стыдно это. Ее назначение столь высоко, и ее внутреннее предчувствие этого назначения столь ясно (особенно теперь, в нашу эпоху, в теперешнюю минуту главное), что тот, кто верует в это назначение, должен стоять выше всех сомнений и опасений» [3. Т. 26. С.174 – 175].

Список источников и литературы

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. В русском переводе с параллельными местами и приложениями. Перепечатано с издания Московской Патриархии. М.: Российское Библейское общество, 2010.
2. Соловьев В.С. Русская идея // Смысл любви: Избранные произведения. М.: Современник, 1991.
3. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30-ти томах. Л.: Наука, 1972-1990.
4. Пушкин А.С. Пророк / Собрание сочинений в 10 томах. М.: ГИХЛ, 1959-1962.
5. Пушкин А.С. Клеветникам России / Собрание сочинений в 10 томах. М.: ГИХЛ, 1959-1962.
6. Тютчев Ф.И. Два единства / Сочинения. В 2-х т. М.: Худож. дит., 1984.
7. Сараскина Л.И. Христос Достоевского в 1854 году // Достоевский и мировая культура / Альманах, №22. М., 2007.

Oleg Ivanovich Syromiatnikov

Doctor in Philology,

lecturer of Perm Religious Seminary,

lecturer of Perm Institute of Federal Penitentiary Service of Russia

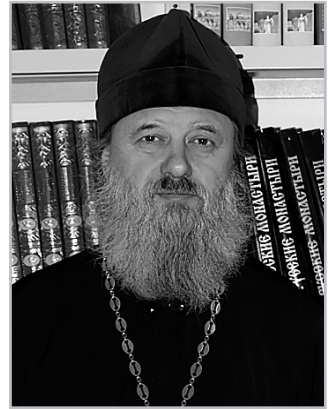
**F.M. DOSTOEVSKY ABOUT UNITY WAYS
AND PRINCIPLES
FOR RUSSIA AND EUROPE**

Abstract. The paper analyzes the views of F.M. Dostoevsky on the historical destiny of Russia. The writer believed that Christianity laid the basis for the Russian culture. It determined the values and the development goals for the Russian people and united the people with the Christian world. However, Christianity in the Western Europe gradually degenerated due to a number of reasons, which resulted in a fully-fledged crisis threatening the existence of the European civilization. Dostoevsky was sure that it was Russia with its preserved teachings of Christ which could contribute into the spiritual renewal of Europe.

Key words: F.M. Dostoevsky, Russia, Orthodox Christianity, Russian people, Russian idea, Europe, civilization.

Протоиерей Игорь Ануфриев

*настоятель храма
во имя св. Вмч. и Победоносца Гергия,
руководитель Отдела религиозного
образования и катехизации
Пермской епархии,
духовник и преподаватель
Пермской Духовной семинарии*

ШКОЛА И ЦЕРКОВЬ: 100-ЛЕТИЕ ДЕКРЕТА «ОБ ОТДЕЛЕНИИ ЦЕРКВИ ОТ ГОСУДАРСТВА И ШКОЛЫ ОТ ЦЕРКВИ»

Аннотация: В статье представлен исторический экскурс к «истокам» разделения Церкви и школы, вызванного политическими событиями начала XX века в России. Автор представляет сравнительный анализ ситуации в сфере отношений Церкви и школы за последние несколько лет и прослеживает положительную динамику в выборе модуля «Основы православной культуры» в рамках общеобразовательного курса «Основ религиозной культуры и светской этики» по Перми и по Пермскому краю.

Ключевые слова: Декрет «Об отделении Церкви от государства», антирелигиозная политика в советской России, новые образовательные дисциплины, «Основы религиозной культуры и светской этики», выбор модуля «Основы православной культуры», взаимодействие школы и Церкви.

Мы переживаем особое время – 100-летие революции в России. Люди по-разному относятся к этому событию. Видимо, один век – еще не достаточный срок, чтобы мы могли осознать во всей глубине происшедшее с нами. Может быть, должно пройти несколько веков, чтобы люди увидели объективную картину.

Коренной слом традиционного уклада жизни нашего народа в 1917 г. стал возможен потому, что из жизни людей ушло нечто очень важное. Несмотря на внешнее благополучие, научные и культурные достижения, в жизни людей все меньше места оставалось для живой и искренней веры в Бога, понимания важности ценностей духовной и нравственной традиции.

Надо сказать, Россия 100-летней давности во многом напоминает наше время. Формально страна была православной, но Православие мало кому было понятно. Народ соблюдал церковные обряды и обычаи, но плохо знал свою веру. Посмотрите, сегодня подавляющее большинство народа составляют принявшие крещение, то есть христиане, но практически никто не знает основ православной веры. Значит, реальна опасность потерять нашу традицию и культуру.

В царской России в каждой школе было обязательное преподавание православного Закона Божия. Отношение к этому предмету было неоднозначным: были случаи формального преподавания предмета, и все же подавляющее большинство населения России выступало за сохранение *обязательности* преподавания Закона Божия в учебных заведениях даже после Февральской революции.

Наступление на церковные учебные заведения началось еще до установления власти большевиков. Временное правительство в июне 1917 г. передало все церковно-приходские школы Министерству народного просвещения. При большевиках с ноября 1917 г. прекратилось государственное финансирование духовных учебных заведений.

В ноябре 1917-го большевики стали готовить Декрет «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви». Примечательно, что инициатором знаменитого декрета стал Петроградский священник Михаил Галкин, до революции бывший настоятелем Колтовской церкви в Петрограде [1]. Осенью 1917 г. он направил письмо в Совнарком с жалобой, что живет «с тяжелым камнем полного неверия в политику официальной церкви» и просьбой привлечь его к активной работе. В этом обращении в СНК был предложен ряд мер, которые включали конфискацию церковных ценностей, введение гражданского брака и григорианского календаря и т. д. Когда же Совнарком создал

специальную комиссию по подготовке Декрета, в ее состав которой: Пётр Стучка – нарком юстиции, Анатолий Луначарский – нарком просвещения, и... священник Михаил Галкин. В 1918 г. он сложил с себя священнический сан и устроился на работу в VIII «ликвидационный» отдел Наркомата юстиции, занимавшийся уничтожением Церкви [1].

Затем был опубликован проект декрета, который предусматривал прекращение преподавания «религиозных предметов» в учебных заведениях, запрет религиозным обществам владеть собственностью и иметь права юридического лица.

Проект вызвал ожидаемую реакцию в лоне канонической Православной Церкви. Например, митрополит Петроградский Вениамин (будущий священномученик) обратился в Совнарком с письмом, в котором выразил убежденность в том, что «осуществление этого проекта угрожает большим горем и страданиями православному русскому народу» [2], и заявил, что считает своим нравственным долгом сказать людям, стоящим в настоящее время у власти, чтобы они не приводили в исполнение предполагаемого проекта декрета «об отобрании церковного достояния» [2]. В ответ Ленин приказал ускорить введение в жизнь данного проекта.

Декрет «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви» был принят Советом народных комиссаров 20 января (2 февраля) 1918 г. В декрете, в частности, говорилось о том, что в условиях, когда школа отделяется от Церкви, преподавание религиозных вероучений во всех государственных и общественных, а также частных учебных заведениях, где преподаются общеобразовательные предметы, не допускается.

25 января Священный Поместный Собор Православной Российской Церкви, 100-летие которого сейчас отмечается, выразил свое отношение к выпущенному документу: «Изданный советом народных комиссаров декрет об отделении Церкви от государства представляет собою, под видом закона о свободе совести, злостное покушение на весь строй жизни православной Церкви и акт открытого против нее гонения» [3].

По мнению современного американского ученого, доктора философии Ричарда Пайпса, этим декретом «всем гражданам гарантировалось право испо-

ведовать любую религию или никакую. Многие иностранцы и все восторженные почитатели советской власти, принимая эти заявления за чистую монету, подумали, что счастливым гражданам России предоставляется беспрецедентная свобода вероисповедания» [4]. Однако, по его мнению, «действительный смысл декрета означал смертный приговор церковным учреждениям» [4].

Декрет был признан утратившим силу постановлением Верховного Совета РСФСР от 25 октября 1990 г., т.е. через семьдесят два года после его обнародования. Однако фактически отношения Церкви и школы стали складываться на иной основе в 2012 г., когда был введен новый предмет – «Основы религиозной культуры и светской этики», т.е. практически 100 лет школа в России была разлучена с Церковью. Не удивительно, что сейчас есть немало трудностей в преподавании курса «Основы православной культуры и светской этики», страхи, недоумения, непонимания...

Предмет ОРКСЭ официально был введен в 4-х классах школ России с 1 сентября 2012 г. и был неоднозначно встречен общественностью.

Можно сказать, что предмет «Основы религиозной культуры» стал поводом возобновления общения и сотрудничества школы и Церкви, прерванного 100 лет назад.

Эпохи меняются, уходит длительное время недоверия между школой и Церковью. Предмет Основы религиозной культуры, в отличие от Закона Божия – светский; в курсе его преподавания не ставится задача совместной молитвы, обучения духовной практике. Поэтому обыденные опасения, что Церковь «придет в школу и всех поставит в строй молиться», которые в начале активно использовались противниками введения ОРКСЭ, оказался не состоятельными.

Содержание предмета – это нравственность, способность человека выбирать добро, укрепление семьи, любви к ближнему и любви к своей малой и большой Родине. Нравственная задача предмета – помочь юному человеку остаться человеком, не расчеловечиться.

Если два – три года назад нам надо было доказывать общественности, что предмет духовной культуры нужен в школе, то сейчас разговор перешел в практическое русло, и на встречах с администрациями школ и педагогами

мы ведем речь о том, что необходимо, чтобы лучше, качественней и шире внедрить этот предмет в школе. Сейчас идет речь о расширении преподавания предмета духовной культуры в школе.

Выбор ОПК по Пермскому краю два года назад в 2015 г. составлял 8%, по Перми – 2%, т.е. близкий к нулю, тогда как в целом по России – 33%. В 2015 г. Пермский край стал предметом внимания президентских структур, нас стал особо курировать полпред Президента по Поволжскому Федеральному Округу. Была создана совместная комиссия министерства образования и епархии по вопросам духовно-нравственного воспитания в школе.

В Перми исторически очень сильны позиции атеизма, до сих пор на философской кафедре Пермского Государственного Университета преобладают атеистические тенденции. Также за советское время сложилась сильная инерция, привычка, что светское и духовное образование живут своей, совершенно изолированной жизнью. Когда в 2015 г., перед нами была поставлена священноначалием конкретная задача, мы начали теснее общаться со светским образованием, так что плотно мы общаемся третий год. И мы обнаружили, что, оказывается, мы нужны друг другу, и наше общение плодотворно для обеих сторон. Сейчас сложился, пока еще скромный, но, все же, прочный «костяк» единомышленников среди светского и духовного образования, как в Перми, так и в крае.

Цифры выбора модуля ОПК за последние три года весьма показательны. По Перми: в 2015 г. – 2%, 2016 г. – 10%, 2017 г. – 14%... По краю: в 2015г. – 8%, сейчас – 17%. Можно сказать, что «маятник» мы раскачали; что будет дальше, покажет время. У наших соседей в Екатеринбурге, к сожалению, прослеживается инерционная тенденция, процент выбора уменьшается, хотя там уже много лет проводится немалая работа.

В заключение хотелось бы отметить, что сегодня, спустя 100 лет после Декрета «Об отделении церкви от государства», нам дан шанс возродить общение школы и Церкви на новых основаниях. Определяющим является и должен остаться принцип *добровольности*. Содержательность учебных программ, их методическая обеспеченность, всесторонняя помощь учителям должны быть предметом особого внимания Церкви.

Список источников и литературы

1. Сунайт Т. Как создавалась машина атеизма. // URL <http://www.pravoslavie.ru/110101.html> (дата обращения: 24.12. 2018).
2. Шкаровский М. Священномученик Митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин. // URL <https://spbda.ru/publications/shkarovskiy-m-v-svyaschennomuchenik-mitropolit-petrogradskiy-i-gdovskiy-veniamin> (дата обращения: 24.12. 2018).
3. Цыпин В., прот. «Декрет об отделении Церкви от государства и школы от Церкви». // URL <http://www.pravoslavie.ru/110393.html> (дата обращения: 24.12.2018).
4. Прелыгин А. Сто лет декрета СНК «О свободе совести». // URL <http://radonezh.ru/monitoring/anatoly-perelygin-sto-let-dekretna-snk-o-svobode-sovesti-179288.html> (дата обращения: 24.12.2018).

Archpriest Igor Anufriev

*Father Superior of Saint Martyrs and Saint George Temple,
Head of Department of Religious Education
and Catechesis of Perm Eparchy,
spiritual father and lecturer of Perm Religious Seminary*

SCHOOL AND CHURCH: 100TH ANNIVERSARY OF DECREE “ON SEPARATION OF CHURCH FROM STATE AND SCHOOL FROM CHURCH”

Abstract. The paper gives a background of the origin of Church and State separation caused by the political events at the beginning of the XXth century in Russia. The author compares the situations in the relations of Church and School for the recent several years and observes a positive dynamics in choosing the module “Basics of Orthodox culture” in an educational course “Basics of religious culture and secular ethics” in Perm and Perm region.

Key words: the Decree “On Separation of Church from State”, anti-religious policy in Soviet Russia, new educational disciplines, “Basics of religious culture and secular ethics”, choice of the module “Basics of Orthodox culture”, interaction of School and Church.

Диакон Евгений Старцев

*выпускник отделения
церковно- священнослужителей
Пермской Духовной Семинарии 2018 г.,*

*Научные консультанты – первый проректор
Пермской Духовной семинарии
протоиерей Олег Игнатьев,*

*проректор Пермской Духовной семинарии
по научной работе,
д.ф.н., к.и.н. М.И. Дегтярева*

ПРАВОСЛАВНЫЕ ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД НА ПОДГОТОВКУ И УЧАСТИЕ В ТАИНСТВЕ ЕВХАРИСТИИ

Аннотация: В данной статье рассматривается два исторически-сложившихся подхода к практике святого причащения. Автор рассматривает аргументы сторонников позиций частого и редкого приобщения Святых Христовых Тайн и выражает свой собственный взгляд на то, что определяет для христианина подготовленность к принятию важнейшего таинства Церкви и «достойное причащение».

Ключевые слова: Таинство Евхаристии, путь к обожению, частое и редкое причащение, подготовка к причастию, «достойное причащение».

Каждая церковная служба – это встреча с Богом. Человек в молитве благодарит своего Творца, обращается к Нему с просьбой о помощи и прощении своих грехов. Так бывает всегда, когда человек, приходит на службу, где стоят такие же люди как он, откликнувшиеся на призыв Божией благодати, на призыв Христа Спасителя. В природе человека, а точнее в его духовной составляющей есть такой момент, как стремление к чему-то высшему, поиск

этого высшего. Святитель Феофан Затворник называет эту составляющую – *поиском Бога или жаждой Бога*. Стремление к Богу заложено в нашей природе, только в Нем можно обрести покой и посмотреть на свою жизнь с другой стороны, в том числе и на различные проблемы. Но не все откликаются на этот призыв, имеющий уши – да слышит, имеющий глаза – да видит. Пожалуй каждый православный христианин старается регулярно бывать в храме за богослужением, исполнять молитвенное правило, стремится свою жизнь сосредоточить в Боге – жить по Евангелию, стремиться хоть как-то, но исполнить заповедь Спасителя о любви к Нему и к ближнему: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя; на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки» (Мф. 22. 37) [1. С. 1042]. На Литургии священник произносит возглас: «Святая святым», но по тем или иным причинам не на каждой службе человек готов откликнуться на этот призыв. Суть и вершина Литургии – в первую очередь Евхаристия, это Тайная вечеря Господа Иисуса Христа с учениками. И вот возникает вопрос, как же быть в этом случае православному христианину, ведь этот возглас относится и к нему, а не только к служащему священнику, который должен обязательно причащаться за каждой службой.

Существует много точек зрения по этому поводу, одни полагают, что частое причащение является допустимым и к этому нужно стремиться всем христианам. Другие же думают, что причастие более одного раза в месяц, например, каждую неделю, недопустимо, является своего рода обновленчеством и ведет к «духовной прелести».

Данной темы можно было не касаться, по двум причинам, во-первых, количество мирян, которые причащаются часто не велико. Эта категория людей, либо имеет духовное руководство, то есть с помощью духовника или сами могут дать правильную оценку выше перечисленным мнениям. А, во-вторых, о частоте причащении уже писали Даниил Сысоев, архимандрит Рафаил (Карелин) и др. Например, архимандрит Рафаил говорит, что святые отцы вплоть до XVIII века призывали людей причащаться часто; из них святой праведный Иоанн Кронштадтский, говорил, что, если человек готов приступить к Таин-

ству Евхаристии, то может причащаться даже ежедневно, а святитель Феофан Затворник утверждал, что редкое причащение вошло в практику из-за охлаждения веры у людей [2].

Однако у противников частого причащения встречаются утверждения, что Русская Православная Церковь с начала своего основания и до XX в. придерживалась практики редкого причащения. Сонм наших святых, таких как святитель Димитрий Ростовской, Филарет Московский, Игнатий Брянчанинов, Феофан Затворник, преподобные Серафим Саровский, Оптинские старцы Леонид, Макарий, Амвросий, Варсонофий призывали мирян к редкому причащению, при этом предупреждали, что учащать нельзя.

Господь Иисус Христос устанавливает Таинство Евхаристии, как самый основной источник благодатного обновления – воскресения души. Перед установлением Он обратился к ученикам с такими словами: «Хлеб же, который Я дам, есть Плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира» (Ин. 6. 51) [1. С. 1137]. То есть пища, которую Я хочу вам дать, – это Плоть Моя, которую Я хочу отдать для оживотворения всего мира. Это означает, что Божественное Причащение для верующих – необходимая и, можно сказать, главная составляющая духовной жизни, жизни во Христе, жизни с Богом. И по словам апостола Павла, который говорит: «духа не угашайте» (1Фес. 5. 19) [1. С. 1297] эта духовная жизнь не должна угашаться и прерываться, но должна быть постоянной и непрерывной, «чтобы живущие уже не для себя жили, но для Умершего за них и Воскресшего» (2 Кор. 5. 15) [1. С. 1265] Иисуса Христа. В другом месте Евангелия мы слышим слова Христа: «Истинно, истинно говорю вам: если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни» (Ин. 6. 53) [1. С. 1137]. Здесь мы видим двойное повеление Господа, наподобие Он говорит Никодиму о Крещении: «Истинно, истинно говорю тебе, если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие» (Ин. 3. 5) [1. С. 1130]. Согласно Евангелию, без Крещения невозможно войти в Небесный чертог, а без Евхаристии невозможно иметь жизни в себе.

Когда Господь устанавливает это Таинство, Он не говорил ученикам в виде совета: «Кто хочет, пусть ест Мое Тело, и кто хочет, пусть пьет Мою

Кровь», подобно тому, как Он сказал: «Если кто хочет идти за Мною» (Мф. 16. 24) [1. С. 1033] или же «если хочешь быть совершенным» (Мф. 19. 21) [1. С. 1037], но провозглашает в форме повеления, призыва: «Приимите, ешьте, это Мое Тело», а также «пейте из нее все, это Кровь Моя» (Мф. 26. 26-28), добавляя при этом «Сие творите в Мое воспоминание» (Лк. 22. 19) [1. С. 1120].

Обратимся к тексту из послания апостола Павла к Коринфянам: «Далее, вы собираетесь, так, что это не значит вкушать вечерю Господню; ибо всякий поспешает прежде других есть свою пищу, так что иной бывает голоден, а иной упивается. Разве у вас нет домов на то, чтобы есть и пить? <...> Посему, кто будет есть хлеб сей или пить чашу Господню недостойно, виновен будет против Тела и Крови Господней. Да испытывает же себя человек, и таким образом пусть ест от хлеба сего и пьет из чаши сей. Ибо, кто ест и пьет недостойно, тот ест и пьет осуждение себе, не рассуждая о Теле Господнем. Оттого многие из вас немощны и больны, и немало умирает. <...> Посему, братия мои, собираясь на вечерю, друг друга ждите. А если кто голоден, пусть ест дома, чтобы собираться вам не на осуждение» (1 Кор. 11. 20 – 34) [1. С. 1254].

Представим такую ситуацию: на «Вечерю любви» или Ага́па (греч. ἀγάπη – любовь), собираются люди, которые приносят продукты для общей трапезы, но есть и те, которые по каким-то причинам не приносят их. Как будут реагировать первые? Можно предположить, что со временем это вызовет недовольство со стороны первых, и вторые будут пренебрегаемы. Какая тогда может быть «любовь» на «Вечере любви». Вот апостол и обращается к христианам: рассуждайте, как вы относитесь к своему ближнему, нет ли у вас пренебрежения к таким людям, ведь такое отношение угашает любовь.

Эти слова святитель Иоанн Златоуст объясняет следующим образом: Павел повелевает одно – «время для приступания к тайнам и причащения, – *когда чиста совесть*» [3. С. 157].

Подобным образом объясняет эти слова и блаженный Феофилакт Болгарский: «Павел указывает высочайшее благо в том, чтобы приступать с чистой совестью, и говорит: я не поставлю судьей над тобой другого, но тебя самого. Итак, оправдайся пред своей совестью, и таким образом приступай, не тогда, когда будут праздники, но когда найдешь себя чистым и достойным» [4. С. 341].

В древнехристианском источнике «Учение Господа народам чрез 12 апостолов» или сокращенно «Дидахе» говорится: кто свят, приступай ко причастию, если же чувствуешь, что имеешь греховное перед Богом и людьми, то покаяйся в этом [5]. Это глава называется «Действие благодати». Эти единственные строки говорят о покаянии и призывают человека рассмотреть свою совесть в вышеприведенных заповедях, если кто погрешит, то пусть принесёт покаяние, и тогда при прощении Церкви, а как мы знаем, первые христиане каялись публично перед всей общиной, тогда, после этого только приступает к Евхаристии. И здесь же слова: «Маран-афа» или «Гряди, Господи», кото-

Фреска из Римских катакомб Петра и Марцеллина с изображением Христа и предстоящих Святых Первоверховных апостолов Петра и Павла (III в.). В нижнем регистре – Агнец и четверо мучеников, погребенных в этих катакомбах

рые мы также находим в 1-м послании к Коринфянам святого апостола Павла (1Кор. 16. 22) [1. С. 1260]. Тогда христианская община ждала этой встрече, жила этим, чтобы перед Богом предстать в непорочности и святости, отсюда и высота духовной жизни первых христиан, и частое приобщение Святых Христовых Таин. Подготовка заключалось только в одном – в чистоте совести. Человек явно понимал, что может ему грозить, если Он будет причащаться, находясь в нераскаянном состоянии, болезнь или даже смерть может постигнуть его, о чем свидетельствует апостол Павел: «многие из вас немощны и больны и немало умирает» (1Кор. 11. 30) [1. С. 1255].

Если мы также обратимся к правилам апостольским, то понимание древних христиан было такое: если человек был на Литургии, но не причащался, его отлучали от Церкви, как оскорбившего Бога. Который призывает все собрание христиан словами: «Приимите, ядите, Сие есть Тело Мое, еже за вы ломимое во оставление грехов. Пийте от Нея вси, Сия есть Кровь Моя Нового Завета» (Мф. 26, 26 – 27) [1. С. 1048], а затем призыв ко причастию «со страхом и верой». Христос проливает Свою Пречистую Кровь и дает нам Ее в пищу, а получается следующее, человеку как будто не нужно это, жертва Христова не нужна. Нет желания стать причастником Страданий Христовых, нет желания воскресать вместе с Ним. Поэтому людей и отлучали от Церкви.

Отцы Церкви засвидетельствовали свою святость духовным подвигом, который они несли ради Господа Иисуса Христа. Их учение входит в состав Священного Предания, которое, как и Священное Писание, дано людям для спасения. Святоотеческий взгляд для нас является важным, потому что это «реальный», живой опыт людей, прошедших путь обожения. Ведь одно говорить о «духовности», а другое воплотить это в жизнь. В этой главе мы рассмотрим высказывания святых отцов по поводу Таинства Евхаристии.

Божественный Иоанн Дамаскин размышляет о причащении с точки зрения дихотомии, так как мы являемся двусоставными, «то надлежит и рождению у нас быть двоякому, и ястию сложну» [6. С. 398 – 399]. В Крещении мы рождаемся водою и Духом, при этом с водою и елеем Господь сочетал благодать Святого Духа. А в причастии с хлебом и вином сочетал Он Свое Божество и сотворил их Своим Телом и Своею Кровию, «дабы чрез то, что обычно

и что по естеству бывает, бывать нам в состоянии, которое выше естества» [6. С. 398 – 399].

Подобное этому пишет, и святитель Василий Великий говоря, что «хорошо и преполезно» ежедневно приобщаться и принимать Святые Тайны; потому как Сам Христос ясно говорит: «Ядый Мою плоть и пияй Мою кровь, имать живот вечный» (Ин. 6. 54) [1. С. 1137]. «Мы причащаемся четыре раза каждую седмицу: в день Господень, в среду, в пяток и субботу, также и в иные дни, если бывает память какого святого» [6. С. С. 398 – 399]. В анафоре Литургии святителя Василия есть также такие слова: «Нас же всех от Единого Хлеба и чаши причащающихся соедини друг ко другу во едино Духа Святого Причащение» [7. С. 241].

В Герондике описывается следующий случай, когда святой Иоанн Вострский, который имел власть над духами нечистыми, спросил однажды у бесов, живших в бесноватых отроковицах, каких вещей они бояться у христиан? На что те ответили: нательного креста; Крещения и Святой Евхаристии. «Когда спросил он их еще: из сих трех, чего больше боитесь вы? они сказали: если бы вы добре хранили то, чего причащаетесь, то никто из нас не возмог бы оскорбить христианина» [7. С. 400].

На вопрос о том, как часто причащаться преподобный Паисий Святогорец отвечает, что «нельзя всех людей подогнать под одну гребенку» [7. С. 326]. Определить это может духовник. «Все зависит от того, сколько у человека крепости. Если же человек ведет внимательную духовную жизнь, он может приступать к Таинству Святого Причащения тогда, когда чувствует необходимость в Нем, а не просто по привычке. Но и такой человек должен иметь на это благословение духовника» [8. С. 326].

В церковной среде можно встретить разные точки зрения на счет частого и редкого причащения. Так, например, есть сторонники редкого причащения, которые приводят следующий аргумент в свой адрес – это слова святителя Димитрия Ростовского: «Святая Церковь узаконила причащаться во все четыре поста; но неграмотным – поселянам и мирянам, труждающимся своими руками, повелела, под опасением смертного греха за непослушание и непричащение, причащаться непременно однажды в год, около Святой Пасхи, то есть в Великий пост» [9].

Но как видно запрета на частое причащение здесь нет. Святитель говорит про минимальную норму, но он не говорит, будто это есть «истина в последней инстанции».

Во времена святителя многие христиане причащались либо всего однажды за всю жизнь, либо совсем не причащались. И это было даже в церковной среде: иерейские жены и дети никогда не приобщались, а когда сыновья иереев поставлялись на места своих отцов, то при вопросе, давно ли причащались, как свидетельствует источник, «многие откровенно говорят, что не помнят, когда причащались. О, окаянные иереи, нерадящие о своем доме! Как могут радеть о святой Церкви, не приводя домашних своих ко святому причащению?» [10].

Приведем некоторые примеры из жития святых, которые составил святитель. Преподобный Онуфрий Великий, например, причащался каждую субботу и воскресенье, причем таинственным, чудесным образом. Он рассказывал: «Ко мне приходит ангел Господень, который и приносит с собой Пречистые Тайны Христовы и причащает меня. И не ко мне только одному приходит ангел с причастием Божественным, но и к прочим подвижникам пустынным, живущим ради Бога в пустыне и не видящим лица человеческого» [11]. Преподобный Аполлоний Египетский (IV в.) «ввел в своей обители такое правило, что иноки, подвизавшиеся с ним, не прежде вкушали пищу, как причастившись сперва святых Христовых Таин. Обычно это совершалось ежедневно в девятом часу утра, а потом иноки садились за трапезу» [10].

Святитель Димитрий в своем труде затрагивает вопрос о частоте причащения не только монахов, но и мирян. Например, святой Алексей, Человек Божий, который был мирянином, каждый день пребывая на богослужении причащался Святых Таин Христовых. Праведная Марфа Антиохийская, постоянно находилась в храме Божиим и часто причащалась. Святитель Феодор Сикеот, когда был отроком, во время Великого поста причащался каждый день [10].

Два случая о частоте причащения описываются в Житиях святых. Первый случай описывается в житии преподобного Макария Великого, когда некая женщина-христианка подверглась бесовским чарам, в результате чего казалась окружающим лошадью. Она приняла обычный вид после того, как преподобный Макарий, освятив воду с молитвой, вылил ее на женщину. При этом дал

такое наставление, «чтобы она как можно чаще ходила в храм Божий и причащалась святых Христовых таин» [12]. Происшедшее с этой женщиной, преподобный Макарий объяснил тем, что она уже пять недель была без причащения.

Второй случай описывается в житии преподобномученика Епиктета: у некоего офицера была парализованна дочь, и он принес ее к святому, чтобы она исцелилась. Святой, «помолясь усердно Богу, помазал святым елеем расслабленную отроковицу. Та тотчас же выздоровела и встала на ноги свои. Преподобный же сказал офицеру: «Возлюбленный! Если ты хочешь, чтобы в доме твоём никто не болел, причащайся со всеми твоими домашними каждое воскресенье Божественных Таин Тела и Крови Христовой, надлежащим образом предварительно очистив сердце свое» [13].

Когда преподобного Серафима Саровского спросили, как часто приступать к Таинству Евхаристии, он ответил: «Чем чаще, тем лучше» [14. С. 20]. Во время поступления в монастырь, сам он заболел водянкой и выздоровел от Причащения Святых Христовых Таин.

Дивеевским сестрам преподобный Серафим оставил следующее правило: «Не следует пропускать случая как можно чаще пользоваться благодатию, даруемой приобщением Святых Христовых Таин. Стараясь по возможности сосредоточиться в смиренном сознании всецелой греховности своей, с упованием и твердою верою в неизреченное Божие милосердие, следует приступать к искупляющему вся и всех Святому Таинству, умиленно говоря: «Согрешил, Господи, душою, сердцем, словом, помышлением и всеми моими чувствами».

Духовнику Дивеевской обители отцу Василию святой дал следующее наставление: «Приобщаться Святых Христовых Животворящих Таин заповедую им, батюшка, во все четыре поста и двенадесятые праздники; даже велю и в большие праздничные дни: чем чаще, тем и лучшее. Ты, духовный отец их, не возбраняй, сказываю тебе: потому что благодать, даруемая нам приобщением, так велика, что как бы ни недостоин и как бы ни грешен был человек, но лишь бы в смиренном токмо сознании всегреховности своей приступал к Господу, искупляющему всех нас, хотя бы от головы до ног покрытых язвами грехов, и будет очищаться, батюшка, благодатию Христовою, всё более и более светлеть, совсем просветлеет и спасется» [14. С. 20].

Основная мысль этих слов заключается в том, чтобы необходимо сколь-либо это возможно сосредоточиться на смиренном состоянии своей всецелой греховности, причащаться с твердой верой и упованием на милосердие Божие.

По слову преподобного, если человек причащается, то это отражается и на его роде: «Благоговейно причащающийся Святых Тайн, и не однажды в год, будет спасен, благополучен, и на самой земле долговечен. Верую, <...> что по великой благодати Божией ознаменуется благодать и на роде причащающегося. Пред Господом один творящий волю Его, паче тьмы беззаконных» [14. С. 20].

Одному сомневающемуся монаху преподобный Серафим сказал: «Если даже и океан наполним своими слезами, то и тогда не будем достойны Причастия, Свою благодать Господь изливает на нас даром, «питая нас Пречистой Своею Плотию и Кровию, которые нас омывают, очищают, оживотворяют и воскрешают. Итак, приступи без сомнения и не смущайся; только веруй, что это есть истинное Тело и Кровь Господа нашего Иисуса Христа, которые даются во исцеление всех наших грехов» [15].

В Русской Православной Церкви есть документ «Об участии верных в Евхаристии», этот документ одобрен на Архиерейском Собрании Русской Православной Церкви, прошедшем 2 – 3 февраля 2015 г. в Храме Христа Спасителя в Москве. В этом документе дано четкое понимание как необходимо готовиться, кому и когда можно причащаться.

Этот документ дает и определение того, кто такой духовный наставник. Это священнослужитель, у которого человек постоянно исповедуется, который также знаком с жизненными обстоятельствами и духовным состоянием исповедующегося. Подчеркивается и сама цель подготовки – не внешнее выполнение формальных условий, но «обретение покаянного состояния души, прощение обид, о чем мы упомянули выше, примирение со всеми, соединение со Христом в Святых Тайнах. Памятуя о словах Спасителя, обличающего тех, кто возлагает на людей бремена тяжелые и неудобноносимые (см.: Мф. 23. 4) [1. С. 1042], духовникам следует осознавать, что неоправданная строгость, равно как и чрезмерное снисхождение способны воспрепятствовать соединению человека со Христом Спасителем, принести ему духовный вред» [15].

В частности, документ говорит и о причащении мирян в «Светлую седмицу» – неделю после праздника Пасхи Христовой, а также в период между Рождеством и Богоявлением – «Святками». В 66-м правиле Трулльского Собора говорится, что «от святого дня Воскресения Христа Бога нашего до Недели Новья, во всю седмицу верные должны во святых церквах непрестанно упражняться во псалмах и пениях и песнях духовных, радуясь и торжествуя во Христе, и чтению Божественных Писаний внимая, и Святыми Таинами наслаждаяся. Ибо таким образом со Христом купно воскреснем, и вознесемся». На Светлой седмице Уставом не предусмотрен пост, потому как этому предшествовали семь недель подвига Святой Четыредесятницы и Страстной седмицы. Исходя из этого следует признать соответствующую каноническому преданию практику, которая сложилась во многих приходах Русской Православной Церкви. Согласно этой практике христиане, соблюдавшие Великий пост на Светлой седмице (это же и касается Рождественского поста и периода «Святок»), приступают ко святому причащению без поста, но воздерживаясь от вкушения пищи после полуночи и от чрезмерного объедения и питья.

Если коснутся жизни студентов Пермской духовной семинарии, следует отметить, что она является разносторонней. Это выражается не только в объеме и сложности учебных курсов, но и в *воспитании литургической дисциплины*, а также в исполнении студентами различных «*послушаний*», в том числе *богослужебных* – пономарского и клиросного, помогающих подготовиться к будущему служению Церкви.

Жизнь священнослужителя в своей основе всегда связана с богослужением. И главным здесь является принесение бескровной жертвы Господа Иисуса Христа и причастие Его Тела и Крови. Пребывание в стенах семинарии готовит, прежде всего, к этому.

Во время одной из своих проповедей, митрополит Пермский и Кунгурский Мефодий, ректор Пермской Духовной семинарии, сказал, что перед Октябрьской революцией 1917 г. среди семинаристов *лишь единицы* подходили к Святой Чаше. Вот почему сейчас в семинарии уделяется особе внимание *высшей и самой сокровенной стороне церковной жизни*. Без укрепляющей благодат-

ной помощи от Господа обучение превратилось в чистую схоластику. «Если ты богослов, то будешь молиться истинно, – замечал Евагрий Понтийский, – и если истинно молишься, то ты богослов» [16. С. 83]. Посредством Таинств человек очищается – «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф. 5. 8) [1. С. 1015] – и Господь открывается ему, *не только умственно-логически, но и опытно, действием Божественных энергий.*

Неотъемлемая часть духовного воспитания состоит именно в том, чтобы *заложить стремление к обретению даров Духа Святого:* «любви, радости, мира, долготерпения, благодати, милосердия, веры, кротости, воздержания» (Гал. 5. 22 – 23) [1. С. 1278]. Для того чтобы в последствии всегда быть готовым «всякому, требующему у вас отчета в вашем уповании, дать ответ с кротостью и благоговением» (1Пет. 3. 15) [1. С. 1212], своей жизнью свидетельствовать об Иисусе Христе.

Семинарские послушания, пожалуй, одна из самых сложных сторон внутренней жизни нашей школы, предполагают постоянное взаимодействие с другими людьми, что служит хорошим способом *узнать себя настоящего.* Проходя их, обнаруживая свои несовершенства, студенты испытывают потребность в регулярной исповеди и причащении, и уже опытно познают слова Христа: «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я упокою вас» (Матф. 11. 28) [1. С. 1025].

Одним из главных условий достойного приготовления к причастию является примирение с окружающими, как сказано в молитве: «Первое примирися ты опечалившим. Таже дерзая таинственное брашно яждь» [17. С. 66]. В монастырской практике существует такая традиция, когда после вечернего правила вся братия, испрашивает прощение друг у друга, при этом полагается делать земной поклон, смиряя себя перед ближним. Искреннее примирение очень важно в духовных учреждениях; здесь есть свои искушения, бывают конфликты. Конечно, когда число учащихся велико, монастырская практика будет неуместной, но если ситуация позволяет, древний христианский обычай может принести добрые плоды.

У нас, как и в каждой семинарии есть священники, окормляющие студентов. Работа духовного наставника является одним из основополагающих

моментов закладки пастырского воспитания. Дать совет, помочь разобраться в сложной ситуации, бывает зачастую очень важно. Чувствуя не безразличность к себе, студент получает внутреннюю уверенность и поддержку, может решить накопившиеся вопросы.

Итак, заповедь о Таинстве Евхаристии, данная Господом нашим Иисусом Христом в Священном Писании Нового Завета, указывает, что это Таинство – *средоточие всей духовной жизни* – и есть путь к обожению человека, преображению его поврежденной первородным грехом природы и обретению утраченного подобия Спасителю. Если каждая Евангельская заповедь непреложна, то непреложны и слова Спасителя: «если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни» (Ин. 6. 53) [1. С. 1137].

Причащаться часто или редко будет зависеть всегда от человека, от условий его жизни, занятости, семьи и т.д. Если есть стремление к Таинству, всегда найдется время для подготовки, ведь подготовка – это не только молитвенное правило (состоящее из канонов и Последования), но и изменение образа жизни, стремление к тому, чтобы жить так, как учит Иисус Христос. *Этим* будет определяться достойное и недостойное Причастие.

Желание человека измениться, скинуть с себя «ветхую одежду» и облечься в нетление зависит от него самого, благодать же для внутреннего изменения дается Богом – источником, подателем всех благ. Он совершитель, Он зрит на сердца человека, только бы оно было направлено к Нему, стремилось хоть в малом быть верным Ему. И тогда *вечная жизнь* («Царствие Божие» в душе) будет отнюдь не абстракцией, она *будет становиться* уже здесь, во время пребывания христианина на земле, и преобразование человека из таинственного будет переходить в видимое.

Список источников и литературы

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. В русском переводе с параллельными местами и приложе-

- ниями. Перепечатано с издания Московской Патриархии. М.: Российское Библейское общество, 2010.
2. Даниил Сысоев, свящ. О частом причащении Святых Христовых Тайн. // URL <https://azbyka.ru/o-chastom-prichashhenii-svyatых-xristovykh-tain> (дата обращения: 26.04.17).
 3. Священное Писание в толкованиях святителя Иоанна Златоуста. Том VIII. Беседа на Первое послание к Коринфянам. М.: «Ковчег», 2006.
 4. Блаж. Феофилакт Болгарский. Толкование на Деяния и Послания святых апостолов. ТОМ 2. М.: Изд. Сибирская Благовонница, 2009.
 5. Учение Господа, (переданное) народам через 12 апостолов (Дидахе). // URL https://azbyka.ru/otechnik/pravila/didahe_rus/ (дата обращения: 26.04.17).
 6. Добротолюбие. Том V. Каллист Патриарх и Игнатий Ксанфопула. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2010.
 7. Служебник. М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2011.
 8. Блаженной памяти старец Паисий Святогорец. Духовная борьба. Том III. М.: Издательский дом «Святая Гора», 2010.
 9. Святитель Димитрий Ростовский. Краткие вопросы и ответы о вере и других важнейших для христианина предметах знания. // URL https://azbyka.ru/otechnik/Dmitrij_Rostovskij/kratie-voprosy-i-otvety/2_3 (дата обращения: 26.04.17).
 10. Георгий Максимов, свящ. Правда о практике частого причащения. Часть 1. // URL <http://www.pravoslavie.ru/5783> (дата обращения: 26.04.17).
 11. Жития святых (Димитрий Ростовский)/Июнь/12. Житие преподобного отца нашего Онуфрия Великого. // URL [https://ru.wikisource.org/wiki/Жития_святых_\(Димитрий_Ростовский\)/Июнь/12](https://ru.wikisource.org/wiki/Жития_святых_(Димитрий_Ростовский)/Июнь/12) (дата обращения: 26.04.17).
 12. Свт. Димитрий Ростовский. Житие преподобного отца нашего Макария Египетского. // URL https://azbyka.ru/otechnik/Dmitrij_Rostovskij/zhitija-svjatykh/63 (дата обращения: 26.04.17).

13. Свт. Димитрий Ростовский. Житие и страдание святых преподобно-мучеников Епиктета пресвитера и Астиона монаха. // URL http://www.biblioteka3.ru/biblioteka/dimitr_rostov/ijul/txt21.html (дата обращения: 26.04.17).
14. Митрополит Вениамин (Федченков). Всемирный светильник. Житие преподобного Серафими Саровского. М.: Изд. «ДАРЪ», 2006.
15. Митрополит Вениамин (Федченков). Всемирный светильник. Преподобный Серафим Саровский. // URL https://azbyka.ru/otechnik/Veniamin_Fedchenkov/vsemirnyj-svetilnik-prepodobnyj-serafim-sarovskij/ (дата обращения: 26.04.17).
16. Евагрий Понтийский, авва. Аскетические и богословские трактаты. М., 1994.
17. Православный молитвослов. М.: Даниловский благовестник, 2013.

Deacon Evgenii Startsev

a 2018 graduate of churchmen department, Perm Religious Seminary

ORTHODOX TRADITIONS AND MODERN VIEWS ON TRAINING AND PARTICIPATION IN MYSTERY OF EUCHARIST

Abstract. The paper describes two historical approaches to the practices of giving the Eucharist. The author looks at the arguments from the advocates of frequent and rare Communion and gives his own understanding of identifying whether a Christian is ready for receiving a crucial sacrament of Church and of “well-deserved” Communion.

Key words: sacrament of Eucharist, a way to Theosis, frequent and rare Communion, preparation for Communion, “well-deserved” Communion.

Анатолий Владимирович Жохов

*кандидат философских наук,
преподаватель философии
Пермской Духовной семинарии,
ведущий Пермского городского
научно-богословского клуба «Логос»*

**ПЕРЕЛОЖЕНИЕ 118-ГО ПСАЛМА
ПЕРМЬ. 1973**

«Ко дню моего рождения,
17 мая, Анатолий
подарил мне прекрасное
поэтическое переложение
Псалма 118-го (176 стихов).

Этот замечательный его труд,
на Библейскую тему, отличается
искренностью души, чистотой
мысли и красотой слога.

Мы с матушкой приняли
сей дар с приятным волнением,
были очень тронуты,
довольны и благодарны
нашему доброму сыну».

+Протоиерей Владимир Жохов

*С сыновней любовью
посвящаю отцу моему
протоиерею Владимиру Платоновичу Жохову.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагая вниманию читателя мое переложение 118-го псалма, скажу несколько слов о причинах, побудивших взяться меня за перо. Что вообще заставляет человека обращаться к произведениям давно прошедших времен? Что побуждало художника Пикассо переосмысливать в своем творчестве картины Веласкеса? Какими мыслями руководствовался пианист и композитор Бузони при транскрипции гениальных произведений Баха? Что заставляло Ломоносова, Хомякова, Языкова, Мея и других поэтов браться за переложение изумляющих своей поэтичностью и сильным чувством библейских псалмов? Уж, конечно, не стремление возвыситься над творениями прославленных мастеров и мыслителей прошлого. Ими, прежде всего, руководило чувство безграничного преклонения перед художественным гением и стремление как-то более ощутимо и действенно выразить свой восторг перед тем или иным выдающимся произведением.

118-ый псалом занимал мои мысли с детских лет. Сперва, конечно, совершенно бессознательно я чувствовал в нем какую-то особую значительность и глубину. Постепенно, становясь старше, и постоянно перечитывая его, я открывал для себя в нем все новые и новые мысли и все больше поражался необычайно яркому и сильному языку этого произведения. С тех пор, как я узнал некоторые отличительные особенности 118-го псалма, резко выделяющие его от остальных 150-ти, мной неотступно владела мысль сделать его переложение. Какие-то незначительные опыты в переложении псалмов были у меня и

раньше, но я понимал, что они не идут ни в какое сравнение с грандиозностью той задачи, которую я себе намереваюсь поставить.

Чем же покорила меня 118-ый псалом? Псалом этот отличается от других такими видными особенностями, которых нельзя не заметить с первого же раза. Прежде всего, по количеству стихов он стоит на первом месте не только среди прочих псалмов, но и среди всех глав Библии. Кроме того, сразу же бросается в глаза тот факт, что каждый из 176 стихов говорит что-нибудь о законе Божиим, обозначая его только разными именами, такими как «устав», «слово», «откровение», «путь», «заповедь», «суд», «повеление» и т.д. Несмотря на то, что эти различные наименования закона обозначают одно и то же, они имеют весьма существенные оттенки. Так, например, под «законом» подразумевается общее указание, основное родовое понятие, указывающее на те непреложные нормы, которым подчиняются в своем строении и деятельности как природа физическая, так и духовная жизнь человека. «Откровения» – это особые повеления, сообщенные Высшим Разумом человеку для его духовного роста. Этот закон есть «путь», который указывает направление деятельности человека для достижения определенной ему цели существования на земле. «Повеления» – это частные предписания, дающие указания направлению деятельности в разных видах жизни – семейной, общественной, религиозной и др. «Заповеди» – это пределы, указывающие границы того, что дозволено и полезно человеку в жизни.

Автор псалма восхваляет и считает счастливым того, кто не отступал от закона и точно следовал ему. В исполнении закона он видит условие душевного спокойствия и нравственного удовлетворения, находит отраду и успокоение, черпает веру, торжество правды и энергию для своей деятельности.

Еще одна характеристическая особенность псалма выделяет его среди других. Дело в том, что этот псалом является в еврейском подлиннике алфавитным акростихом, в котором на каждую из 22 букв еврейского алфавита начинается подряд 8 стихов. Таким образом, умножив 8 на 22, мы и получим 176 – т.е. количество стихов псалма.

Крупнейший средневековый комментатор Библии Ориген /185 – 254/ свидетельствует о том, что евреи имели обычай заставлять своих детей вместе с

алфавитом заучивать и этот псалом. При этом преследовалась двоякая цель: обучить грамоте и дать нравственное руководство на всю жизнь. 118-ый псалом, как и другие псалмы, – это лирическое произведение, в котором автор знакомит нас с переживаемыми им чувствами. Изложение здесь не всегда отличается строго-логической последовательностью и выдержанностью самого тона и характера выражения мыслей; часто в них не замечается связи, встречаются неожиданные переходы от одного предмета к другому, печальный характер изложения переходит в радостный и наоборот. Да это и понятно: живая непосредственность чувства и рассудочные требования логической связанности и точности в формулировке мыслей не могут быть всегда в согласии.

При переложении я старался в основном использовать слова и выражения псалмопевца, чтобы сохранить аромат подлинника, но, разумеется, некоторая модернизация оказалась неизбежной /как и в любом переложении/. О том, в какой мере я справился со своей задачей, пусть судит читатель.

Май 1973 г.

/АЛЛИЛУИЯ/

I

1. Блаженны непорочные в пути;
Их ждут врата Небесного Чертога.
И я хочу спасение найти,
Блюдя закон, полученный от Бога.
2. Блаженны все хранящие в сердцах
Следы Господних светлых откровений.
Блаженны все, кто ищет без конца
Свиданий с Богом – сладостных мгновений.
3. Они от зла уходят каждый раз,
Когда нечистый подставляет ногу.
Награда им – восторженный экстаз,
Который верных приближает к Богу.
4. Ты заповедал твердо сохранять
Слова простых, бесхитростных учений.
О, если бы могли Тебя понять
Народы мира, все без исключений!
5. О, если бы направились пути
К Тебе, как истинному центру круга,
Тогда бы все могли в Тебе найти
Единственного любящего друга.
6. Тогда я не стыдился бы себя,
Взирая на священные заветы,
И, может быть, лишь истину любя,
На все вопросы получил ответы.

7. Я славил бы Тебя, как только мог.
И, поучаясь правде совершенной,
Постиг однажды, как предвечный Бог
От века управляет во вселенной.

8. Хранить уставы я Твои хочу.
Не оставляй меня, прошу, Владыка,
И я, Твой раб, возможность получу
Увидеть свет Божественного Лица.

II

9. Как юноше – незрелому уму –
Найти свой путь к Небесному Чертогу? –
Хранить себя по слову Твоему
И всей душой всегда стремиться к Богу.

10. Ищу Тебя без устали, Творец,
И сердце каждый день к Тебе стремится.
Не дай мне, многолюбящий Отец,
От заповедей вечных уклониться.

11. Я словно драгоценность берегу
Твои слова, сокрыв в душе глубоко.
Ты видишь все; перед Тобой не лгу
И не грешу, Всевидящее Око.

12. Благословен Ты, Господи! Приди
И научи меня Твоим заветам.
Передо мной мерцает впереди
Звезда любви Твоей волшебным светом.

13. Я возвещал суды Твои, Господь,
Своими многорешными устами.
И духом правды страждущую плоть
Наполнил Ты незримыми перстами.

14. И, радуясь, что духом я богат,
Иду вперед путями откровений,
И возвещаю людям, как Ты свят –
Единственная цель моих стремлений.

15. Я размышляю часто день и ночь,
Стремясь постигнуть заповеди Божьи,
И, трудности пытаясь превозмочь,
Порой с пути сбиваюсь в бездорожье.

16. Но и тогда не забываю слов,
Которые коснулись в детстве слуха,
И потрясли мой разум до основ
Могучей силой творческого духа.

III

17. Яви же милость Твоему рабу,
И буду жить, храня святое слово.
Я не ропщу в час скорби на судьбу
За то, что бьет меня подчас сурово.

18. Открой мне очи, Славный в Небесах,
Слепорожденный просит сделать милость,
И я закон постигну в чудесах
Таких, какие даже и не снились.

19. Я только странник на земле отцов,
И вьется путь передо мной туманный.
Прошу Тебя, чтобы в конце концов
Твой раб достиг земли обетованной.

20. Меня томит желание всегда
Приблизиться к Тебе хоть на мгновенье.
Коснись меня – и получу тогда
От всех моих недугов исцеленье.

21. Ты укротил пороки злых людей:
Гордыню, зависть, жадность и коварство,
И сделал так, чтоб даже и злодей
Имел возможность заработать Царство.

22. Сними с меня позор ушедших лет,
Из памяти изгладь его навеки. –
И откровений негасимый свет
Зажжется ярко в новом человеке.

23. Князья сидят; коварны их сердца,
И много мыслей в голове лукавых.
А я, надеясь на любовь Отца,
Все размышляю о Его уставах.

24. Ты – Утешитель несказанный мой.
Твои уставы для меня – опора.
И часто плоть мне кажется тюрьмой,
Откуда я избавлюсь очень скоро.

IV

25. Душа моя повержена во прах.
Порой в пыли мирской она влачится,
Но и тогда, преодолевая страх,
В Твой дом она без усталости стучится.

26. Я объявил: вот, Господи, мой путь.
И Ты услышишь голос мой негромкий.
О, дай понять Твоих уставов суть,
Чтобы в душе рассеялись потемки.

27. Дай, Утешитель, мне уразуметь
Пути земные тайны сокровенной, –
И буду я в восторге гимны петь,
И размышлять о чудесах вселенной.

28. Душа моя тоскует и скорбит,
И без поддержки дух истаевает.
Ты далеко – и горем я убит,
Ты рядом, здесь – и сердце оживает.

29. Я не хочу идти путями лжи.
Не оставляй меня среди обмана,
Закон Твой даруй, выход укажи
Из темноты греховного тумана.

30. Я на земле путь истины избрал,
И пред собой суды Твои поставил.
И сколько бы в беду не попадал –
Всегда Тебя, Всемилостивый, славил.

31. Я прилепился к слову Твоему.
Оно для сердца — как бальзам для раны.
Ты раскрываешь чудеса уму
И возрождаешь гибнущие страны.

32. Когда расширишь сердце мне в груди,
Тогда я потеку путем завета,
И вечно буду видеть впереди
Сияние немеркнущего света.

V

33. Мне Твой устав нетрудно соблюдать,
Не тяжела далекая дорога,
Когда в душе струится благодать —
Бесценный дар всевидящего Бога.

34. О, вразуми, и буду до конца
Хранить закон — великую святыню.
Кто видел славу Божьего Лица, —
Тот умирил в душе своей гордыню.

35. Поставь меня на заповедный путь.
Я возжелал его душою всею,
И, может быть, к Тебе когда-нибудь
Я добрести стезей любви сумею.

36. Корыстны все; и я из их числа.
Так приклони же сердце к откровенью,
Чтоб вера в нем безмерно возросла
И привела от смерти ко спасенью.

37. Чтобы не видеть больше суеты
Я отвращаю от безумья очи,
И, животворной полон красоты,
Мой дух спасенье близкое пророчит.

38. И вечно буду я благоговеть,
Когда стою в молитве пред Тобою.
И, вот, молясь, прошу Тебя: ответь,
Как мне подняться над своей судьбою?

39. Ты отвращаешь поношений тьму,
Которые страшат меня повсюду.
И, доверяясь Твоему уму,
Я на земле всегда счастливым буду.

40. Я возжелал закона Твоего,
Лишь истины Твоей животворящей,
И кроме правды больше ничего
Я не хочу от жизни настоящей.

VI

41. Ты обещал спасение рабу.
Так пусть придут же милости Господни, –
Тогда бесстрашно поведу борьбу
Против грехов – посланцев преисподней.

42. Я дам ответ на ложь клеветника –
И поноситель злобный посрамится.
У слова правды сила велика,
Его любая фальшь всегда боится.

43. Не отнимай совсем от уст моих
Живительного, истинного слова.
Надеясь на исход трудов Твоих,
Я возношу к Тебе молитву снова.

44. И обещаю свято сохранять
Закон Твой в сердце до скончания века.
О, если б до конца я мог понять,
Что уготовал Ты для человека!

45. Тогда бы я к свободе путь обрел,
Навек оставив помыслы мирские,
И словно сильный, царственный орел,
Смотрел бы сверху на дела людские.

46. Перед царями буду говорить
Я о Тебе, и слова не нарушу.
Лишь Ты один способен озарить
Небесным светом страждущую душу.

47. Ты – Утешитель. Заповеди я
Твои люблю. Они – моя опора.
Все миражи земного бытия
Перед Тобой тускнеют очень скоро.

48. К Твоим уставам руки простирать
Я в этой жизни буду неизменно,
И, размышляя, в сердце возгорать
Любовью к Богу и Его вселенной.

VII

49. Я уповаю на Тебя всегда,
Как Ты мне повелел еще в начале.
Не забывай же, Боже, никогда
Меня во дни гонений и печали.

50. Я бедствую – и вновь животворит
Меня Твое спасительное слово,
Оно со мной как с равным говорит
И каждый раз оно для сердца ново.

51. Все гордецы, как будто сговорясь,
Ругались крайне злобно надо мною,
Но я с Тобой поддерживая связь,
От злобы их укрылся за стеною.

52. И там, вдали от мира суеты,
Я вспоминал суды Твои от века,
И утешал меня словами Ты,
Которые бальзам для человека.

53. Владеет мною ужас каждый раз,
Когда Тебя злодеи не страшатся.
Они как будто не имеют глаз
И даже этой слепотой гордятся.

54. А я Твои уставы берегу,
Они служили в странствиях мне песней,
И укрепляли Твоего слугу,
И создали жизнь еще чудесней.

55. Не только днем, но даже по ночам
Я вспоминал Твое, Всевышний, имя
И, приклоняя слух к Твоим речам,
Во всех печалях утешался ими.

56. И Твой закон отныне стал моим,
Ибо храню в душе его надежно;
Внимая повелениям Твоим,
Иду путем закона непреложно.

VIII

57. Удел мой – свято соблюдать слова,
Которые Ты мне ниспосылаешь.
Всех верных Богу участь такова
И Ты пути их праведные знаешь.

58. Молился я: помилуй и спаси
Меня от бед и дьявольских напастей.
Пока живу – не устаю просить,
Чтоб даровал Ты мне покой и счастье.

59. И размышляя о путях моих
Среди раздоров, смуты и волнений,
Я был порой задумчив, светел, тих
В предчувствии Господних откровений.

60. Медлительностью я не согрешил,
Когда Ты призывал меня трудиться,
И все, что мог – то выполнить спешил,
К Тебе в труде желая приобщиться.

61. Вот нечестивцы расставляют сеть.
Для них – я зверь, а мой шатер – берлога.
Но никогда злодеям не суметь
Меня заставить отойти от Бога.

62. В полночный час я, Господи, вставал
И в тишине один Тебе молился,
Твое святое имя призывал
И славословить от души стремился.

63. Я близок всем боящимся Тебя,
Всем, кто хранит Твои установленья.
Друзей Твоих за преданность любя,
Я возношу за них к Тебе моленья.

64. Полна земля, Господь, Твоих щедрот;
Ты жизнь приносишь людям, птицам, травам...
Не покидай же избранный народ,
И научи меня Твоим уставам.

IX

65. Я получил, что Ты мне обещал.
Благодарю за все благодеянья,
За то, что Ты в печали утешал,
И часто облегчал мои стенанья.

66. К познанию от юности стремясь,
Лишь на Тебя, Премудрый, уповаю,
И, если будет между нами связь,
То все законы я Твои познаю.

67. До той поры, пока не пострадал,
Я заблуждался и грешил немало.
Теперь же новым человеком стал
И не хожу в потемках, как бывало.

68. Ты благ и благодетелен, Господь.
Твои установленья не нарушу,
И лишь с Тобой могу я побороть
Врага, одолевающего душу.

69. Пусть гордецы опять сплетают ложь;
В конце концов исчезнет все, что ложно,
А я хочу быть на того похож,
Кто Твой закон хранит в душе надежно.

70. Их сердце ожирело словно тук,
И суета к Тебе дойти мешает.
Ты, Господи, мне самый лучший друг,
Который в дни печалей утешает.

71. Я пострадал от недругов моих,
Но мне во благо эти все страданья.
Ищу всегда, Господь, путей Твоих
И не страшусь любого испытанья.

72. Законом уст Твоих я стал богат,
Он для меня дороже тысяч злата.
Мне истина нужнее во сто крат,
Чем золотом набитая палата.

Х

73. Устроен я Божественной рукой.
Передо мной открыты двери рая.
О, вразуми – и обрету покой,
На заповеди Божии взирая.

74. Увидят все – мне дорог Твой закон.
Он для меня – единственное счастье,
И усмиряет словом испокон
Души моей холодное ненастье.

75. Ты наказал меня за суету,
И справедливо это наказание.
Тебя здесь нет. И видя пустоту,
Испытываю страшное терзанье.

76. Не оставляй меня, не уходи,
Я без Тебя, как без руля на море.
Что ждет меня в скитаньях впереди?
С Тобою – счастье, без Тебя – лишь горе.

77. Ты утешитель мой на все века.
Я буду жить и славить постоянно
Тебя, чья милость к людям велика,
И чья любовь для них всегда желанна.

78. Да будут гордецы постыжены.
Они меня безвинно угнетают,
Но у меня в душе отражены
Твои слова, что слабых укрепляют.

79. Да обратиться каждый человек
Ко мне, кто знает тайну откровенья.
Его, как брата возлюблю навек
И тем исполню Божьи повеленья.

80. И чтобы я себя не посрамил,
Пусть сердце вечно будет непорочно.
Хочу, чтоб Ты и впредь меня хранил –
И я исполню заповеди точно.

ХІ

81. Истаевает вновь душа моя,
Желая обрести Твое спасенье.
Лишь на уставы уповаю я:
Они приносят сердцу утешенье.

82. Я говорю: когда утетишь Ты?
Истаевают очи постоянно
О слове правды, слове чистоты,
Которое всегда душе желанно.

83. Я стал, как на морозе лютом мех:
Весь затвердел, потрескался, измялся,
Но не восторжествует больше грех
Над тем, кто чистым на пути остался.

84. Когда умру? Когда придет конец?
Когда свершится суд Твой справедливый?
Ответь скорее, любящий Отец,
Наступит ли для верных день счастливый?

85. Мне вырыт на пути глубокий ров
И у злодеев сердце ровно бьется.
Сидят и ждут, когда в конце концов
К ним в западню их жертва попадется.

86. Несправедливо гонят. Помоги,
Не оставляй меня на поруганье,
Среди гонений душу сбереги
И укрепи в минуту испытанья.

87. Едва не погубили на земле,
Но я Твои уставы не нарушил,
И, зная то, что мир лежит во зле,
Я корни зла в самом себе разрушил.

88. По милости великой оживляй,
Вливай в меня, Господь, потоки света,
И постоянно душу наставляй
Животворящей буквою завета.

ХII

89. Во всей вселенной славен Ты, Господь!
Твои законы здесь от века правят,
И те, кто духу подчиняет плоть,
Тебя в восторге неизменно славят.

90. Твоя земля и солнце, и луна...
Как все чудесно в мире Ты устроил!
В душе моей такая тишина,
Какой Ты лишь немногих удостоил.

91. Тебе все служит и хвалу поет;
Лишь Ты один все в совершенстве знаешь,
И каждый атом по пути идет,
Который Ты ему предначертаешь.

92. Я в бедствиях погиб бы уж давно,
Когда бы Твой закон совсем не ведал.
Мне без него, как без огня, темно,
И над грехом не одержать победы.

93. Я не забуду все, что мне сказал
Твой дивный голос, в тишине звучащий.
Ты мне путь правды в мире указал
И дал закон меня животворящий.

94. Я Твой навек; спаси меня от бед;
Слова врагов полны смертельным ядом,
Но одержу и тысячи побед,
Когда со мной Ты, Милостивый, рядом.

95. Подстерегают, думают поймать,
И западню готовят без стеснения...
Я на Тебя лишь буду уповать,
Вникая постоянно в откровенья.

96. Я много видел на земле чудес,
Искусств людских пределы совершенства,
Но заповедь, пришедшая с небес,
Одна дарит всю полноту блаженства.

ХІІІ

97. О, как люблю Божественный закон!

Над ним с утра я размышляю часто.

И наполняет душу светом он,

И вновь душа великому причастна.

98. Я стал мудрее множества врагов,

Твоим законам с детских лет послушный.

Враги создали легион богов,

Но боги их бессильны и бездушны.

99. Я стал разумней всех учителей,

Когда коснулся тайны откровенья.

Твои слова мне в сотни раз милей,

Чем их пустые, ложные ученья.

100. Я даже старцев мудрых превзошел,

Храня в душе законы неизменно.

В Тебе одном сокровище нашел,

Которое единственно нетленно.

101. На путь неправды я не становлюсь,

В грязи греховной ноги не мараю.

Тебе усердно каждый час молюсь,

И лишь Тебе все думы поверяю.

102. Не уклонюсь от праведных судов,

Когда передо мной Твои уставы.

Всегда идти путем Твоим готов,

Ведущим в царство несказанной славы.

103. Твои слова сладки, как лучший мед.
Они приносят сердцу наслаждение,
И верю я: наступит мой черед
Свершить в Твои чертоги восхождение.

104. Я вразумлен Тобой на правый путь,
Тернистый путь, ведущий верных к Богу,
И не допустишь Ты с него свернуть
На легкую, но страшную дорогу.

XIV

105. Твои слова – светильник для ноги.
Своим законом путь мой освещаешь.
Прошу Тебя, Всевышний, помоги
Исполнить все, что Ты повелеваешь.

106. Поклялся я хранить Твои суды,
И эту клятву строго исполняю.
Ты вызволяешь часто из беды,
Когда Тебя на помощь призываю.

107. Я угнетен и вот опят грущу.
В душе – печаль, вокруг меня – разруха...
И утешенье, как всегда ищу
В Твоем законе сладостном для слуха.

108. Благоволи же, Господи, принять
Хвалу Тебе, идущую из сердца.
Лишь Ты один способен все понять,
И в миг утешить даже иноверца.

109. Душа моя всегда в моей руке,
Но слов закона я не забываю.
И в каждой букве, слове и строке
Я новый мир с восторгом открываю.

110. Опять готовят сети для меня.
Иссохла плоть моя среди гонений,
И для души покоя нет ни дня,
Но я не уклонюсь от повелений.

111. Я как наследство принял навсегда
Все откровенья любящего Бога.
Бываю весел каждый раз, когда
Я постигаю тайну хоть немного.

112. Я сердце к исполнению приклонил
Твоих уставов, милостивый Боже,
И взятому пути не изменил,
Который мне теперь всего дороже.

XV

113. Я ненавижу вымыслы людей,
Закон же Твой люблю самозабвенно.
Ты тоже любишь нас, своих детей,
И наставляешь правде неизменно.

114. Ты мой покров, надежный, верный щит.
Я буду им от злобы защищаться.
Пусть при осаде крепость и трещит,
Но Ты не дашь врагам ко мне пробраться.

115. Хочу, чтоб удалились от меня
Хулители, лишённые блаженства,
И буду, заповедь Твою храня,
Идти путем любви и совершенства.

116. По слову Твоему Ты укрепляй.
В трудах и скорби дух мой надломился.
На путь спасенья чаще наставляй,
Чтоб я случайно в сторону не сбился.

117. Поддержишь Ты – и буду я спасен,
И вознесу хвалу Тебе в молитве,
И, несмотря на то, что враг силен,
Я одержу победу в жаркой битве.

118. Всех, кто отступит с верного пути,
Ведешь среди скорбей дорогой тесной.
Где им теперь пристанище найти,
Отторгнутым от родины небесной?

119. Ты отмечаешь их своей рукой,
Любителей пиров и наслаждений,
А мне даруешь счастье и покой
Среди житейской смуты и волнений.

120. И я боюсь нарушить Твой устав,
Страшусь для тела тленного улады,
От напряженья вечного устав,
В борьбе с врагом, не знающим пощады.

XVI

121. Я суд и правду в жизни совершил,
И был за все Тебе лишь благодарным.
Утешь меня, как прежде утешал,
Не предавай гонителям коварным.

122. Заступник мой, прошу: не покидай,
Не истощай в душе моей терпенья,
Мне для борьбы с врагами силы дай,
Чтоб не попасть под иго угнетенья.

123. Истаевают очи каждый раз,
Когда я жду спасения от Бога,
И льются слезы горькие из глаз
При мысли: как трудна моя дорога.

124. Ты, Милосердный, правду сотвори,
Твоим уставам жажду научиться,
И двери рая сердцу отвори,
Куда оно от юности стремится.

125. Ты – господин, а я – Твой верный раб.
Не оставляй раба на поруганье,
И если телом я порою слаб,
То духом крепок, словно изваянье.

126. Закон Твой вечный ныне разорен,
Его клеймит языческое племя.
Но будет враг Тобою посрамлен,
Когда придет для отомщенья время.

127. Я так люблю, Господь, Твои слова,
Что для меня они дороже злата.
Полна Твоим законом голова,
Душа моя уставами богата.

128. Твои все повеленья признаю,
А ко грехам исполнен я презренья.
И все-таки прекрасно сознаю,
Как далеко еще мне до спасенья.

XVII

129. Как дивны откровения Твои!
Они Твой свет небесный отражают,
И словно родниковые струи
Мой ум и сердце разом освежают.

130. Ты вразумляешь мудрых и простых,
И просвещаешь всех, кто в путь свой вышел.
Я избегать стараюсь слов пустых
С тех пор, когда Твои слова услышал.

131. Уста мои сомкнуты, но порой
Вздыхаю я и сердцем горько стражду.
Молю Тебя, мне заповедь открой,
Которую как избавленья жажду.

132. Помилуй, Господи, и призри на меня,
Как поступаешь с любящими Имя.
Живу в душе слова Твои храня,
И утешаюсь непрестанно ими.

133. Мои стопы в законе утверди.
Нуждаюсь в нем, как в ежедневном хлебе.
Он мне сияет вечно впереди,
Подобно солнцу на духовном небе.

134. Избавь меня от происков людей,
Которые подкрались тихо к дому.
Стремится погубить меня злодей,
Но Ты не допусти свершиться злему.

135. Я жду, когда неугасимый свет
Меня, раба Господнего, коснется,
И на вопрос свой, получив ответ,
Моя душа на родину вернется.

136. Из глаз моих текут потоки вод,
Когда клеймят закон святой невежды.
Я встречи жду с Тобой из года в год
И до сих пор не потерял надежды.

XVIII

137. Ты справедлив и праведен, Господь,
И человек судов Твоих боится.
Я грех в себе сумею побороть,
Когда закон Твой в сердце поселится.

138. Я к откровеньям душу обратил.
Теперь она наполнилась блаженством.
Умом своим закон Твой охватил,
И наслаждаюсь высшим совершенством.

139. Снедает ревность Твоего раба,
Когда кругом вершатся преступленья.
Меня печалит грешников судьба,
Забывших слово правды и спасенья.

140. Твои слова сияют чистотой
И нет прекрасней для меня наследства.
Они пленяют дивной красотой,
Я возлюбил их всей душою с детства.

141. Пусть я презрен и бесконечно мал,
Но никогда / и Ты прекрасно знаешь /
Я повелений тех не забывал,
Которые Ты нам ниспосылаешь.

142. Я к вечной правде сердцем устремлен.
Скажу, внимая древнему преданью,
Что в истину, как юноша влюблен,
Я предаюсь духовному познанию.

143. И скорбь, и горесть постигают нас,
Тоска порой неимоверно гложет,
Но утешают сердце каждый раз
Твои уставы, милостивый Боже.

144. И откровений вечных красота
Мне открывает горизонты шире,
И не тревожит больше суета,
Царящая повсюду в этом мире.

XIX

145. К Тебе взываю: Господи, услышь,
Приди в мою душевную обитель.
Лишь Ты один передо мной стоишь,
Мой верный друг, помощник и спаситель.

146. Я призываю: помоги в беде,
Когда враги усилили гоненья
И где бы ни был всюду и везде
Хранить я буду слово откровенья.

147. Я предвещаю утренний рассвет,
И, встав, на небо очи устремляю.
Когда мой край еще во тьму одет,
К Тебе из глубины души взываю.

148. Как хорошо молиться и мечтать,
Святому настроенью предаваться,
И, ощущая в сердце благодать,
Своим умом в Твой Разум углубляться!

149. Услышь мой голос, любящий Отец,
Даруй мне счастье встречи, как бывало,
И оживи мне душу наконец,
Чтобы она вовек не унывала.

150. Приблизились лукавые враги
И замышляют преступленье снова.
Не оставляй меня и помоги
Мне справиться с хулителями слова.

151. Ты, Господи, мне близок, знаю я.
Весь трепещу в предчувствии свиданья.
И открывает заповедь Твоя
Мне истину и цель существованья.

152. Об откровеньях я давно узнал.
Они поят мой разум, словно реки.
Я как наследство их себе принял
И утвердил в душе своей навеки.

XX

153. Избавь меня от всевозможных бед,
Чтобы Тебя прославить мне делами.
Поддержишь Ты – и множество побед
Я одержу над хитрыми врагами.

154. Ты за меня, Всевышний, заступись
И сделай так, когда стою у цели,
Чтоб грозовые тучи пронеслись
И никакие бури не задели.

155. От нечестивых счастье далеко.
Они закон нарушить не боятся,
Им обрести спасенье нелегко,
Ибо они к уставам не стремятся.

156. Твоих щедрот не в силах перечесть,
Тебя мой разум словом прославляет.
Я рад, что у меня закон Твой есть,
Который вечно душу оживляет.

157. Гонителей довольно у меня,
Но я теперь их больше не пугаюсь,
И заповедь Твою в душе храня,
От откровений я не удаляюсь.

158. Я сокрушаюсь горько и скорблю,
Когда убийцу вижу или вора.
Слова Твои от юности люблю.
Они – моя надежда и опора.

159. Я их люблю за то, что каждый раз,
Когда звучат для сердца откровеньем,
Они приводят в радостный экстаз
И наполняют душу вдохновеньем.

160. Закон правдив и вечен всякий суд.
Стремясь теперь воды живой напиться,
Я твердо верю: времена придут –
И будут все к спасению стремиться.

XXI

161. Безвинно гонят сильные князья.
Их грозный вид повсюду страх наводит.
Но трепещу лишь перед словом я,
Которое с небес ко мне нисходит.

162. Так радуюсь я слову Твоему,
Как будто прибыль в чем-то обретаю,
И доверяя Твоему Уму,
Своим умом все время возрастаю.

163. Я ненавижу ложь и клевету,
Которой враг нестойких обольщает.
Закон же Твой люблю за чистоту,
За то, что он мне душу освещает.

164. Я семикратно прославляю в день
Тебя, к кому душа моя стремится.
Дай в руки меч и дух в броню одень,
Чтобы я мог с любым врагом сразиться.

165. О, как велик у любящих закон
Прекрасный мир, исполненный значенья.
Они познали правду испокон,
И нет нигде им в жизни преткновенья.

166. Я уповаю на Твои суды.
Ты мне с пути не позволяешь сбиться,
И вызволяешь душу из беды,
Когда она в сетях врага томится.

167. Душа моя от юности хранит
Свою святыню — слово откровенья.
Любовь к Тебе ничто не изменит,
Не поколеблет радости общенья.

168. Храню и повеления Твои,
В которых жить в любви повелеваешь.
Перед Тобой лежат пути мои,
И каждый шаг мой Ты прекрасно знаешь.

XXII

169. Пусть голос мой летит через миры,
К Тебе несется в радостном стремлении.
Я приношу Тебе свои дары
В несовершенном этом песнопении.

170. И пусть молитва – вопль моей души –
Перед лицом Твоим теперь предстанет.
Минуты эти дивно хороши
И продлевать их неизменно тянет.

171. Уста мои произнесут хвалу
И разом дух во мне возвеселится.
Когда законы все Твои пойму,
Тогда в душе блаженство поселится.

172. Слова Твои язык мой возгласит,
Вчера и завтра так же как сегодня,
И свежестью небесной оросит
Душевный мир мой заповедь Господня.

173. Рука Твоя да будет в помощь мне,
Как заповедь святая не забыта.
Я закалил свой дух в своем огне
И тверже стал алмаза и гранита.

174. Хочу, Господь, спасенья Твоего,
Пусть надо мной суды Твои вершатся.
Мне на земле не нужно ничего,
Лишь бы Твоим законом утешаться.

175. И да живет душа моя в Тебе.
Ты видишь все, и чувствуешь, и знаешь.
Я доверяю полностью судьбе,
Которой Ты незримо управляешь.

176. Я ЗАБЛУДИЛСЯ, МАЛАЯ ОВЦА.
ВЗЫЩИ РАБА, ИСПОЛНЕННОГО БОЛИ,
И ВЕЧНЫМ СВЕТОМ ТВОЕГО ЛИЦА
ТЫ ОСИЯЙ МЕНЯ В ЗЕМНОЙ ЮДОЛИ.

Anatolii Vladimirovich Zhokhov

PhD (Philosophy),

Lecturer of Philosophy,

Perm Religious Seminary,

Leader of Logos, Perm City Scientific Theological Club

118TH PSALM IN A POETIC FORM

Abstract. 118th psalm was presented in a poetic form in 1973. The author dedicated his work to his father – Archpriest Vladimir Zhokhov. In its preface he explains what motivated him to address this part of Book of psalms – the psalm is both the longest sacred song and interprets the Law of the God – a path leading a person to the appropriation of eternity.

Key words: Psalm 118, the Law of the God, Charter, a word, revelation, a commandment, path, judgment, command.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово главы Пермской митрополии Высокопреосвященнейшего Мефодия, митрополита Пермского и Кунгурского	3
--	---

I

Церковь в условиях революции и Гражданской войны. Поместный Собор Православной Российской Церкви 1917 – 1918 гг.

Священник Валентин Волков – клирик Свято-Троицкого кафедрального собора г. Перми, преподаватель ПДС. «Учение Священного Писания о природе вражды и о состоянии войны в мире. Отношение Православной Церкви к проблеме гражданской войны»	9
---	----------

Гоголин Н.А. – кандидат социологических наук, доцент; заведующий кафедрой гуманитарных и естественнонаучных дисциплин ПДС. «Поместный Собор Православной Российской Церкви 1917 – 18 гг. о перспективах духовного (семинарского) образования»	18
--	-----------

Гоголин Н.А. – кандидат социологических наук, доцент; заведующий кафедрой гуманитарных и естественнонаучных дисциплин ПДС. «Исповеднический подвиг воспитанников Пермской Духовной семинарии в годы Гражданской войны: социологический анализ» . . .	31
---	-----------

Дегтярева М.И. – доктор философских наук, кандидат исторических наук; проректор ПДС по научной работе. «“Церковная революционность” в России: “левый” и “правый” фланги движения за обновление Церкви»	44
---	-----------

Дегтярева М.И. – доктор философских наук,
кандидат исторических наук; проректор ПДС по научной работе.
**«Свидетельство верности:
графиня А.В. Гендрикова и Е.А. Шнейдер»** 64

Черепанов И.С. – студент 1-го курса
пастырского отделения очного сектора ПДС.
**«Христианство как основа формирования личности:
на примере биографии Питирима Александровича Сорокина»** 80

Иеромонах Симеон (Минаков) – настоятель храма в честь свт. Иннокентия
Московского в поселке Звездный; кандидат культурологи, преподаватель ПДС.
**«Осмысление революционных событий начала XX в.
в трудах Н.А. Бердяева и его жизненный путь
как религиозно-философская миссия»** 90

II

Продолжение стратегий Гражданской войны в церковно-государственных отношениях 20-х - 30-х гг. XX в. (по материалам пермских архивных фондов)

Попов Н.А. – учащийся подготовительного курса
пастырского отделения очной формы обучения ПДС.
**«Архивно-следственное дело священника Василия Мельникова
и диакона Никифора Брагина (1929 – 30 гг.):
методы филологического и сравнительного анализа
при “тестировании” документов на достоверность»** 100

Щелканов А.А. – студент 2-го курса
пастырского отделения очной формы обучения ПДС.
**«Архивно-следственное дело священника Виктора
Новожилова 1932 г. (по материалам ПермГАСПИ)»** 110

Дегтярева М.И. – доктор философских наук, кандидат исторических наук; проректор ПДС по научной работе. «Исповеднический путь священника Константина Воронцова (1919 – 1937 гг.)»	120
---	-----

III

Отражение подвига Новомучеников и Исповедников Российских в церковном искусстве и иконописи

Жук Ю.А. – доктор юридических наук; Президент Фонда Новомучеников ИМПЕРАТОРСКОГО Дома Романовых. «Посмертная судьба Царственных мучеников в монументальном искусстве»	133
--	-----

Иеродиакон Алипий (Кожухов) – насельник Свято-Троицкого Стефанова мужского монастыря; руководитель и преподаватель иконописного отделения ПДС. «Опыт создания соборных икон Всех святых в Земле Пермской просиявших»	151
--	-----

IV

Россия и Европа: проблема цивилизационного выбора

Сыромятников О.И. – доктор филологических наук; преподаватель ПДС, преподаватель Пермского института ФСИН России. «Ф.М. Достоевский о путях и принципах единения России и Европы»	166
---	-----

V

Православная миссия: история и современность

Протоиерей Игорь Ануфриев – настоятель храма во имя св. Вмч. и Победоносца Георгия; руководитель Отдела религиозного образования и катехизации Пермской епархии, духовник ПДС.

«Школа и Церковь: 100-летие декрета

“Об отделении церкви от государства и школы от церкви”» 181

Диакон Евгений Старцев – выпускник пастырского отделения ПДС.

«Православные традиции и современный взгляд

на подготовку и участие в таинстве Евхаристии» 188

VI

К 75-летию преподавателя философии Пермской Духовной семинарии доцента Анатолия Владимировича Жохова

Жохов А.В.

«Переложение 118-го псалма (с посвящением отцу –

протоиерею Владимиру Платоновичу Жохову). 1973 г.» 203

Главный редактор:

Гоголин Николай Александрович,
кандидат социологических наук, доцент,
заведующий кафедрой гуманитарных и естественнонаучных
дисциплин Пермской Духовной семинарии

Научный редактор:

Дегтярева Мария Игоревна,
доктор философских наук, кандидат исторических наук,
проректор Пермской Духовной семинарии по научной работе

Члены редколлегии:

- протоиерей Олег Игнатьев, первый проректор Пермской Духовной семинарии;
- протоиерей Игорь Ануфриев, духовник и преподаватель Пермской Духовной семинарии, руководитель Отдела религиозного образования и катехизации Пермской епархии;
- Вертинский Александр Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, проректор Пермской Духовной семинарии по учебной работе;
- Братухин Александр Юрьевич, доктор филологических наук, доцент, преподаватель Пермской Духовной семинарии;
- Жохов Анатолий Владимирович, кандидат философских наук, доцент, преподаватель Пермской Духовной семинарии;
- священник Виктор Букалов, кандидат богословия, заведующий кафедрой богословских дисциплин Пермской Духовной семинарии;
- священник Валентин Волков, преподаватель Пермской Духовной семинарии;
- Ануфриева Ольга Викторовна, кандидат искусствоведения, методист Регентского отделения Пермской Духовной семинарии;
- Иеродиакон Алипий (Кожухов), руководитель и преподаватель Иконописного отделения Пермской Духовной семинарии.

Корректор:

Глотова Светлана

Верстка:

ИП Дудкин В. А.